Б. ГАЛИН

Донбасс возрождается

ПРОФИЗДАТ — 1947

Б. ГАЛИН

Донбасс возрождается

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ
1947

СОДЕРЖАНИЕ

Поезд идет в Сталино

Впервые после войны я снова поехал в Донбасс осенью 1945 года. Давно уже наступили дни мира, окна поездов не были затемнены, но люди еще не привыкли к новой обстановке, и мысли о мирной жизни переплетались с мыслями о том, что было вчера...

Поезд шел из Москвы в Сталино. Пассажиры нашего вагона были люди самых разнообразных профессий: военные — первые демобилизованные и отпускники; шахтеры, инженеры, металлурги, геологи, работавшие в годы войны на Урале, в Сибири и теперь направляющиеся в родные места; хозяйственники, экономисты, проектировщики, снабженцы, строители — одни из них впервые ехали в Донбасс, другие уже работали в Донбассе и теперь возвращались на свои, как они говорили, «объекты», везя с собой утвержденные в Москве планы и сметы, наряды на лес, цемент, железо, стекло; были среди пассажиров партийные и комсомольские работники и члены правительственных комиссий, посланные в Донбасс определять размеры разрушений, способы и сроки восстановления заводов и шахт; были и такие, которые все потеряли за время войны — дом, семью; лишенные родного крова, они потянулись в Донбасс, чтобы начинать жизнь сызнова.

В одежде преобладал защитный цвет: не только на военных, но и на гражданских были телогрейки, шинели, гимнастерки. Война еще владела сознанием людей, ее следы можно было видеть на усталых лицах; по ночам она прорывалась в страшных криках детей, спавших на чемоданах, узлах, а то

и просто на полу вагона, ее можно было услышать в песнях, которые пелись то громко, то тихо, вполголоса, в бесконечных разговорах, которые велись под мерный стук вагонов нашего поезда, проносившегося мимо городов, поселков и деревень, по земле, которая вчера еще была полем битвы.

Но как ни велика была сила только недавно прошедшей войны, люди уже думали о том, что ждет их впереди, — о мирной жизни. Размышляли об этом вслух, спорили, делились своими предположениями, планами, мечтами. И если внимательно вслушаться, то можно было уловить общий смысл всех разговоров: скорее собрать все силы, залечить раны, нанесенные войной, немцами. В самом характере бесед и споров, живых и острых, вспыхивающих в разных концах вагона, ощущалась эта общая мысль, общая забота о своем государстве, с которым связана жизнь каждого советского человека.

В дороге люди быстро сближаются. Вскоре мы уже знали, что горный инженер в брезентовом плаще ездил в Москву с отчетным докладом в Наркомуголь и был, по его словам, здорово побит; что молодой кудрявый человек, забравшийся на третью полку, работает комсоргом шахты в Горловке и что современных поэтов он не признает, делая, однако, исключение для своего земляка — донбасского поэта Павла Беспощадного, который, по его убеждению, один понимает душу шахтера; что генеральный подрядчик, худенький, нервный человек с блестящими глазами и его товариш субподрядчик — ленивый и добродушный инженер, имеют счастье работать на одной строительной площадке, они друзья в частной жизни и враги по работе; что маленькая, сухонькая старушка, как воробышек примостившаяся на узлах, едет в Рутченково к своей дочери, которая замужем за Чуфаровым.

— Ответственник он у нас, — говорила она с гордостью о своем зяте. Так называют в Донбассе мастеров-практиков, сдавших экзамены на право ведения горных работ. Узнали, что «бесплацкартный пассажир», пожилой шахтер могучего телосложения в резиновых сапогах, едет из Караганды в Донбасс на шахту «Американка», чтобы хоть одним глазом взглянуть на эту прекрасную шахту, на которую ему не дают перевода.

— Подывлюсь та помру, — говорит он смиренным голосом. Но карие глаза его сверкают такой радостью бытия, что всем ясно — умирать он и не собирается.

И всеми этими людьми уже властно владел Донбасс.

— Если взять наше угольное дело, — говорил горный инженер, — то одной только воды из затопленных шахт нужно откачать сотни миллионов кубов.

— А металлургия? — продолжал горный инженер. — Сколько доменных печей нужно восстановить... А города? А культура? — И, видимо, вспомнив свои дела в наркомате, он с обидой сказал: — А от меня требуют, чтобы я и шахты восстанавливал и добычу давал.

В разговор вступил седой, в очках, пассажир, сидевший у самого окна. Он читал книгу и, казалось, не слышал, о чем идет беседа в вагоне. Но, повидимому, все то, о чем говорилось, глубоко интересовало его. Он вдруг поднял глаза от книги и, глядя поверх очков на горного инженера, сказал улыбаясь:

— И правильно требуют! Нужно восстанавливать шахты и уголь давать. — В его голосе была сила убежденности, заставившая всех внимательно прислушаться к его словам.

Я не знаю, кто был этот пассажир — работник ли Госплана, наркомата или обкома партии, но он с глубоким знанием дела обрисовал задачи, связанные с восстановлением Донбасса. Горный инженер, шахтер, старушка из Рутченковки — каждый из них знал свой участок работы. Седой же человек в очках охватывал все шахты Донбасса — каким был Донбасс до войны, каким он стал после немцев и какие огромные работы предстоят Донбассу.

— Крупнейшие специалисты нашей страны, — говорил он, — подготавливая материалы пятилетки Донбасса, определили, что в 1950 году восстановленный Донбасс должен будет превзойти довоенный уровень добычи угля [1].

Полезно вспомнить, что в 1940 году Донбасс давал угля в 5,5 раза больше, чем в 1913 году. Такой скачок в добыче был результатом перевооружения нашей всесоюзной кочегарки. По уровню механизации Донбасс накануне войны занимал одно из первых мест в мире.

Цифры в устах седого человека, хорошо знавшего и любившего Донбасс, ожили. Они жили, эти цифры, не сами по себе, а были пронизаны мыслью и энергией советских

---

[1] По новому пятилетнему плану Донбасс должен восстановить и превзойти довоенный уровень добычи угля и в 1950 году довести добычу до 88 миллионов тонн.

людей, преодолевающих все и всякие препятствия. Для того чтобы восстановить Донбасс, нужно откачать из шахт свыше 650 миллионов кубометров воды, восстановить более 2 500 километров заваленных горных выработок. Но этим не ограничиваются задачи восстановления всесоюзной кочегарки. Немцы разрушили и затопили 314 основных шахт и 31 шахту-новостройку. Они сожгли машиностроительные заводы, углеобогатительные фабрики, города и поселки. Нужно восстановить не только шахты Донбасса, но и города и поселки.

Он называл все новые и новые цифры предстоящих и уже ведущихся восстановительных работ, и сила его уверенности, что эти грандиозные по масштабам задачи, выпавшие на долю нашего народа, будут выполнены, передавалась окружающим.

В годы войны, сразу же после освобождения Донбасса, народ принял на свои отягощенные войной плечи новую задачу гигантской трудности — восстановление Донбасса. Буквально через несколько месяцев после изгнания немцев из Донбасса здесь стали добывать уголь, плавить металл, одновременно ведя борьбу за восстановление крупных механизированных шахт, дающих основную добычу.

Слушая рассказ седого человека о том, как наша партия и государство ставят и уже практически разрешают проблемы восстановления Донбасса во всеоружии могучей техники, каждый из нас острее и глубже воспринимал трудовую повседневную жизнь Донбасса с ее широкими перспективами, и мысли каждого снова возвращались к своему рубежу борьбы.

— В Енакиево, — сказал генеральный подрядчик, — кое-что уже сделано.

— Даю, чтобы ты дал, — весело сказал субподрядчик, сдавая карты, и скороговоркой добавил: — Первая домна в Донбассе пущена в Енакиево.

Комсомольский организатор, свесив кудрявую голову с верхней полки, вступил в разговор:

— И в Макеевке дали сталь. На восьмой день после освобождения Макеевки инженер Васильев оживил старую мартеновскую печь, ту самую печь, которую он в дни отступления остановил на полном ходу. Все опасались, что если разжечь печь горячим способом, то огнеупорная кладка, которая за эти годы разложилась, выпустит горячий металл. А Васильев сказал, что горячий металл образует монолитную корку и свяжет огнеупорную кладку. Так оно и случилось. А на

Центральной электрической станции для каждой балки, для каждой разрушенной колонны был создан свой метод лечения. В сердцевину разрушенной колонны под большим давлением нагнетали жидкий цементный раствор, он устремлялся во все поры и скреплял колонну.

— Метод инъекции, — сказал генеральный подрядчик, — дело нехитрое. А вот попробуйте поднять одновременно тысячи тонн металлоконструкций и поставить их на прежнее место. Это потрудней. Но мы это у себя делаем. Вес и размеры конструкций нас не пугают... Правда, Сережа? — обратился он к субподрядчику.

Он оживился, достал из-под койки длинный футляр, аккуратно раскрыл его и извлек на свет божий белоснежный плотный ватман. Это был проект расширения металлоконструкций прокатного цеха. Собственно говоря, было два проекта, говорил он, его проект и проект субподрядчика.

— Сей муж, — сказал он, показывая на субподрядчика, — предложил демонтировать весь цех, все металлоконструкции. А мы предложили проект наращивания металлоконструкций. Кое-кто говорил, что дело слишком рискованно и все прочее, что говорится в этих случаях...

Он весь жил. Что-то новое, доброе появилось в его глазах. Все с интересом слушали его объяснения — старушка, майор, горный инженер, пожилой шахтер, комсомольский работник.

— Ясно? — говорил он, почему-то обращаясь к старушке, которая смотрела на него, как на бога.

— Та, конечно, — быстрехонько отвечала старушка певучим голосом.

— Поехали мы с ним в Москву, — продолжал генеральный подрядчик, — пошел я к своему старому профессору, познакомил его с проектом; он меня поддержал, потом пробился я к замнаркома, замнаркома ознакомился с моим проектом и сказал: «Быть по сему!» Вот его подпись.

— Подпись неразборчива, — хмуро сказал субподрядчик.

Но подпись была очень ясна: в углу эскизного проекта стояло: «Утверждаю. Юдин».

Генеральный подрядчик аккуратно скатал ватман в трубку и вдвинул его в футляр.

— Скорей нужно строить, — сказал он уже другим голосом, тихим и напряженным, — чтобы исчезли все следы немцев на нашей земле. Все! Чтобы исчезли противотанковые рвы, в которые они загоняли живых людей...

Он замолчал, но все поняли: у этого человека большое личное горе.

— Скорей нужно строить, — снова сказал он звенящим голосом, — скорей!

— Как ты думаешь, Дима, — мягко сказал субподрядчик, — получили на заводе нашу телеграмму?

— Думаю, получили,— ответил генеральный подрядчик.

— И я так думаю. Сыграем?

И, сдавая карты, он снова сказал свою любимую фразу:

— Как говорили римляне: даю, чтобы и ты дал.

Повидимому, эти слова имели особый тайный смысл в его жизни, жизни инженера-строителя.

— Донбасс никто не ставил на колени, — вдруг послышалось с третьей полки, — и никому поставить не дано!

Все взглянули наверх. Молодой комсорг, свесив свою кудрявую голову, вызывающе смотрел на горного инженера.

— Стихи? — спросил горный инженер.

— Стихи, — решительно ответил комсорг и добавил: — Павла Беспощадного.

— Да, огромные ресурсы нужны, чтобы восстановить Донбасс, — после некоторого молчания сказал горный инженер. — Огромные материальные ресурсы, соответствующие масштабам работ.

Кто-то вставил:

— И творческие ресурсы.

Это сказал кудрявый молодой человек.

— Если у человека нет таланта, то никакие материальные ресурсы не помогут.

Все согласились: творческие ресурсы — дело большое. Талант обязательно нужен в таком деле, как восстановление.

— Я вам скажу, — заговорила сухонькая старушка, — мой зять работает начальником участка. Пласт у него маломощный, боковые породы слабые, но добычу он дает. И хорошо дает, потому что он имеет талант в этом деле.

Поезд стал замедлять ход. Показались низкие строения маленькой степной станции.

— Ну-с, — бодро сказал субподрядчик, — на этой станции мы заправимся... Здесь продают прекрасный мед.

Разговоры, которые я слушал весь день в поезде, были для меня своеобразным вводом в жизнь Донбасса. Прислушиваясь к тому,о чем беседовали люди, я как бы ощущал дыхание донбасской жизни. Я входил в круг мыслей, которые волновали людей, связавших свою судьбу с этим чудес-

ным краем. Поезд уже шел по донбасской земле. В былые времена это легко было почувствовать и увидеть — по огням, которые загорались на терриконах шахт, по зарницам, полыхавшим в небе. Донбасс, наша индустриальная жемчужина! Край угля, металла и химии. Край, богатый умными, талантливыми людьми, слава о делах которых и до войны гремела на всю страну.

Ведь именно здесь, в недрах донбасской земли, родилось стахановское движение. Помню, задолго до войны, в дни мирной жизни, я ехал вот в таком же поезде из Москвы в Донбасс. По долгу корреспондента я ехал со стахановцами, которые после четырехдневного совещания в Кремле, после тесного дружеского общения с товарищем Сталиным возвращались домой. Эти люди — шахтеры, сталевары, металлисты, ткачихи, съехавшиеся со всех концов страны в скорых поездах и прилетевшие на самолетах, зачинатели и последователи стахановского движения, люди, чьи имена прогремели на всю страну, впервые встретились в Москве и, выходя на кремлевскую трибуну, чувствуя направленный в свою сторону острый и внимательный взгляд Сталина, как бы обозревали свой жизненный путь.

Сталин одобрительно кивнул головой, когда Дюканов, коренастый, невысокого роста шахтер, стал рассказывать, как большевики на шахте «Центральная-Ирмино» воспитали беспартийного забойщика Алексея Стаханова.

— Что же сделали мы, стахановцы? — спросил себя Дюканов. — Мы труд разделили, товарищи.

— В этом суть успеха, — бросил реплику товарищ Сталин.

Дюканов стоял, обернувшись лицом к Сталину, положив на стол широкие, в ссадинах, крепкие руки. Вся его фигура дышала спокойствием и силой. Сталин внимательно, со все возраставшим интересом слушал его чуть медлительную обстоятельную речь, пытливо всматриваясь в открытое, спокойное лицо приземистого забойщика. У Дюканова была темная, коротко остриженная голова, широкое, тщательно вымытое лицо с навсегда въевшейся в кожу голубой угольной пылью.

Все четыре дня совещания товарищ Сталин внимательно слушал стахановцев, а на трибуну он вышел, положив перед собой маленький узкий листок. Его продуманная, глубокая речь обобщала мечты и думы миллионов. И на мою долю выпало это счастье — слушать Сталина. Говорил Сталин недолго, — кажется, около часа. То, что он сказал, давало

обильный материал для размышления, для действия. Люди слушали его речь, затаив дыхание. Велики были у всех напряжение и внимание, направленные на то, чтобы не проронить ни одного сталинского слова, не потерять ни одной сталинской мысли. Сталин вскрывал суть того, что сделали скромные, простые люди, смущающиеся тем размахом, какой приняло движение, которое войдет в историю нашей жизни одной из самых славных ее страниц. Он словно раздвигал высокие белые стены кремлевского зала, давая возможность всем увидеть широкие горизонты, захватывающие перспективы.

С Алексеем Стахановым и Мироном Дюкановым я поехал тогда в Кадиевку, а оттуда — в Ирмино. И ночь в поселке Ирмино я помню — горняки тысячной толпой встречали своих товарищей, вернувшихся с кремлевского совещания. Они должны были подробно рассказать о том, что видели в Москве, что сказал Сталин. В их адрес, в адрес этих двух забойщиков, уже прибыли сотни писем со всех концов страны. И не только из нашей страны, — писали из Америки, из разных городов Европы. Например, американский институт имени Линкольна в штате Тенесси запрашивал донбасских забойщиков с шахты «Центральная-Ирмино», есть ли у них в роду великие личности.

Как давно это было! На подмосковных рубежах погиб славной смертью Дюканов, парторг участка «Никанор-Восток». На фронте Дюканов был комиссаром. Шахту, на которой он работал, немцы взорвали...

Я смотрел на темное донбасское небо, которое вдруг озарилось нежнобагровыми полосами. Может быть, в Енакиево шла выдача чугуна. Корпус генерала Утвенко первым ворвался в этот город осенью 1943 года. Я был там в сентябрьский день сорок третьего года. На одной из улиц, на 22-й линии, собралась группа рабочих с заводов и окрестных шахт. Старый горняк принес сбереженные им планы горных выработок.

И Макеевку я помню — в первый день ее освобождения Красной Армией. Удивительная осень была в том году... Воздух, небо, молодые леса, дороги, по которым двигалась наступающая 54-я гвардейская дивизия, получившая позже наименование Макеевской, — все было окрашено в нежные золотые тона светлой и бодрой осени. И только над самой Макеевкой застыли в неподвижном воздухе черные клубы дыма, да земля содрогалась от взрывов. Это подрывные коман-

ды немецкой армии делали свое черное дело: по планам инженеров концерна «Восток» фашисты расправлялись с заводом, спешили уничтожить его.

Пульс битвы за Донбасс становился все более напряженным. От Макеевки до Сталино всего лишь двенадцать километров. С холмов, окружающих Сталино, с НП командиров наступающих полков и дивизий виден был город, широко раскинувшийся на высотах. Город горел. Его нужно было спасти, вырвать из рук немцев. 7 сентября вечером майор Чиклаидзе передал по радио боевое донесение: он ведет уличные бои в черте города.

В Сталино советские войска вошли на рассвете 8 сентября. Главная улица города — Артемовская — горела. Кое-где на заборах еще висели обрывки немецких приказов на русском языке. Немцы писали:

«С некоторых пор по городу стали ходить тревожные слухи о безнадежном положении немецких войск на фронте и о том, что приход большевиков в Сталино — это дело нескольких дней. Прежде чем верить в эти недопустимые и явно панические слухи, каждый житель должен хорошенько поразмыслить и серьезно отнестись к теперешнему положению.

Сейчас война.

Бояться и удивляться тому, что фронт не является стабильным и от времени до времени изменяется его положение, не приходится...»

В этом же приказе населению предлагалось «оставить свои дома и перейти на места, назначенные и устроенные германским военным командованием».

Завод, старый завод, имеющий семидесятилетнюю историю, был взорван, как и все заводы и шахты Донбасса. Это не была подленькая месть разбушевавшейся немецкой солдатни, взрывающей все и вся на пути своего отступления, это были звенья строго продуманного плана германского командования и магнатов тяжелой промышленности, протянувших свои лапы к нашему родному Донбассу.

В одном из захваченных нашими войсками документов германского командования говорилось:

«Разрушительные работы нужно проводить не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно...»

Отбросить Донбасс на десятки лет назад, затопить его шахты, взорвать его заводы, разрушить его города, заставить людей содрогнуться при виде этих разрушений, подорвать

экономическую основу его жизни — вот те далеко идущие «планы», которые ставило перед собой и проводило германское командование.

В Енакиево майор-танкист сошел — он хотел добраться домой на попутной машине. Я понимал его желание — ему хотелось скорее, скорее увидеть Горловку. И я хотел — скорее, скорее! — увидеть Сталино, а потом Макеевку, Горловку, Чистяково — весь Донбасс, который я когда-то видел взорванным, кровоточившим, разрушенным.

И первое, что я увидел в Сталино, это улицу Артема. Я еще не различал отдельных красок и черт этой улицы, но одно я сразу понял: улица была жива. И завод был жив, старый Юзовский завод. Над одной из домен роилось рыжее облако рудничной пыли.

Смотришь на эту прямую, пронизанную светом и простором улицу Артема в Сталино, на эти дома, с которых только сейчас сняты строительные леса, и диву даешься: да та ли это улица, которую мы видели в сентябре сорок третьего года, когда всю ее заволокло дымом, а в окнах домов бушевал огонь?

В первое утро освобождения Сталино жители горящего города остановили машину генерала Утвенко. Он был в темной лохматой бурке, загорелый, веселый, весь охваченный жаром победы. Его спросили тогда:

— Куда вы держите путь?

Утвенко ответил:

— На запад!

Каким далеким представлялся тогда путь до Берлина и сколько уверенности в конечном исходе войны было в бойцах, шагавших по освобожденному городу в соленых от пота, выцветших гимнастерках.

Говорят, первые впечатления самые сильные. И в Сталино, и в Горловке, и в Макеевке, и в Краматорске — всюду в Донбассе ощущалась сила жизни, могучая сила, преображающая этот взорванный немцами край.

В Макеевке, после того как я побывал на работающей доменной печи и в старом мартеновском цехе, поднятом из руин, я увидел генеральный план завода. План огромной наступательной операции. Это не была копия старого генплана. Новый генплан учитывал последние достижения технической мысли. Донбасс еще был в руках немцев, когда тысячи инженеров, переброшенных в годы войны на уральские и сибирские заводы, думали и мечтали о будущем

Донбасса, о своей Макеевке, своем Мариуполе, о Енакиево, Горловке... Генеральный план завода выпрямлял потоки грузов, расширял узкие места, он был составлен, так сказать, с большим запасом моральной молодости. Он весь устремлен был в будущее.

Работая в Сибири на кузнецком блюминге, инженер Жуков не переставал думать о своем блюминге в Макеевке. Техника не стояла на месте. Здесь, в Сталинске, он лучше увидел несовершенство своего макеевского агрегата. И еще не зная, придется ли ему работать после победы в Макеевке, он собирал крупицы опыта, делал черновые наброски, модернизировал облик блюминга. Его душа, душа донбассовца, рвалась в освобожденную Макеевку. На телеграфный запрос о состоянии цеха, в котором он работал до войны, ему также коротко, телеграммой, ответили, что все или почти все придется создавать заново. Одна станина осталась от блюминга.

И Жуков, не задумываясь, оставил спокойную, ритмичную работу на первоклассном блюминге в Сталинске и поехал в Донбасс, прекрасно понимая, что в Макеевке его ждет трудная и тяжелая жизнь, что будут бессонные ночи, война с подрядчиками и поставщиками, споры с проектировщиками, борьба за новый блюминг. Но он был к этому готов. Больше того, — он к этому стремился. Ведь это и есть настоящая жизнь, полная творческих исканий и борьбы. В поезде на пути из Сибири в Донбасс он корректировал образ будущего блюминга, каким бы он хотел его видеть. Как он ни был хорош, старый макеевский блюминг, но жизнь и опыт показали, что в нем есть изъяны. Проект нового блюминга мощностью в 1 600 тысяч тонн проката в год не мог быть воссозданием старого, довоенного блюминга.

Инженер Жуков, как и все инженеры, проектировавшие новый блюминг, хотел модернизировать все механизмы. Сколько горечи в свое время доставляла макеевцам так называемая нейтральная зона, искусственно созданная между нагревательным колодцем и блюмингом! Только на этом приходилось терять до 5 процентов производительности. На блюминге в Сталинске этой зоны не было. Ее нужно было ликвидировать и в новом проекте, удлинив рольганг, по которому слиток движется от нагревательного колодца до блюминга.

Иногда это были самые маленькие улучшения, так сказать, корректирующие образ блюминга. Нужно свести до

минимума ручной труд, дубинушку. Нужно все или почти все процессы труда механизировать. Часто проектировщики, выведенные из терпения «мелочами», которые занимали будущего начальника блюминга, пробовали урезонить его:

— Да ведь этого не было до войны!

— А теперь будет, — спокойно отвечал инженер Жуков.

И если дискуссия затягивалась, он тотчас обращался за помощью в Сибирь, в Сталинск и получал для подкрепления своих доводов нужный чертеж.

«Восстанавливая — шагнуть в будущее!» Эту задачу осуществляют заводы и шахты Донбасса. Метод заплат в проблемах восстановления неприемлем с нашей государственной точки зрения. Наши планы восстановления Донбасса разработаны на научной основе. Когда-то на рубеже XIX и XX веков великий Менделеев побывал на Урале и как ученый представил себе, каким должен быть Урал. Он писал, что там надо все или почти все вновь строить, не следует повторять задов, а лучше сразу делать получше, чтобы опять лет через десять всего не перестраивать. Но то, что не удалось и не могло быть сделано в условиях царской России, делалось и делается советской властью.

Величайшие созидательные задачи, когда-либо выпадавшие на долю народа, задачи восстановления Донбасса, успешно решаются с присущими советским людям размахом и деловитостью потому, что руководящей, направляющей и вдохновляющей силой является партия большевиков. Успехи, достигнутые в Донбассе, — пуск доменных печей, возрождение шахт и заводов, — нельзя расценивать только с узко хозяйственной точки зрения. Требуется другое мерило, другие масштабы в оценках сделанного. То, что мы видим сейчас в Донбассе, — это явление политического порядка. В характере восстановительных работ, в смелости решений, в умении зажечь народные массы на борьбу с трудностями — во всем этом видна сила нашего строя.

Донбассс как бы весь в движении. Он наступает. Он в пути.

* * *

Предлагаемые вниманию читателей очерки о возрождающемся Донбассе — это только штрихи той великой битвы, которую ведут люди Донбасса.

Начало битвы

I

Инженера Андреева, директора Металлургического завода имени Сталина, я после долгих поисков встретил у «горячего поста». Андреев совершал утренний обход завода — с этого начинается его рабочий день. В мартеновском цехе, куда я сперва пошел, я его уже не застал — он, говорят, был там час тому назад. И в доменном цехе его уже не было. Вот там-то, в доменном, мне и сказали, что кто-то видел Павла Васильевича у «горячего поста». И я пошел искать «горячий пост», который находился у восточных ворот.

Это была маленькая опрятная будка, чисто побеленная, напоминавшая украинскую хатенку. Стояла эта будка в наиболее оживленной точке завода, — здесь перекрещивались железнодорожные пути, по которым день и ночь проносились паровозы, тянувшие огромные ковши с металлом и шлаком. Когда клубы пара и дыма, заволакивавшие «горячий пост», на миг рассеялись, я увидел Андреева. Он забрался на блюмсы — стальные слитки, сложенные невдалеке от железнодорожных путей.

Андреев был в белой рубашке с закатанными рукавами и открытым воротом. Меня удивило выражение его лица: словно завороженный, Андреев смотрел прямо перед собой. Что он тут видел особенного? Мимо проносились, отчаянно свистя и тяжело дыша, паровозы, тащившие за собой огромные

ковши с металлом, справа высилось здание прокатного цеха, слева — новая воздуходувная станция, а над всем этим возвышались доменные печи — две из них работали, а другие были окружены строительными лесами. Обычный заводской пейзаж, вероятно, тысячу раз виденный директором завода.

И только много позже, когда я поближе познакомился с Андреевым и услышал от него краткую историю борьбы за эти печи, за воздуходувку, за прокатный цех, я понял, почему он, спокойный, поседевший инженер, отнюдь не склонный к восторженности, так любит этот уголок на заводе, который именуется «горячим постом».

II

— Как поживает Старый Юз?

— Старый Юз собирается праздновать семьдесят пять лет своей жизни. Он полон сил, он молодеет...

Этот разговор происходил в марте 1946 года в Большом Кремлевском дворце во время одного из перерывов между заседаниями на сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей пятилетний план развития народного хозяйства.

Судьбою Старого Юза — так когда-то назывался старейший на юге металлургический завод — интересовался академик-депутат Бардин, в свое время работавший в Донбассе. Отвечал Бардину инженер и депутат, директор Сталинского металлургического завода Андреев.

В государственном перспективном плане, определяющем и направляющем хозяйственную жизнь СССР, определяющем и направляющем творческую деятельность миллионов людей, в том числе и его жизнь, жизнь инженера Андреева, — в этой новой, послевоенной пятилетке было несколько цифр, рождавших особенный отзвук в его душе. В Законе было сказано: восстановить металлургические заводы Донбасса и Приднепровья, ввести в действие тридцать доменных печей общей мощностью 9 миллионов тонн чугуна в год, сталеплавильные агрегаты мощностью 8,4 миллиона тонн стали и 58 прокатных станов.

В эти чудесно звучавшие цифры входили доменные и мартеновские печи, прокатные станы старейшего на юге завода — завода, который инженер Андреев и его товарищи должны были поднять к новой жизни.

На сессии среди депутатов и гостей Андреев встречал своих старых друзей, вместе с которыми он когда-то учился в Горной академии. Как всегда, когда он приезжал в Москву, он и на этот раз побывал на «Серпе и молоте», на заводе, где начиналась его инженерная деятельность; побывал он и в Горном институте. В двадцатых годах институт назывался Горной академией.

Годы студенческой жизни... Это было время нашей молодости — время надежд и мечтаний. Общежитие Горной академии находилось в Старо-Монетном переулке. В комнатах с аскетически голыми стенами, среди махорочного дыма велись бесконечные страстные споры о будущем, рождались смелые идеи. Юные и страстные, живые и мечтающие, студенты Горной академии чувствовали себя счастливыми, когда думали о будущем своей страны. Они сами были ее будущим, ее надеждой.

Дети революции, молодые студенты в косоворотках или выцветших гимнастерках, которые остались у них после гражданской войны, — они еще не имели большого опыта жизни, но зато обладали чувством нового — этим драгоценным свойством нашей эпохи. Будущие инженеры, геологи, металлурги, горняки, будущие красные специалисты, директора, будущие государственные деятели и поэты — они в своих спорах ломали узкие рамки учебных дисциплин, обсуждая страстно, со всем пылом молодости, судьбы века, судьбы России, свою судьбу. Поздно ночью или в час рассвета из раскрытых окон студенческого общежития в Старо-Монетном переулке раздавался молодой голос студента Александра Фадеева, будущего писателя, однокурсника Андреева, с подъемом читавшего «Двенадцать» Блока.

В январе 1925 года Андреев защищал свой дипломный проект мартеновского цеха. Он защищал его в аудитории № 2 в присутствии профессора Грум-Гржимайло. Высокий красивый старик, злой и своенравный, не щадил чужого самолюбия. Он мог сразить одним острым словом. Все его высказывания отличались категоричностью. Сказал, словно отрубил. Именно его больше всех боялся студент Андреев. Голос Грум-Гржимайло был решающим при обсуждении дипломного проекта.

Грум-Гржимайло подошел к чертежам, развешанным на стенах зала защиты проектов, и сердито и насмешливо ткнул в волнистую линию, которая, по мысли молодого человека, условно обозначала бетонную плиту мартеновской печи.

— Это что? — спросил Грум-Гржимайло и, отчеканивая, насмешливо бросил: — Сту-ден-чес-кая рвань!

Андреев, багровый от стыда, молча смотрел на профессора. Всякие слова были излишни, — Грум-Гржимайло все равно не слушал бы его. Всякие оправдания, что все студенты так наносят фундамент, обрывая внизу чертеж волнистой линией, только вызвали бы гнев старика. В глазах профессора такое пренебрежение мелочами было преступно. «Если вы даете проект печи, то извольте показать все — в том числе и размеры бетонной плиты!» От этого, как бы походя брошенного замечания, Грум-Гржимайло перешел к более глубокому анализу проекта. В его острых критических замечаниях не было ни тени жалости, — он говорил жестко, как бы давая понять, что не намерен делать скидки на молодость автора. В дипломном проекте, если подходить к нему принципиально, отражены не только знания, накопленные и усвоенные данным студентом за долгие годы учебы, — это само собою разумеется. Важно другое: дипломный проект отражает подход автора к теме, выражает мысль будущего инженера, его размах, дерзость и глазомер.

Грум-Гржимайло медленно переходил от чертежа к чертежу. Андреев с беспокойством следил за каждым его движением. По мнению профессора, молодой человек запроектировал «голодную печь», обеспечив ее малым теплом. «Что он еще скажет?» — с тревогой думал Андреев.

Грум-Гржимайло поглядел в упор на молодого человека, затем круто повернулся и сказал, не скрывая своей зависти:

— Как хорошо начинать работу молодым...

Да, как хорошо начинать работу молодым... Даже если твой путь, путь молодого инженера, не выстлан розами. Даже когда старое, консервативное инженерство видит в тебе «красного специалиста», конкурента, который может затмить и отодвинуть старых специалистов в сторону.

Три молодых инженера пришли в двадцать пятом году на московский завод «Серп и молот».

Главный инженер завода долго вертел в руках путевку, которую ему дал Андреев, и с усмешкой сказал:

— А вам не все равно, куда пойти — в мартеновский цех или на колбасную фабрику?..

— Я сталь хочу варить! — сказал Андреев. — Сталь!

— Попробуйте, — холодно сказал главный инженер и направил его в мартеновский цех.

Но сталь варить ему пришлось не скоро. Он был инженером-стажером, ходил по цеху, смотрел, как колдуют около печей старые мастера, и мог только завидовать им. К печам его долго не допускали. И только однажды, когда заболел мастер Никулин и некому было давать плавку, молодому инженеру разрешили руководить печью, и он мастерски дал свою первую плавку.

Он научился варить сталь. Это была простая сталь. Но пришло время, когда нужно было перейти в высший класс металлургии, когда нужно было научиться варить высококачественную сталь в масштабах, соответствующих грандиозным масштабам начавшихся великих работ.

В первые годы сталинских пятилеток в Америку — в Детройт, на заводы Форда, в Чикаго, на заводы Мак-Кормика, в Европу — на заводы Круппа были посланы молодые советские инженеры и мастера.

Андреев попал в Эссен, на крупповский завод, в шестой мартеновский цех. Там он застал сотоварища по Горной академии, инженера Тевосяна Ивана Теодросовича. В кожаном фартуке, с лопатой или ломом в руке Тевосян работал на канаве у мартеновской печи. Это была тяжелая, грязная работа. Немцы прозвали Тевосяна «дер шварце Иоганн». Тевосян отличался чудовищной работоспособностью. Казалось, он не хотел терять ни одного дня, ни одной секунды своего времени. Он сам стремился — и советовал это своим товарищам — напряженно учиться, учиться, учиться, взять у капиталистической техники все наиболее ценное. Учиться на канаве, на разливке стали, на площадке у мартеновской печи, учиться у газовщика, у канавщика, у сталевара, у обер-мастера, у инженера, в лаборатории, в библиотеке, учиться всегда и всюду.

И Андреев понял: нужно, как Тевосян, итти снизу вверх, нужно отбросить самолюбие, забыть, что ты имеешь диплом инженера-металлурга, что в своем государстве ты руководишь цехом, забыть все это и вооружиться терпением, надеть кожаный фартук, взять в руки лом или лопату и начинать снизу, с канавы.

После работы в мартеновском цехе Андреев переодевался, шел в лабораторию, в библиотеку или разбирался в своих записях. Теперь это был инженер — жадный, настойчивый, целеустремленный, стремившийся осмыслить опыт работы на германских заводах.

Советские инженеры жили в Эссене тесной и дружной колонией. Жизнь СССР доходила до них короткими телеграфными заметками. Вот выпущен первый опытный образец трактора в 15—30 лошадиных сил в Сталинграде. В Челябинске произведена разметка будущего завода, у горы Магнитной ведутся геодезические работы... Находясь за тридевять земель от своей родины, раскинув географическую карту СССР, молодые советские инженеры отмечали на ней эти первые нарождавшиеся очаги социалистической индустрии. Магнитка и Кузнецкстрой еще только сходили с проектов на землю. Они искали — где эта гора Магнитная, где этот сибирский городок Гурьев, близ которого заложен величайший в мире завод. Это потом, несколько лет спустя, люди уже привыкли к словам «Магнитка», «Кузнецк», а тогда, в преддверии тридцатых годов, эти слова и связанные с ними понятия только рождались...

Теперь, когда я пишу эти строки, в сорок шестом году, после войны, которая явилась величайшим испытанием всех наших материальных и духовных сил, когда сама жизнь блестяще подтвердила силу и решающее значение сталинской политики индустриализации, я вспоминаю одно давно забытое интервью, данное знаменитым детройтским дельцом Генри Фордом.

17 июня 1930 года, в день пуска Сталинградского тракторного завода, Форд дал интервью. Он сказал коротко и самоуверенно, как подобает бизнесмену: «Россия начинает строить. С моей точки зрения не представляет разницы, на какую теорию опирается реальная работа, поскольку в будущем решать будут факты». Человек дела, один из капитанов американской промышленности, Генри Форд не сомневался, что факты будут не в нашу пользу: он был уверен, что русским не справиться с современной высокой техникой.

Сделаем еще одно маленькое отступление и приведем высказывание другого американца — инженера-геодезиста Сваджана, обыкновенного среднего американца, вплотную соприкоснувшегося с нашей жизнью в далекие годы первой пятилетки. Он участвовал в строительстве Сталинградского тракторного. В силу американского закона — бизнес есть бизнес — Сваджану, повидимому, было все равно, где размечать строительные площадки — в Южной Африке или на берегу Волги, где песок подвозят верблюды. Человек, далекий от политики, Сваджан добросовестно делал свое дело, за кото-

рое ему аккуратно платили. Седой инженер, он ходил в длинном пальто с широкими карманами, из которых всегда торчали свернутый чертеж или линейка.

На Сталинградском тракторном я видел его 17 июня 1930 года, когда с большого конвейера сошла машина в 15—30 лошадиных сил. Это была первая машина из будущих пятидесяти тысяч машин, составлявших годовую программу завода. О них, о пятидесяти тысячах тракторов, товарищ Сталин образно и сильно сказал в этот день, что это пятьдесят тысяч снарядов, взрывающих старый, буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне.

Я не знаю, о чем в эти минуты думал инженер-геодезист Сваджан, какие мысли и чувства вызвала в нем первая машина, которая с гулом шла по советской земле... Сваджан молча смотрел на эту машину, на людей, окружавших ее. Год спустя я встретил его на Харьковском тракторном в день пуска завода. Что-то случилось с молчаливым, сдержанным американцем. Он, никогда не дававший интервью корреспондентам, никогда не выступавший с речами, вдруг попросил слова. И сказал, что такие вещи, как пуск тракторных заводов, нельзя расценивать только в долларах и центах.

— Реки, — сказал он, — текшие веками в своем естественном русле, временами изменяют направление, делая его более полезным для человечества... Точно так же индивидуум, а то и целая нация, вместо того чтобы итти «по старинке», делает особенное усилие для улучшения своей судьбы... Каждая нация имела свою определенную миссию в течение прошлых столетий в прогрессе цивилизации. Одни — в промышленности, другие — в политике, некоторые — в искусстве, иные — в науке. И мне кажется, что миссия народа Союза Советов — доказать миру, что все же существует лучшая дорога в достижении общего братства.

Этот американец увидел, что́ скрывается за пуском таких заводов, как Сталинградский, как Магнитка, как Кузнецк, как Челябинский, которые не только выпускают машины, дают металл, но и переделывают людей и страну. Да, эти заводы — металлургические, автомобильные, тракторные — служили одной цели: превращая нашу страну в могучую индустриальную державу, они по-новому воспитывали наших людей.

Четыре года спустя на совещании металлургов товарищ Сталин, коснувшись общих проблем металлургии — этой ос-

новной силы народного хозяйства, — в сжатой и лаконичной форме подвел итог пройденному и завоеванному: «...мы выиграли самое дорогое — время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры».

В 1937 году на приеме в Кремле металлургов и работников угольной промышленности товарищ Сталин предложил тост за людей, от которых зависит судьба производства во всем нашем народном хозяйстве, — за средних и малых хозяйственных руководителей. Инженер Андреев, начальник мартеновского цеха, был участником этого исторического совещания. В этом же году его вызвали в Наркомат тяжелой промышленности и предложили перейти на новую работу — в Донбасс. Он не сразу дал ответ. Он любил свой цех, который он, можно сказать, выходил, он знал в этом цехе все — от подошвы печи до фонаря крыши, он знал людей, и люди его знали.

Приказ о назначении Андреева главным инженером Сталинского металлургического завода был уже заготовлен. Но нарком, беседовавший с инженером, не торопил его с ответом. Видимо, понимая, что творится в душе инженера, которому трудно оторваться от обжитого, привычного, он посоветовал ему: — Ищите новое!..

Ищите новое... Андреев поехал в Донбасс на старейший на юге завод имени Сталина.

Джон Юз был первым хозяином этого завода, англичанин Джон Юз, предприимчивый делец и стяжатель, получивший от царского правительства неограниченные возможности наживаться на донбасской земле.

«Теперь, когда я приезжаю на завод, бывший Юза — он называется Сталинским, — рассказывает в своей книге «Воспоминания металлурга» академик М. А. Павлов, — я всегда говорю, что там не осталось ничего от того завода, который я когда-то видел».

В восьмидесятых годах прошлого века студент Горного института Павлов, приехав на практику в Юзовку, увидел маленькие доменные печи с открытыми колошниками. Студенческую практику на этом же заводе проходил и Грум-Гржимайло. Грум-Гржимайло лазил в строящуюся мартеновскую печь, измерял, записывал — и создал свой чертеж печи.

Инженер-металлург Андреев, ученик Павлова, — в Горной академии он слушал его курс «Металлургия чугуна», — ученик Грум-Гржимайло — он защищал перед ним свой дипломный проект — полвека спустя после своих учителей приехал

на этот старейший металлургический завод. К этому времени старые юзовские печи были уже снесены, только бугорок торчал на том месте, где когда-то был фундамент одной из них. Завод был реконструирован в годы пятилеток. Новое в работе главного инженера Андреева состояло в том, что он должен был продолжать модернизацию мартеновских печей, превращая их в быстро работающие печи современного типа.

Андреев целиком отдался этой трудоемкой, но увлекательной для главного инженера работе. Было трудно. Нужно было плавить металл, или, как говорят заводские люди, «давать план», и одновременно решать главную задачу — реконструировать морально устаревшие печи, оснастить их современной аппаратурой, создать все условия для наилучшего режима работы. Работа требовала упорства и умения последовательно проводить взятую линию, умения терпеливо ждать, когда вложенные в мартеновские печи средства окупятся и дадут свои хорошие результаты.

К началу сороковых годов завод мог варить сталь высоких марок. Таким он вошел в войну — он давал чугун, плавил сталь, давал прокат вплоть до последней минуты своей жизни.

В октябре 1941 года линия фронта грозно надвинулась на Донбасс. Андреев получил приказ: готовить завод к эвакуации, отправлять оборудование на восток, а то, что не удастся вывезти, взорвать и уничтожить. Это был самый страшный и тяжелый этап в его жизни. Все то, что он когда-то строил, создавал, теперь нужно было разрушить.

Эшелон за эшелоном с оборудованием и людьми уходил на восток. Полторы тысячи рабочих Сталинского завода уехали со своими семьями на Урал. Павел Васильевич не знал ни минуты отдыха, он был весь в напряжении — каждый час мог поступить приказ оставить завод. Нужно было успеть сделать тысячи дел и среди них самое главное — вывести завод из строя.

До той минуты, пока работали доменные и мартеновские печи, у всех, в том числе и у Павла Васильевича, теплилась надежда, — может быть, не надо будет выводить эти печи из строя, может быть, все обойдется, может быть, фронт устоит. Но пришел день, когда Андрееву позвонили из обкома партии и сказали ему несколько слов, и он, в свою очередь, сказал инженеру доменного цеха Царицыну и начальнику мартеновского цеха Телесову, чтобы они на полном

ходу остановили все печи, наглухо закупорили их, прекратили подачу дутья.

Андреев разбирал ящики своего рабочего стола, когда к нему зашел инженер Царицын. Андреев очень дорожил своими записными книжками. Он сложил их стопочкой на столе — толстые, в кожаных переплетах записные книжки. Они были как бы зеркалом его души, души главного инженера. День за днем, месяц за месяцем и год за годом он вносил в эти книжки свои записи, отражавшие жизнь всего завода. В этих книжках можно было найти общую характеристику завода, характеристики цехов, технические показатели работы.

Он раскрыл первую записную книжку и, увлекшись, стал читать записи того дня, когда он впервые приехал на этот завод и стал его главным инженером. Какие прекрасные цифры! Сколько средств вложено в эти печи!

Царицын подошел к нему вплотную и ждал, когда Андреев оторвется от своих записных книжек. Андреев поднял голову и коротко спросил:

— Ну что?

Царицын горестно махнул рукой и своим обычным грубоватым голосом сказал:

— Все! Прекратили подачу дутья... Задыхаются!

Он говорил о доменных печах так, точно речь шла о живом существе. Потом взглянул через плечо Андреева и увидел записную книжку, хорошо знакомую ему.

— Да вот смотрю, — сказал Андреев. — Много мы с вами сделали, Александр Николаевич. Помню, когда я пришел на завод, я взял жесткую линию на капитальный ремонт оборудования.

У инженера Царицына тоже были свои любимые цифры. Он вынул из бокового кармана записную книжку — она всегда была с ним, книжка в потертом переплете.

— Вот моя жизнь, — сказал он, улыбаясь. — Хороший коэффициент я давал на третьем номере — 0,87...

И они заговорили о работе завода, вспоминая все его показатели. Они говорили так, будто готовились к оперативному совещанию. Будто не им придется взорвать и разрушить то, что они годами строили, создавали. Андреев взял из рук Царицына его записную книжку. Он перелистал ее и вдруг заметил на одной странице какую-то странную запись — так обычно пишутся стихи. Андреев удивился: это еще что такое? Царицын решительно прикрыл листок.

— Рецепт шихты, — смутившись, сказал он...

Андреев остался один. Задумавшись, он долго смотрел в раскрытое окно. И вдруг раздался пронзительный и сильный свисток, и из-за темных громад прокатного цеха вышел и, медленно набирая скорость, пошел паровоз. Он шел по заводским путям и давал один свисток за другим. Павел Васильевич вздрогнул. Отчего этот паровоз так пронзительно верещит? И тотчас со всех сторон, как бы отзываясь первому паровозу, послышались новые и новые страшные свистки. И Андреев сразу вспомнил: ведь это общий сигнал оставить завод. Он сам приказал дать его.

Старые и молодые заводские паровозы, черные, прокопченные, низкорослые, юркие — они честно служили своему заводу, тянули ковши с горячим литьем, возили в пульманах руду, кокс, стальные отливки. Были среди них старики-работяги, певшие низкими и глухими голосами, солидно, протяжно; и молодые, не успевшие прокоптиться, сверкающие свежей зеленой краской, — эти заливались дерзко-веселыми, короткими свистками. И вдруг стало тихо. Паровозы замолчали в одно время, и только слышно было их тяжелое дыхание — они молча покидали свой завод, гремя на стыках рельсов, окутанные клубами черного дыма.

Андреев слушал медленно замирающие звуки паровозных гудков, и ему казалось, — вот оборвется этот тонкий звук и вместе с ним оборвется что-то в его душе. Кто-то за его спиной сказал:

— Павел Васильевич, пора.

Да, пора...

Он свернул в трубку эскизный план завода. На стене осталось пятно. Пропустив вперед товарищей, он остановился в дверях, потом кинулся обратно к окну — хотелось одним взглядом охватить завод. И молча, боясь шевельнуться, он смотрел на заводские крыши, блестевшие от дождя, на доменные печи, — над ними уже не вился голубой дымок. Они задыхались и медленно умирали так же, как умирали мартеновские, — в чреве мощных печей медленно остывал металл, наглухо забивая все выходы.

Семьдесят лет создавался завод, эти прекрасные доменные и мартеновские печи, эти прокатные станы, эти воздуходувные машины, и вот пришлось остановить и эти печи и весь завод, в который вложено столько человеческой мысли, история которого охватывала жизнь многих поколений, чья жизнь — это твоя и моя жизнь...

В какие-то считаные минуты все это будет выведено из строя, чтобы ни одного грамма живого металла не досталось немцам.

Ясиноватское шоссе было забито машинами, тележками, подводами, детскими колясками. Люди молча шли и ехали, тяжелой плотной массой заполняя дорогу. Андреев всю дорогу молчал. Все молчали. На седьмом километре он остановил медленно двигавшуюся машину. Он взобрался на ближайший холм, чтобы еще раз, может быть в последний раз, взглянуть на город, на свой завод. Отсюда, с холмов, хорошо виден был город.

Страшно было смотреть на серую мглу, повисшую над городом, страшно было, стоя в грязи, под дождем, смотреть на далекий завод, который остался там один, пустой, полумертвый.

III

Четвертым эшелоном уезжал на восток начальник проектного отдела Сталинского завода Кузьма Григорьевич Могилевский. Он должен был вывезти заводской архив — чертежи, геодезические инструменты, планшеты, рисующие лицо завода, по существу, всю техническую историю завода, воплощенную на ватманах и кальке.

Утром 7 октября Андреев вызвал Кузьму Григорьевича и поставил перед ним эту задачу — любой ценой вывезти все проектное хозяйство. И повторил:

— Понимаете, Кузьма Григорьевич, любой ценой...

Кузьма Григорьевич спросил:

— Куда вывозить?

Павел Васильевич не сразу ответил. Он осунулся за эти дни, глаза его смотрели устало.

— Куда? — спросил он и вышел из-за стола. — Куда? — сказал он и подвел начальника проектного отдела к карте.— На Урал, на Серовский металлургический завод.

Оба они как инженеры хорошо понимали всю важность этого мероприятия: вывезти проекты — значит вывезти технический мозг завода. Они избегали произносить такие слова, как «немец», «отступление». Об этом тяжело было думать, не то что говорить.

В полдень Кузьма Григорьевич проводил свою семью — жену и дочь. Они уезжали с третьим эшелоном.

Как только поезд тронулся, Кузьма Григорьевич облегченно вздохнул: семья, слава богу, уехала, теперь задание Павла Васильевича можно выполнять со спокойной душой.

После отъезда семьи дом, в котором жил Кузьма Григорьевич, сразу принял другой вид. Двери были распахнуты, в комнатах всюду валялись обрывки бумаг, в столовой на столе лежал забытый дочерью темносиний шарф, на выцветших обоях выделялись пятна — там вчера еще висели семейные фотографии, жена увезла их с собой. Эти пустые стены разоренного гнезда действовали удручающе. Жена все помнила и все приготовила. Хлеб, сушеные фрукты, сухари, табак и даже стопочку носовых платков. Все это было аккуратно завернуто и сложено. И вещи, которые нужны ему в дороге, были приготовлены: пальто, валенки, шапка. Они еще пахли нафталином.

Кузьма Григорьевич стал выбирать книги, которые он решил взять из своей обширной библиотеки. Он собирал годами эту библиотеку, главным образом технические книги. Он отложил «Курс паровых машин», объемистый том графостатики, том «Конструирование и расчеты», девять томов «Детали машин». Отобранные книги он вложил в мешки.

Зашел старик архивариус Шерудилло, и, взвалив на плечи мешки с книгами, вещами, едой, они пошли на завод. По дороге Кузьма Григорьевич вспомнил, что оставил двери в сад открытыми. Он хотел было вернуться, чтобы закрыть двери и окна, но подумал и махнул рукой — открыты двери или закрыты, — какое это теперь имеет значение?.. Архивариус с трудом поспевал за быстро шагавшим начальником проектного отдела. К Кузьме Григорьевичу вернулась его обычная энергия.

Когда они пришли в проектный отдел, он почувствовал себя совсем хорошо. Вот его истинный дом. Эти комнаты со шкафами, комодами, стеллажами, на которых лежали тысячи и тысячи чертежей. Храм технической мысли... Нужно было укладываться.

Телефон, на счастье, еще работал, и Кузьма Григорьевич созвонился с начальником транспортного отдела и потребовал, чтобы к утру был подан вагон поближе к проектному отделу. Ему выделили пульмановский вагон с высокими бортами. Он позвонил в отдел капитального строительства, но не начальнику отдела, а какому-то Фадеичу — всюду у него были старые приятели — и быстро сговорился с Фадеичем,

чтобы к утру вагон был покрыт этернитовой крышей и, если удастся, чтобы в нем соорудили печку.

Всю ночь начальник отдела, архивариус и чертежники трудились, укладывая чертежи. Тридцать пять тысяч чертежей! Тут были и его собственные чертежи. Вся его жизнь была здесь — начиная с того дня, когда сорок лет назад он впервые вошел в проектный зал и сел за чертежный стол. Он был сначала чертежником — переводил на кальку, копировал чужие мысли, чужое творчество, потом стал чертежником-конструктором, постепенно овладевая искусством проектировки. Потом он уже сам творил, создавал проекты. Англичане, французы, бельгийцы — все эти приезжавшие из-за моря иностранные проектировщики, во всем секретничавшие и продававшие свои секреты за деньги, приходили и уходили. А он — русский практик, скромный и тихий человек, — оставался бессменно на своем посту, влюбленный в свое проектное дело.

Перед рассветом Кузьма Григорьевич и Шерудилло прилегли на ящики отдохнуть. Сквозь щели в затемненных окнах пробивалась заря. Архивариус встал и потихоньку, чтобы не разбудить начальника, поднял шторы и раскрыл окна. Чертежники стали выносить и грузить комоды с чертежами.

Настала минута, когда старики — Кузьма Григорьевич и Шерудилло — остались вдвоем в опустевшем проектном зале. Они на миг присели, и вдруг Шерудилло — седой старик — припал к плечу своего начальника и друга и горестно заплакал. Стены проектного зала были голы.

Пульмановский вагон, в котором уезжал Кузьма Григорьевич, хорошо оборудовали: он имел этернитовую крышу и даже железную печку на случай холодов. Ведь ехали на Урал...

Четвертый эшелон должен был пойти на Урал через Сталинград. Ночью на станции Лихая эшелон повернули на другой путь, в сторону Кавказа. Все пути на Сталинград были забиты. Многие покинули вагоны, решив пробиваться ближайшим путем на Сталинград, а потом на Урал. Кузьма Григорьевич остался в своем пульмановском вагоне — один с тридцатью пятью тысячами чертежей, которые он не считал возможным бросить на произвол судьбы. Его удивило и растрогало, когда один из заводских работников, Еремин, из отдела капитального строительства, сказал, что поедет с Кузьмой Григорьевичем. Еремин был пожилой человек, но Кузьма Григорьевич почему-то звал его нежно, как мальчи-

ка, — Иося. Поезд шел рывками — пройдет с десяток километров и долго стоит в степи.

Все вокруг клокотало, металось, жило страшной жизнью. Вся жизнь людей, застигнутых в пути, гонимых ветром войны, была на виду. Матери кормили грудью младенцев, дети играли вдоль железнодорожной насыпи, девушки заплетали косы, где-то пели песни, где-то шопотом произносили слова любви, и только старые люди сидели на узлах, грустно вглядываясь в низко нависшее осеннее небо.

И все-таки Кузьма Григорьевич не растворился в этом потоке беженцев. Он не пал духом при виде народного бедствия. Все свои усилия, всю энергию свою он направлял на то, чтобы сберечь, спасти, доставить в целости и сохранности величайшие богатства родного завода — тридцать пять тысяч чертежей.

Поезд, в котором ехал Кузьма Григорьевич, на седьмые сутки дошел до Баку. С этого и начались мытарства Кузьмы Григорьевича. Огромные потоки грузов скопились в Баку. Они все шли и шли — эшелон за эшелоном — и упирались в море.

Нужно было получить разрешение, чтобы погрузить вагон с чертежами на пароход, нужно было добраться до уполномоченного по перевозкам, нужно было убедить его, что грузы, которые везет Кузьма Григорьевич, должны быть спасены. Это было трудное дело. Кузьму Григорьевича оттирали более сильные, молодые люди с широкими плечами и громкими, властными голосами. Они стучали кулаками перед уполномоченным, они выкладывали на стол свои мандаты, они требовали, грозили или вдруг переходили к грубой лести. Этот быстрый переход от угроз к лести особенно поражал Кузьму Григорьевича... Умеют же люди... так менять голос. Он так не мог. Ни грозить, ни требовать, ни льстить. Поразительно, как быстро уполномоченный по перевозкам разбирался во всем этом и как он, не поддаваясь ни угрозам, ни лести, решительно отказывал одним и давал положительные ответы другим.

— А у вас что? — спросил он Кузьму Григорьевича. — Какие ценности? Люди? Материалы?

Он говорил хриплым голосом, быстро. Он застиг Кузьму Григорьевича врасплох.

— Чертежи, — смутившись, проговорил Кузьма Григорьевич .— Заводские чертежи.

Он стал рыться в пальто и доставать какие-то бумаги, но уполномоченный жестом остановил его.

— Какие ценности?

Кузьма Григорьевич начал подробно рассказывать о том, как он поехал четвертым эшелоном, как вагон повернули со станции Лихая на Баку... Из всего этого рассказа, долгого и подробного, было ясно одно: Кузьма Григорьевич остался один со своим грузом бесценных, как он выразился, чертежей. И тут он впервые, на какое-то мгновение, усомнился в ценности своих проектов, таким странным взглядом его окинул молодой человек с усталым лицом.

Уполномоченный предложил:

— А что если мы отправим вас на Урал одного, а все ваши бумаги придержим — они позже пойдут?

Кузьма Григорьевич отрицательно покачал головой:

— Я и проекты, — сказал он с достоинством, — это одно целое.

— Завтракали? — спросил уполномоченный, доставая из ящика стола бутерброд.

Кузьма Григорьевич поблагодарил: да, утром он завтракал. Уполномоченный взялся за бутерброд. Он держал руку на телефоне, точно каждую секунду ждал звонка, и внимательно разглядывал человека с седыми, аккуратно подстриженными усами.

— Одно целое, — проговорил он и, кажется, в первый раз за весь день улыбнулся. — Дайте берег, — сказал он, взяв трубку, и, узнав у Кузьмы Григорьевича номер вагона, приказал кому-то по телефону подать этот вагон под погрузку на пароход «Комсомолец».

Чертежи Кузьмы Григорьевича грузились вместе с ценностями Ростовского банка. Матросы, грузившие комоды с чертежами, клали один комод на другой, обхватывали их цепью и, точно это был картофель, спокойно и равнодушно опускали в трюм. Кузьма Григорьевич не мог видеть такого грубого обращения с чертежами Для матросов это был груз. Только груз. А для Кузьмы Григорьевича в этих ящиках и комодах с проектами была вся его жизнь. От грубого обращения с грузом один из комодов раскрылся — и полетели чертежи.

Когда старик увидел летевшие в воздух связки драгоценных бумаг, он так горестно вскрикнул, что обратил на себя всеобщее внимание. Матросы в серых брезентовых робах и старпом — маленький коротконогий, с бычьей шеей, коман-

довавший погрузкой, — с удивлением взглянули на метавшегося по берегу худенького старичка. Он прижимал к груди чертежи и тонким голосом взывал к матросам: «Боже мой, что вы делаете!»

Матросы со всех ног кинулись подбирать разлетавшиеся бумаги, только бы утешить этого странного человека с обнаженной седой головой. Они провели его по трапу на пароход, бережно поддерживая с двух сторон.

Вступив на палубу, Кузьма Григорьевич кинулся к трюму — посмотреть, в каком положении находится его груз. Тут ему снова пришлось пережить несколько тревожных минут. Ящики и комоды с чертежами лежали вперемежку с бочками сельдей и мешками соли. Какое ужасное соседство!.. Старпом — живой и юркий моряк — успокоил его.

— Бюмажкам, — сказал он почти нежно, — бюмажкам там будет лучше.

Старик с благодарностью пожал ему руку. Он хотел рассказать старпому, какие это бумаги, так сказать, поговорить с ним один на один. Но старпом, извинившись, откланялся и ушел.

В Красноводске груз Кузьмы Григорьевича сложили на берегу и укрыли брезентом. Было еще тепло, и Кузьма Григорьевич с Иосей спали на своем грузе. Кузьма Григорьевич ходил от одного железнодорожного начальника к другому и всем подробно рассказывал, что это за груз, какие это бесценные бумаги. Ему казалось, что как только люди уразумеют значение его груза, то немедленно подадут должное количество вагонов. Один, а может быть и два.

Но вагонов ему не давали. Были более срочные грузы, для которых вагонов тоже нехватало. В порту на товарной станции его уже все знали — сторожа, грузчики, диспетчеры. Каждое утро он появлялся на пороге диспетчерской и тихо и вежливо произносил: «Я пришел напомнить вам...» Но его коротко прерывали: «Хлеб, нефть, хлопок...»

— Понимаю, — вздыхая, говорил Кузьма Григорьевич.

На восток грузили день за днем хлеб, нефть и хлопок. Это сейчас были наиболее важные для востока грузы. Однажды диспетчер пододвинул ему оперативную сводку и откровенно сказал:

— Ну что вы тут лезете со своими комодами, набитыми бумажками? Кому они нужны, эти чертежи, когда все рушится? Выбросьте их в море и перестаньте о них думать.

Старик долго и внимательно читал и перечитывал оперативную сводку. Да, положение на фронте было очень и очень грустное. От Донбасса оставался только кусок. Фронт проходит под Москвой... Кузьма Григорьевич долго стоял у карты Родины, мысленно как бы разговаривая с фронтами, которые извилистой линией тянулись от моря и до моря. Так ли уж печально обстоит дело, что ни он, ни его чертежи уже никогда никому не будут нужны? И если все рушится, как говорит диспетчер, то зачем тревожиться о каких-то там бумагах, зачем добиваться вагона и зачем вообще жить?..

Он отыскал на карте город, куда эвакуировался завод. Как это далеко от линии фронта! Он привстал на носки, чтобы получше разглядеть точку, отмечающую этот далекий, скрытый горами уральский город.

Однако стоило ему хоть на минуту представить себе картину работающего завода — на доменных печах идет выдача чугуна, в мартенах плавят танковую сталь, — как с души его спадала какая-то тяжесть, и он снова утверждался в мысли, что он еще нужен, как нужны его тридцать пять тысяч чертежей. И нужно ему жить для того, чтобы выполнить государственное задание, сохранить, спасти богатейшее проектное хозяйство.

Кузьма Григорьевич понимал, что сейчас, когда положение в стране напряженное, самое главное — это нефть, хлопок, хлеб. Но вместе с тем он не терял надежды, что один вагон ему все-таки дадут для его груза. О двух вагонах он уже перестал мечтать.

К концу третьей недели ему дали вагон, в который он погрузил свои чертежи. Вагон был прицеплен к составу с весьма срочным грузом. Это были пятьдесят четыре цистерны с нефтью, пятьдесят пятым в хвосте шел вагон Кузьмы Григорьевича. Окрыленный успехом, он дал телеграмму на Урал Андрееву: «Успешно пробиваюсь на восток, — писал он, — благодаря любезности железнодорожной администрации». Ему казалось, что такая маленькая лесть делу не повредит.

Когда на заводе получили его телеграмму, все обрадовались. Жив дорогой Кузьма Григорьевич, а если жив он, значит целы и проекты. Андреев снарядил человека на поиски Кузьмы Григорьевича. Ему повезли деньги, продукты и валенки. Но вагон с чертежами затерялся на великой железнодорожной магистрали.

На станции Арысь пятьдесят пятый вагон, в котором ехал Кузьма Григорьевич, был отцеплен. Ему снова предложили

оставить свой груз. Но он с этим не мог согласиться. Он останется с чертежами! Он продал пиджак, потому что нужно было есть, а у них с Иосей денег уже не было. Правда, выручали иногда бойцы погрузочно-разгрузочной команды. Они приносили ему то щи, то рисовую кашу. Он конфузливо отказывался, благодарил — и ел с удовольствием. Он не терял надежды, что когда-нибудь их вагон прицепят.

По вечерам он рассказывал бойцам о своем заводе, о своем городе. Какой это прекрасный завод! «Вот вся его история»,—говорил он,—показывая на вагон с чертежами. Эти же бойцы вместе с политруком команды уговорили машиниста проходящего состава прицепить вагон Сталинского завода.

Старик возликовал. Теперь они поехали! Он тепло простился с бойцами: до свидания, дорогие товарищи, может быть, когда-нибудь вы будете в Донбассе, милости просим на наш завод. Бойцы долго смотрели вслед вагону, который увозил чудесного, неунывающего седого человека.

Ночью, в пургу, за Аральском поезд остановился, и вагон Кузьмы Григорьевича снова был отцеплен. Ветер гнал по путям снежную крупу. Это был какой-то глухой полустанок. Вагон загнали в тупик. Тут даже Кузьма Григорьевич приуныл. Холод, глухой полустанок... Но когда Иося робко сказал ему, что нужно пересесть на проходящий пассажирский поезд, а груз сдать под расписку, Кузьма Григорьевич, задыхаясь от гнева, крикнул на него: «Молчи, Иося!» Однако, как ни крепился Кузьма Григорьевич, на душе его было мрачно, «сумно», как он говорил. Холод проникал сквозь щели вагона, и старый человек, зябко кутаясь в пальто, подобрав под себя ноги, боясь шевельнуться, долгими часами лежал на комодах с чертежами.

Это было его первое большое путешествие. Более сорока лет он провел на заводе. Он еще помнил одного из Юзов — Артура-младшего. Из окна чертежной Кузьма Григорьевич видел свой завод. В минуту отдыха или раздумья он любил всматриваться в заводской пейзаж. Как все менялось вокруг! Как будто незаметно, но год за годом все вокруг становилось другим. Сносили одни доменные печи, строили новые, потом и новые старели, и тогда возводили другие, более мощные. И все они — старые, молодые, и те, что сносили, и те, что заново строили, — проходили через его руки, он готовил для них чертежи. Они жили в его памяти со всеми своими конструктивными данными.

Когда Кузьму Григорьевича охватывала страшная тоска оттого, что он бессилен что-либо сделать на этом глухом полустанке, он успокаивал себя тем, что принимался за работу: наводил порядок в вагоне, перекладывал ватманы и кальки и медленно, смакуя каждый штрих, читал и перечитывал старые чертежи. Читая и перечитывая эти потертые на сгибах чертежи, он испытывал огромное наслаждение, подобное тому, какое испытывает музыкант, читая с листа партитуру и всем существом своим схватывая внутренний мир звуков. И настроение его в таких случаях улучшалось.

Он вез огромное наследство, — так говорил он себе. В этих проектах собрано творческое наследство, энергия тысяч и тысяч заводских людей. В каждом проекте бьется чья-то живая, горячая и страстная мысль. По этим чертежам можно прочесть всю жизнь завода — рвачество и хищничество Юзов, первые шаги советской власти, смелый разворот работ в годы пятилеток.

Да, со стороны могло показаться, что в это бурное время, когда решается судьба страны, смешно беречь какие-то там заводские бумаги. Но, по глубокому убеждению Кузьмы Григорьевича, так могли думать и рассуждать только узколобые деляги, люди с маленьким горизонтом, которые не хотят и не могут видеть свой завтрашний день. «Да, сегодня эти тридцать пять тысяч чертежей, которые я везу с собою, представляют мертвый груз — они ничего реального как будто не могут дать фронту. Но нужно смотреть вперед. Завтра, на другой день после победы, эти проекты будут необходимы».

Как мы будем возрождать Донбасс, как мы будем восстанавливать наш завод, если с нами не будет этого драгоценного технического опыта, воплощенного в чертежах? Он верил, что доживет до того дня, когда немцы будут изгнаны из Донбасса. И мы вернемся в Сталино, мы вернемся на свой завод, мы будем его восстанавливать, и все кинутся ко мне, к Кузьме Григорьевичу Могилевскому, — директор, начальники цехов, — и всем я дам чертежи с готовыми размерами. Смотрите и стройте!

А пока — было холодно и голодно. Иося приносил холодную смерзшуюся комом кашу, которую он доставал у бойцов проходящих эшелонов. Потом Иося уходил на поиски угля. Он называл это просто — воровать уголь. Но старика коробило грубое слово «воровать». Иося возвращался с ведром угля, и тогда на время в вагоне становилось тепло и

весело. Иося рассказывал последние новости: прошел состав в сторону тыла и два состава в сторону фронта — танки, прикрытые брезентом. В ходу сейчас зимние шапки, за них дают три котелка каши или ведро соли... Отсвет огня от железной печки падал на их лица. Кузьма Григорьевич наслаждался теплом и кашей. Он философствовал: «Смотри, Иося, минуту назад я замерзал и, каюсь, на ум приходили мрачные мысли, что мы всеми забыты и что дело, которое нам поручил завод, останется невыполненным. Это потому, что ни у тебя, ни у меня нет должной воли к борьбе».

Каждый вечер старик отправлялся на полустанок к железнодорожной администрации просить, требовать, чтобы прицепили вагон. Иося соскакивал наземь из вагона и помогал выйти Кузьме Григорьевичу. Старик уходил к диспетчеру или телеграфисту. Полустанок был глухой. Один раз в сутки телеграфист, живший в близлежащей деревне, появлялся у аппарата. Отстучит нужные телеграммы, получит ответ на них и уйдет до завтрашнего вечера. Добиться на этом полустанке, чтобы вагон прицепили, было невозможно. И Кузьма Григорьевич решил послать телеграмму по линии в высокие инстанции. Он долго писал, зачеркивал. Нужно было найти гневные слова, чтобы расшевелить сердца железнодорожной администрации. Он написал телеграмму. Получилось хорошо — и гневно и благородно.

Телеграфист равнодушно, как все, что он делал, отстучал эту депешу. «Взываю вашей большевистской совести», — писал Кузьма Григорьевич. Он послал телеграмму в два адреса — в Чкаловский обком партии и в Управление дороги.

Сутки спустя, ночью, Кузьма Григорьевич и Иося услышали чьи-то голоса за стенкой вагона. Это пришли осмотрщики. Они постукивали молоточками. Потом вагон подхватил паровоз. Вагон был выведен на основной путь и прицеплен к проходящему составу, который был остановлен по распоряжению свыше.

Иося был поражен таким быстрым поворотом судьбы. Он смотрел на Кузьму Григорьевича, как на бога. Это же чудо: где-то на глухом полустанке получить ответ, и какой ответ!.. Кузьма Григорьевич воспринял все как должное. Другого ответа он не ожидал от людей, к совести которых взывал. На радостях Иося обменял пару белья на ржаной хлеб, воблу и соль.

И они поехали на Урал. Ехали они быстро. Вагон уже никто не отцеплял. Холода становились все сильнее и сильнее.

Старик, привыкший к южному климату, с трудом переносил стужу.

Однажды он проснулся от страшного холода, все тело его ныло. Утренний свет пробивался сквозь щели вагона. Где-то за стенкой раздавались голоса. Иося возился у дверей, пытаясь открыть их. Кузьма Григорьевич с трудом сполз с нар. Каждый шаг был для него мучителен. Он подставил свое худое плечо под перекладину, и вдвоем с Иосей они долго отдирали примерзшую дверь.

Только теперь Кузьма Григорьевич впервые остро почувствовал, как он стар и немощен. Сбросив рукавицы, он коснулся холодного железа. Его обожгло, и он изо всех сил потянул на себя дверь.

Он стоял в раскрытых дверях вагона, солнце било прямо в лицо. Медленно, словно разучившись, Кузьма Григорьевич читал название станции. От яркого солнечного света, от свежего воздуха кружилась голова. «На-деж-динск...» Он не сразу понял, что это и есть обетованная уральская земля, город, которого они достигли на пятьдесят девятый день своего пути, — он и его тридцать пять тысяч чертежей.

IV

На Уральском заводе работало полторы тысячи рабочих Сталинского металлургического завода. Андреев был начальником производства этого крупного завода, варившего танковую и авиационную сталь. Инженер Царицын работал неподалеку, в Алапаевске. Иногда они созванивались и спрашивали друг друга: когда же?.. Заводская жизнь поглощала все время Андреева.

Когда его одолевала тоска по Донбассу, он приходил к Кузьме Григорьевичу в проектный отдел. Приятно было видеть старика, который напоминал ему о Донбассе, о родном заводе. Кузьма Григорьевич приводил в порядок свои тридцать пять тысяч чертежей. Он всегда задавал один и тот же вопрос Андрееву, вопрос, который задавали себе все донбассовцы: когда же? Этот вопрос часто задавал себе и сам Павел Васильевич Андреев.

В конце 1942 года из Свердловска Гипромез затребовал у Павла Васильевича основные характеристики — общую по заводу и отдельные по цехам. Он с радостью послал им одну из своих толстых записных книжек в кожаном переплете.

Там было все точно сказано — проектировщики могли почерпнуть из нее ценные сведения. Он спрашивал себя: для чего Гипромезу понадобились такие сведения о заводе? Может быть, он начинает вести проектные работы? Вскоре ему с благодарностью вернули записную книжку.

7 сентября сорок третьего года Павел Васильевич Андреев проводил ночью оперативное совещание. Обсуждались основные вопросы работы завода за день. В самый разгар прений Павлу Васильевичу вдруг позвонили по телефону из Свердловска и сказали, чтобы он внимательно слушал.

Он поднял руку, прося у товарищей извинения и минуту тишины, и стал слушать. Заместитель наркома черной металлургии зачитал ему приказ о возобновлении деятельности Металлургического завода имени Сталина и организации восстановительных работ. Андреев назначался директором завода, и ему предлагалось немедленно выехать в Донбасс для реализации этого решения.

Андреев спросил:

— Сталино наш?

Ему ответили:

— Бои идут на подступах к Сталино...

Андреев решил взять с собою в Донбасс нужных ему людей — инженеров. Ему разрешили это. Он дал телеграмму инженеру Телесову, работавшему в Сталинграде на «Красном Октябре», чтобы тот немедленно вылетел в Донбасс. Он позвонил Царицыну в Алапаевск, чтобы тот к утру был в Свердловске. Он позвонил Старовойтову, работавшему вместе с ним, позвонил Староверову, позвонил Глазкову, позвонил Кульгабову, Камеристову, Терешину, чтобы они к утру были на вокзале. Все они вели долгие взволнованные разговоры. Андреев терпеливо слушал весь этот взрыв чувств и, выдержав мгновенье, мягко прерывал лирическую волну, деловито говоря:

— Захватите с собой самое необходимое: технические данные о работе цехов, сапоги, хлеб...

В самый разгар телефонных разговоров он вдруг услышал голос Кузьмы Григорьевича. Старик откуда-то узнал, что Андреев собирается уезжать, и включился в разговор. Ему казалось, что его забыли.

— Павел Васильевич, — говорил он сокрушенным голосом, — многоуважаемый Павел Васильевич, как же это вы...

— Я вас не забыл, — успокоил его Андреев. — Я о вас хорошо помню.

Но старик долго еще не мог успокоиться. Ему все-таки казалось, что вдруг его забудут и оставят на Урале. Но как только Павел Васильевич спросил его, как обстоит дело с проектами, Кузьма Григорьевич преобразился: он живо и быстро сказал:

— В любую минуту могу поднять все чертежи.

В третьем часу ночи Павел Васильевич прилег отдохнуть. Но уснуть, конечно, он не мог. Снова позвонил Старовойтов и, принося тысячу извинений, спросил, все ли остается в силе. И, получив утвердительный ответ: «Да, все остается в силе», поблагодарил и пожелал Андрееву спокойной ночи. Четверть часа спустя позвонил Староверов и без всяких извинений просто сказал:

— Павел Васильевич, вы спите? А я никак не усну. Все не верится. Чи так, чи не так?

— Так, так, — сказал Андреев.

Только он положил трубку, как вдруг позвонили из Свердловска. Его спросили:

— Вы еще не уехали?.. Тевосян требует: быстрее!

Жена собирала его в дорогу. Сперва он ничего не хотел брать, никаких вещей. Только сапоги, куртку, пальто. И еще записные книжки, старые записные книжки. Он решительно отказывался взять с собой в дорогу множество вещей, какое она приготовила для него. Два костюма, сапоги и еще какие-то башмаки... Куда все это? Ведь мы едем домой... Она коротко спросила его:

— А что дома, ты знаешь?

Этого он не знал, что дома. Об этом он почему-то не подумал. В самом деле, есть ли этот дом, есть ли завод, есть ли город?.. Но что бы ни было и каков бы ни был размер разрушений, в сознании его жило главное — Донбасс наш.

Он держал вещевой мешок, а Надежда Николаевна бережно опускала туда стопку старых записных книжек, белье, консервы, хлеб. Он ходил по комнате возбужденный, в приподнятом настроении.

Утром он уезжал со своими товарищами. Весть о том, что Андреев уезжает в Донбасс, быстро облетела весь завод. К отходу поезда перрон был запружен донбассовцами. Горновые, сталевары, инженеры, пожимая ему руку, прощаясь с ним, говорили: «Кланяйтесь заводу, кланяйтесь Горловке, привет Макеевке». И что особенно растрогало Андреева и его спутников — это цветы. Им преподнесли по букетику скромных полевых цветов.

В Свердловске Андреев позвонил замнаркома и услышал:
— Вы еще здесь? Скорее на аэродром! Тевосян требует — быстрее в Донбасс!
В тот же день они полетели в Москву. Самолет приземлился в сумерках. В наркомате Андреев спросил:
— Где Тевосян?
Но Тевосяна в Москве уже не было. Он был в Донбассе. Андреев и его спутники переночевали в бомбоубежище — прямо на полу, подстелив пальто, подложив под головы вещевые мешки. На рассвете они вылетели в Донбасс. Самолет сел в Старобельске. Аэродром в Сталино был еще заминирован. Самолеты садились в Старобельске и в Ворошиловграде. Самолетов в этот день было много — со всех концов слетались донбасские партийные работники, директора заводов, начальники угольных комбинатов, главные инженеры... Ночью из Старобельска на Енакиево уходил поезд, вернее сплотка десятков паровозов. Машинист разрешил Андрееву и его товарищам взобраться на тендер, полный угля. Набросав на уголь полыни, они чудесно устроились.
Поезд тронулся заполночь. Поплыли над головой южные родные звезды. Андреев привстал на колени и посмотрел назад — все паровозы, все тендеры были полны людей, — это в Донбасс возвращались шахтеры, строители, инженеры, партийные работники.
Из Енакиево они поехали на грузовике в Сталино. Всю дорогу они стояли в машине, держась друг за друга, и молча смотрели на все, что открывалось их взору. Орудия, брошенные в кювет, разбитые повозки, сгоревшие танки, обгорелая земля, иссеченные кусты — все это они видели в первый раз. Это были свежие следы боя. Под самым Сталино Андреев заметил открытый виллис, в котором ехал Тевосян. Он соскочил с грузовика и побежал к виллису.
— Я был у тебя, — сказал Тевосян своему сотоварищу по Горной академии.
— Ну что? — взволнованно спросил Андреев. — Пострадал? Сильно пострадал?
— Сильно, — сказал Тевосян и не стал больше распространяться. Ему, видимо, не хотелось огорчать Андреева. — Сильно, — повторил он и мягко добавил: — Поезжай посмотри. Посмотри и подумай...
Тевосян поехал в Макеевку, а Андреев в Сталино, к себе на завод. Прошло только восемь дней со дня освобождения

Сталино. Он и его товарищи проехали по Артемовской улице, которая еще местами дымилась. Потом поехали на свою улицу — улицу Ленина, потом пошли на завод. Возбужденные, радостные от одной лишь мысли, что они у себя дома, они еще не замечали и не воспринимали страшных разрушений.

Завод зарос по пояс дикой травой. Она росла не только на дворе завода, но и у взорванных колонн, у взорванных мартенов, на путях; буйная растительность оплетала ржавые, поваленные колонны. Ржавое железо скрипело. Пыль лежала на всем. Создавалось страшное впечатление смерти завода. Завод, который хорошо был знаком Андрееву, Телесову, Кузьме Григорьевичу, Царицыну, Ектову, Старовойтову, прекрасный завод, старый годами, но молодой душой, — этот завод больше не существовал. Впечатление было такое, словно скрутили, связали и превратили в железное месиво конструкции цехов, печи. Завод лежал изуродованный, взорванный, с поваленными опорными колоннами, — это сделали немцы.

Приехавшие говорили шопотом, точно боялись потревожить страшное безмолвие. И чем дальше они шли, тем горше становилось на душе. Птицы свили гнезда в остатках печей, при виде людей они взлетали, и шум их крыльев нарушал тишину, был единственным признаком жизни в этой пустыне. Ветер гремел ржавыми листами, доменные печи, некогда могучие, стояли взорванные, изуродованные, полузасыпанные песком, покрытые тленом, вызывая страшную жалость к себе.

Царицын остался в доменном цехе, Ектов — в прокатном, Телесов — в мартеновском... Андреев еще не имел и не мог, конечно, иметь точного плана, что нужно сделать и что можно сделать, чтобы вернуть к жизни эти печи и прокатные станы. И все-таки, как ни поверхностен был этот первый осмотр, как ни потрясен был Андреев тем, что увидел, он фиксировал в своей памяти все, что могло навести на мысль о жизни. На обратном пути с завода он встретил Царицына, и этот инженер сказал ему:

— А знаете, Павел Васильевич, на третьей печи кладка сохранилась.

Это был первый и самый верный признак жизни... Потом Андреев увидел Ектова, и Ектов сказал, что стан «400», хотя и побит, но кое-что с ним можно сделать. Нужно подумать... Потом он увидел Кузьму Григорьевича. Он шел в сопровождении стариков. Кузьма Григорьевич побывал в мартеновском цехе и считал, что колонны группы «А», взо-

рванные немцами, повидимому, придется поднимать в первую очередь. Во всяком случае уже сейчас, говорил он, нужно дать телеграмму на Урал, чтобы самолетом выслали чертежи этих колонн. А пока что он тут со своими старичками наладит производство эскизов. Сколько раз потом Андреев, начальники цехов, строители добрым словом поминали Кузьму Григорьевича, сберегшего проектное хозяйство завода.

В битве за сталь, которую завод начал 15 сентября 1943 года, эти тридцать пять тысяч чертежей дали возможность выиграть самое главное — время!

Андреев после осмотра завода пошел на одну из своих любимых заводских улиц; он любил ее за то, что на этой улице весной и летом был сильный запах цветов. Она так и называлась — Цветочная. При немцах она называлась Блюменштрассе, но цветов уже не было и многие дома на ней были сожжены.

Люди, которых он встречал в этот день, казались ему преждевременно состарившимися. Они сгорбились, обветшали, как и завод, — его доменные печи и его прокатные станы.

В этот же вечер Андреев проводил собрание рабочих. Клуб, который чудом сохранился, не мог вместить всех желающих послушать и увидеть своих людей, своих товарищей, вернувшихся с Урала. Двери клуба были настежь распахнуты. На дворе стояла огромная толпа, которая напряженно ловила все, что доносилось из погруженного во тьму клуба.

Электрического света, конечно, не было. Была одна только керосиновая лампа. Ее держал старый горновой Данила Архипович, освещая лицо Андреева.

— Я обошел завод, — сказал Андреев. — Я видел все разрушения. — Он замолчал. Все ждали, что он скажет дальше. Они хорошо знали, каким был этот завод и каким он стал. Было так тихо в зале, что Андреев слышал дыхание людей.

— И все-таки, — сказал он, глядя в темноту, на людей, — и все-таки, — повторил он с силой, — завод будет жить! Он должен жить! Большевики оживят его...

И сотни людей, те, что сидели в зале, и те, что стояли за дверью, облегченно вздохнули. Завод будет жить... А для этих людей, которые жили страшной жизнью при немцах, для стариков, старух, молодых и совсем юных, для

них, выросших в этом поселке, варивших сталь, плавивших металл, для них завод был всем. Лампа в руках старого горнового дрогнула.

Кто-то крикнул: «Выше!» И молодые руки взяли у старика лампу и подняли ее выше. Люди хотели видеть лицо человека, который сказал эти слова: «Завод будет жить!» Вместе с Андреевым, вместе с Кузьмой Григорьевичем, вместе с Царицыным, вместе с Телесовым, вместе со Старовойтовым, вместе со Староверовым, вместе с Ектовым, вместе с этими товарищами, которых они знали до войны, вернулось к ним доброе, светлое, советское...

Андреев спросил:

— Как вы тут жили, товарищи?

Но чей-то молодой страстный голос крикнул из глубины зала:

— А вы как жили, дорогие товарищи?

Это был от сердца идущий возглас. Люди, пережившие страшные годы оккупации, истосковались по советскому слову. Они хотели услышать, что было там, на Урале.

И Андреев рассказал им о том, что он хорошо знал: об Урале, о том, как сотни заводов двинулись на колесах на Восток, о том, как эти заводы были вновь построены на уральской и сибирской земле, о том, как люди в холод монтировали оборудование, о том, как люди варили броневую сталь для фронта, о том, как люди, не щадя своей жизни, в трудных условиях военного времени, отдавали и отдают все для победы.

Его слушали с огромным вниманием. Люди думали: вот он стоит перед нами, Павел Васильевич, наш главный инженер, в своей старой, хорошо знакомой всем довоенной куртке, такой же спокойный, как всегда, только поседевший за эти годы...

Первые партийные работники, первые инженеры, первые хозяйственники, первые партийные и непартийные большевики, приехавшие на завод, составляли маленькую горсточку. Но каждый из тех, кто возвращался с Урала в Донбасс, привозил с собой какой-то чудесный «энзе» — неприкосновенный запас моральных сил, который каждый человек имеет и бережет для решающей минуты.

Нужно было иметь большую силу воли, чтобы не пасть духом при виде страшных разрушений, и нужно было глубоко верить, что восстановление нашего завода, нашего

Донбасса по плечу советским людям. Глубокая убежденность в том, что нужно уже сейчас, не дожидаясь окончания войны, уже сегодня взяться за эту тяжелую, но благодарную работу, — эта глубокая убежденность была всеобщей.

Ведя войну с немецким фашизмом, наша страна в то же время своим могучим плечом поддержала творческие усилия народа, взявшегося за восстановление Донбасса. Огромные материальные фонды страна отдавала из своих военных резервов. И еще один фонд учитывался нашей партией и был приведен в движение на заводах и шахтах Донбасса — творческая активность народа.

Какими бы знаниями и опытом ни обладали наши инженеры и партийные работники, приехавшие с Урала, они вряд ли добились бы успехов, если бы с самого начала не опирались в своих планах, в своей работе на массы людей. Эту творческую активность учитывал в своих планах восстановления завода Андреев.

Начали с малого. Вода и свет были первыми решающими узлами.

Первые пятьдесят киловатт электроэнергии были добыты сложным комбинированным путем. Сначала нашли паровую машинку от подъемника доменной печи, потом вручную собирали станок, вручную вертели этот станок, вытачивая на нем муфту для мотора. И только после этого создали двигатель мощностью пятьдесят киловатт. Осветили его электроэнергией механический цех, потом с помощью этих же первых киловатт пустили полутонную вагранку, дали литье, потом пустили мельницу и смололи зерно, чтобы накормить людей...

Так было всюду. С минимума электроэнергии, добытого нелегким трудом, начинали в Макеевке, Горловке, Мариуполе.

Но, начав с этого, нельзя было упускать из виду основных задач первого этапа восстановления — пуска четвертой мартеновской печи, прокатного стана «400» и доменной печи. В начавшейся битве за сталь это было главным.

V

Младший техник-оператор Попова приехала в Сталино после его освобождения. В Донбасс она поехала по собственной инициативе. Ее долго не хотели отпускать с Уральского завода, на котором она работала. Когда она говорила, что

ищет не легкой жизни, а едет туда, где трудности, ей резонно отвечали, что теперь война и трудности всюду...

— Но ведь я еду в Донбасс, где сейчас очень много трудностей, — говорила она.

И так как это была правда — Донбасс был разрушен, и его нужно было восстановить — и так как девушка продолжала упорствовать в своем желании, ее отпустили в Донбасс. На Урале, в городе, в котором она жила, в техникуме и на заводе ее знали не только как работника диспетчерской службы, но и как поэта. В этой области младший техник Попова считалась, как говорили на заводе, «растущим товарищем».

Андреев, директор завода, узнав, что Попова пишет стихи, одобрительно сказал:

— Нам нужны диспетчеры и поэты. — И то и другое он считал полезным. — Стихи помогают делать сталь.

Стихи она писала давно, еще со школьной скамьи. Их печатали в заводской газете. Это были лирические стихи. Худенькая светловолосая девушка, по-уральски серьезная и чуть угрюмая, она считала, что в девятнадцать лет нужно сделать что-то большое, оставляющее след в жизни. Имя ее звучало несколько романтически — Интерна. Что же касается фамилии, то фамилия у нее была простая, русская — Попова. Она думала, что новые места, новая природа, новая жизнь, связанная с трудностями и с преодолением этих трудностей, много дадут ей как поэту.

Было что-то суровое в этих окружавших завод темносерых горах; их называли терриконами, и они подпирали ясное донбасское небо. Всего было вдоволь — работы и трудностей. Может быть, даже чересчур много. Работа поглощала все ее внимание, тяжелая диспетчерская работа, в которой, по правде говоря, было очень мало романтики.

Всему виной была профессия диспетчера... Ты ничего не видишь, ты только слышишь. И слышишь одно и то же: руда, уголь, кокс, воздух... На заводе она числилась младшим техником-оператором. Из окна своей диспетчерской она видела какие-то строительные леса, большего она пока не видела. Каждый день было одно и то же: руда, ковши, кокс, доломиты, цемент...

В диспетчерской стоял столик и на нем телефон. Один телефон на всю диспетчерскую. На Уральском заводе диспетчерская была оборудована по последнему слову техники.

А здесь она только создавалась, как создавался весь завод: на первых порах даже электричества не было. Его еле-еле хватало для более нужных объектов.

Она иногда спрашивала себя, этой ли жизни она хотела, когда ехала в Донбасс... Первые пятилетки прошли без ее участия. Она знала о них только по книгам и по рассказам старших: мобилизация комсомольцев на великие стройки, штурмовые ночи, палатки в степи, проекты, мечты, борьба...

В дни войны она начала работать, но, по ее мнению, сделала еще очень мало. Реальная возможность стать активным участником великого созидания потянула ее в Донбасс.

Она рисовала себе борьбу за восстановление, пафос восстановления несколько в ином, более радужном виде. Люди, восстанавливающие завод, проявляют чудеса героизма. Но она не видела героизма, каким она себе его представляла.

Все было значительно проще. Железными щетками счищали и отдирали ржавчину с колонн, железных балок и ферм. Это была трудная, прозаическая работа.

Свою диспетчерскую работу она считала делом обыкновенным. Работу завода она воспринимала «по голосам». Это были то жалостливые, то умоляющие, то веселые победные голоса... По тону голоса она схватывала положение дел в том или другом цехе.

Она иногда пробовала представить себе, каким должен быть человек из доменного цеха, обладающий мягким, напевным голосом, и решила, что он, наверное, толстый и добрый. Почему-то худым и нервным ей представлялся сменный техник газового цеха — голос у него был скрипучий и злой. Не видя людей, с которыми она имела дело, не будучи с ними знакомой, она научилась узнавать их по голосам, звучащим в телефонной трубке. Разговаривала она коротко и быстро и только о самом насущном: о транспорте, о запасах сырья, о коксовом газе, о выполнении суточной программы. Для большего просто не было времени. Телефон ведь на первых порах был один на всю диспетчерскую, и всякие отклонения от служебных разговоров вроде того, как вы живете, были ли в кино, как ваше здоровье,— вся эта лирика ею немедленно пресекалась. Она говорила быстро и резко:

— Короче. Короче. Короче.

И ставила при этом прямые и точные вопросы: Уголь? Руда? Доломит? Пар? Ковши? Ее цепкая, хорошо натренированная память быстро схватывала обстановку: сколько

сегодня есть на заводе руды, сколько угля, сколько кокса, сколько ковшей, откуда перебросить пару ковшей в мартеновский, как распорядиться с данным наличием газа...

Для поэзии оставалось очень мало времени.

Она приходила домой усталая. Если бы не мать, которая насильно заставляла ее сесть за стол, она вряд ли вспомнила бы о еде. Хотелось спать, спать, спать. Иногда, сидя за столом, разморенная, сонная, она, склонив голову на плечо, мгновенно засыпала. Или же, вздрогнув, говорила сердито своим «диспетчерским» голосом: «О чем же вы думали раньше?»

Да, для истинной поэзии, заполняющей душу и живущей во всем том, с чем соприкасается поэт, для поэзии, какой ее себе представляла младший техник-оператор, места не было в ее жизни. Все поглощала проза — уголь, кокс, флюсы для доменной печи, известняки, доломиты, руда, руда, руда...

Что она видела из окна диспетчерской? Кусок завода в лесах — и все. И она даже стала забывать поэзию, то, ради чего она, собственно, и приехала в Донбасс. Стихи, которые она писала на Урале, ей самой мало нравились. Муза была бездумной. Все любовь да любовь.

Всем жилось трудно. И ей было трудно. Она видела, как люди бьются, чтобы раздобыть строительные материалы, как темнеет лицом Павел Васильевич, когда она по утрам вносит ему сводку суточной работы завода, и как он, читая эту сводку, знакомым жестом охватывает свою коротко остриженную седеющую голову, задумывается, берет в руки карандаш и что-то подсчитывает. Ей становится жаль его, и она робко рассказывает, как распорядилась с нехваткой ковшей, как вышла из положения.

Андреев слушает ее внимательно и одобрительно кивает: правильно, правильно, хорошо.

Однажды, когда она уже уходила, он вдруг спросил ее:

— А стихи? Стихи пишете?

Она горестно махнула рукой: стихи, какие тут могут быть стихи, когда такая проза! Андреев переспросил:

— Проза? Вы говорите, проза? Я не поэт, — сказал он. И пояснил: он только инженер. Инженер-металлург. Но ему кажется, что если внимательно вглядеться, то можно всюду увидеть поэзию. — В каждом объекте, — сказал он. — И на четвертой мартеновской печи и на доменной... Нужно только лучше смотреть. — Он поднялся и вышел из-за стола.

— Вот, — сказал он, распахивая окно. — День ото дня завод растет. Может быть, не так быстро, как бы хотелось, но — растет.

Она ушла, а он снова сел за свой рабочий стол. Эта рыженькая тоненькая девушка с серьезным лицом не бог весть что сделала, — просто она распорядилась ковшами; руды, или цемента, или строительного леса она ему не прибавит. Но как директору ему приятно видеть и знать, что эта девушка проявила инициативу. Самое страшное — и это больше всего удручает его — равнодушие, хилость мысли, неумение, а может быть, и нежелание брать на себя хоть какую-то долю общей ответственности. Откуда это берется у некоторых советских людей? Почему одному человеку достаточно дать только общий контур решения, и он сам, без понуканий, своею мыслью будет искать пути борьбы. А другому... Разные люди, разные характеры!..

Попова ушла от директора с виноватым чувством, точно она не оправдала его надежд. Но ведь стихи не так-то легко пишутся. Одно время ей казалось, что творческое вдохновение она обретет на этом заводе в Донбассе. Но, как сказал Пушкин, вдохновения не ищут, оно само приходит.

Как это ни странно, но толчком к этому послужил смешной случай. Опять была проза жизни — она стояла в очереди в итеэровский магазин. На Урале люди тихие, серьезные, здесь — по-южному, веселые и живые. Инженеров и техников, стоявших в очереди, она не знала в лицо. Но голоса некоторых показались ей знакомыми. Вот тот, что стоял впереди нее, имел какой-то мягкий, добрый, напевный голос. Это, наверное, Чупило. Ее так и подмывало сказать: «Вы Чупило, начальник смены, правда?»

И она в конце концов спросила его.

— Он самый, — сказал Чупило. И, смеясь, спросил: — С кем имею честь?..

Она назвала себя: младший техник-оператор.

— Ах, это с вами я воюю, — сказал Чупило. — Дывысь, яка горласта!

Она спросила:

— А кто этот человек, у которого такой скрипучий, рассудительный голос? Это, наверное, техник газового цеха.

И Чупило подтвердил:

— Он самый... Такой оборотистый мужик!

И еще один человек заинтересовал ее: голос у него был

угрюмый, чуть насмешливый. Это, кажется, Царицын. И Чупило опять подтвердил:

— Да, это Царицын Александр Николаевич.

Она новыми глазами посмотрела на инженеров и техников, стоявших в очереди с кошелками и «авоськами». Даже здесь, в очереди за картошкой, они говорили о своих заводских делах. Со стороны можно было подумать, что идет производственное совещание.

— Что вы мне толкуете, — нападал Царицын на инженера-строителя с кротким лицом, — виноват субподрядчик... Я знаю вас и с вас буду спрашивать.

— Фронт работ узкий, — оправдываясь, говорил человек с кротким лицом.

И она вдруг почувствовала огромную жажду жизни, огромный интерес к этим людям, к этому, как говорит Чупило, неунывающему народу. И все то, чему она не придавала никакого значения, считая слишком обычным, стало приобретать в ее глазах новый интерес.

Она не делала никаких усилий и, кажется, не старалась запомнить обычные впечатления дня, но где-то в душе откладывались слова, штрихи, черточки...

Как-то раз она поехала ночью в город — отвезти на телеграф сводку суточной работы завода. Там она встретила знакомых диспетчеров. Они сдавали сводки, отражающие ход восстановительных работ в Донбассе. Металл, уголь, химия... Эти сводки шли в Москву. К утру они, наверное, уже будут в Москве, их доставят в Кремль и положат на стол рядом с оперативной сводкой с фронта.

Сдав сводку, она вернулась на завод. Дежурила она до утра. Ближе к рассвету, прислушиваясь к звукам, возникавшим за окном, Попова дала волю своим мыслям и чувствам. Точно прорвалась плотина, мешавшая ей взглянуть на свой мир, на весь мир. Утром она положила на стол директора сводку работы завода за ночь. К этому она приложила еще один листок, исписанный крупным почерком. Это были стихи:

Перед треножником сидел художник,
Здесь бил фонтан — он осенью не бьет,
А за ставком был город, невозможно
Донбасский: слева глей, а позади завод.
С каким-то стариком он спорил о
квартире:

О том, что комната мала, тесна, темна.
Рука же незаметно наносила
На полотне далекие дома.
Разрушенный фасад, пустые окна,
Бурьян и кирпичи, заброшенный карьер,
Но хаосу вдруг стройные колонны
Решительно поставили барьер.
И золотыми сотами у крыши
Нагромоздились гибкие леса,
Ползет бадья с белилами все выше,
Упругих тросов взмыла полоса.
Художник выбрал тему — разрушенье.
Но как-то так, почти само собой,
В картине дышит жизнь и возрожденье,
Тревога сердца, труд, а не покой.
Быть может, оттого, что мой художник
молод,
А судя по шинели, прошагал войну,
Он хочет поскорей прекрасным видеть
город,
Его земную кипучую весну.

VI

Надежда Николаевна позвонила на завод и попросила директора. Дежурный по заводу, узнав ее голос, сказал, что, как только кончилась оперативка — это было час тому назад, — Павел Васильевич ушел. Она позвонила в гараж, и там ей сказали, что Павел Васильевич взял машину и уехал. Она спросила: «Один?» Ей сказали: «Да, один, без водителя». Больше она не стала никуда звонить. Он, наверное, скоро приедет. Обычно его поездки в степь занимают два — три часа.

Она знала, что когда Павла Васильевича одолевают головные боли или когда его что-нибудь тревожит, он берет свой собранный из разных деталей автомобиль и, опустив боковые стекла, на большой скорости уезжает далеко-далеко в степь. Движение и ветер действуют на него хорошо. Где-нибудь у ставка в степи, слушая тишину ночи, он приводит в порядок свое «мозговое хозяйство».

Надежда Николаевна была женой Андреева. Дом, в котором жила семья Андреевых, находился в трех шагах от завода. Вся ее жизнь, жизнь жены директора завода, была

тесно переплетена с заводской жизнью. Муж мог даже и не говорить ей о положении дел на заводе. Но по глазам его, по лицу, по тому, как он молчал, она все понимала.

Иногда ночью, заслышав телефонный звонок — а звонили ночью очень часто, — она брала телефонную трубку и, чтобы дать Павлу Васильевичу поспать лишнюю минуту, шепотом говорила:

— Квартира Андреева, я слушаю.

— Ток выключили, — говорил кто-нибудь отчаянным голосом.

Она всегда колебалась, будить или не будить Павла Васильевича. И всегда будила. Так было лучше. Были у Надежды Николаевны и свои интересы и дела: она руководила созданным ею в поселке театром для детей. Но эта ее работа в театре входила составной частью в ту работу, которую вел Павел Васильевич и которая связана с выплавкой металла.

Когда Павел Васильевич шел домой, он знал, что Надежда Николаевна ждала его. Ужин был на столе. Телеграммы. Записанные ею телефонограммы.

Она читала книгу. Он наклонился и взял книгу из ее рук. Что она читает? Уэллс. Роман «В ожидании».

— О чем? — спросил он.

Надежда Николаевна подумала и сказала:

— О людях, которые живут «пока».

Он спросил ее, что это значит. Надежда Николаевна пояснила·

— О людях, которые всю свою жизнь прожили «пока» — в ожидании настоящей жизни.

Павел Васильевич прочел бросившиеся ему в глаза строки: «Жалость никогда не делала хорошего врача...» Он усмехнулся и сказал:

— Как директор завода я бы к этому добавил: «Излишняя восторженность или излишняя осторожность никогда не делали хорошего инженера».

Разговаривая с Надеждой Николаевной, он словно размышлял вслух: весь рабочий день проходил перед ним, день директора завода. Что раздражало его? Мелочь. На первый взгляд, как будто мелочь: он приказал своему помощнику оборудовать при заводе маленький садик. До войны был такой садик. Что сделал этот помощник? Он и землю расчистил и раковину для оркестра построил, но он забыл сделать одну простую вещь — скамейки. И сегодня, когда

Андреев проходил по этому саду, к нему подошел старый рабочий и, улыбаясь, сказал: «Все хорошо, Павел Васильевич, но не на чем сидеть».

— Ты, подумай, Надя... Доброе и хорошее смазывается скучными, равнодушными людьми. А почему этот тип так сделал? Да потому, что ему самому не хочется гулять в этом саду и все, что он делает, он делает вяло, без вкуса. Это из тех людей, которые, как говорит твой Уэллс, живут «пока», в полжизни.

Это философия жизни-времянки. Такой человек думает: «Сейчас сделаю все на живую нитку, а потом, когда будут другие, нормальные условия, я еще к этому вернусь». Я против жизни-времянки! Если строить, то так, чтобы потом не возвращаться. Строить солидно, прочно. Быстрее и лучше, чем до войны. Считаться с условиями и побеждать условия. Мы сейчас начинаем восстанавливать завод. Мы должны видеть завод не только таким, каким он был, но каким он должен быть. Когда-нибудь я рассержусь и поставлю на оперативке доклад нашего садовника. Пусть послушают человека, любящего свое дело. Сейчас, конечно, людям не до цветов. Нужен металл. Но и сейчас нужно думать о цветах. Между прочим, у нас большой ассортимент цветов: тут и анютины глазки, и хризантемы, и левкои, и скромная ночная фиалка, и простенький цветок, который в народе называется «дивчина в зелени»...

— А как со второй печью? — осторожно спросила Надежда Николаевна, чувствуя, что он не сказал главного.

— Решили пускать на старой воздуходувке.

Он мог ей смело говорить об этом. Она умела не только слушать, она понимала его. Она знала, что̀ именно больше всего тревожит его в эти дни...

— Я не могу ждать, — сказал он тихо и страстно, — понимаешь, не могу ждать, пока нам пришлют воздуходувку большей мощности. Я хочу, все мы хотим дать уже сегодня металл фронту.

По-разному протекала борьба на первом этапе восстановления в Горловке, Макеевке, Сталино. По-разному люди решали встречавшиеся на их пути трудности. Но в истории каждого завода, каждой шахты есть своя творческая вершина, та точка напряжения, которая, как в фокусе, отражает присущую Донбассу силу жизни. Такой творческой точкой напряжения всех сил явился для Сталинского завода пуск второй доменной печи. План восстановления завода

предусматривал комплексный ввод мощностей. 14 февраля входила в строй четвертая мартеновская печь, 15 марта — прокатный стан «400», и 30 марта предстояло пустить доменную печь. С вводом доменной печи в строй образовывался замкнутый цикл — от чугуна до готового проката.

Удачный ввод доменной печи в строй зависел от многих причин. Однако главным, от чего зависел исход этой операции, был воздух, воздуходувная машина. По всем нормальным условиям и требованиям доменная печь нуждалась в более мощной машине, чем та, которая имелась на заводе. Нужно было либо ждать, когда прибудет новая мощная машина, либо пустить завод и дать металл сегодня на машине «Аллис». У машины «Аллис» была своя история. Когда-то, свыше сорока лет назад, академик Павлов, работавший на Сулинском заводе, купил ее в Америке. По тем временам она обладала высокими техническими данными. Хозяева даже упрекали Павлова: слишком дорогую машину купил. До войны она доживала свой век на Сталинском заводе, где ее лишь изредка «подпрягали» к основным воздуходувным машинам.

Жизнь пощадила машину «Аллис». Когда Андреев вернулся с Урала на завод, ее нашли под развалинами воздуходувной станции. Но она имела такие большие запасы прочности, что ее в конце концов удалось отремонтировать. Эта машина открывала возможность быстрого пуска доменной печи.

Но все же пуск был связан с риском.

Чтобы принять решение об использовании старой «Аллис», мало было только одного желания скорее дать металл. Нужен был еще строгий расчет. Сумеет ли печь жить при той ограниченной норме горячего дутья, которую ей даст старая воздуходувка, или задохнется? Как тут ни мудри, но если вы пускаете печь на маломощной воздуходувной машине, если вы не имеете резервной машины на случай возможной аварии, то вы идете на риск.

На техническом совещании, которое проходило у Андреева, решено было, взвесив все шансы за и против, пускать печь на воздуходувке «Аллис». Царицын решительно высказался за.

Царицын обладал, по мнению Андреева, должной инженерной хваткой. Он был настоящий доменщик. А быть доменщиком не каждому дано. Еще академик Павлов как-то сказал, что в доменную печь никто не заглядывал, никто

не видит, что в ней делается, но инженер должен это знать, чтобы управлять печью. Царицын умел управлять.

Пуская печь, завод выигрывал время. Металл нужен фронту сегодня. Помимо чисто технических факторов, которые влияли на исход решения, были еще и другие, чисто психологического порядка. Удачный пуск доменной печи, по мнению Андреева, должен был вызвать у рабочих подъем духа. Должен был показать им, что восстановление завода, за которое взялись большевики, — это дело сегодняшнего дня, это дело нашей жизни.

В обычных условиях, может быть, никто не решился бы пускать домну на этой воздуходувке. Но когда идет война, когда на учете каждая тонна металла, нужно уметь побеждать необычные условия. И все-таки, когда все уже было решено и когда печь готовили к пуску, Андреев все еще волновался: а вдруг воздуходувка сдаст, что тогда? Тевосян позвонил 29 марта. Он всегда звонил в самую важную минуту.

— Решились? — спросил он сразу.

Андреев ответил:

— Да, решились.

30 марта доменную печь номер два подготовили к пуску. Ее загрузили шихтой, и старый обер-мастер Данила Архипович разжигал ее. Он делал все не спеша, с торжественной медлительностью, будто священнодействовал. Кажется, старее его уже никого не было на заводе — он да Кузьма Григорьевич. Начальник проектного отдела тоже был у печи. Старый обер-мастер делал свое дело спокойно. Он положил стружку в горн, облил керосином и зажег раскаленным ломом. Старый, седой человек, он постоял некоторое время у печи, слушая, как она, медленно набирая силу, загудела ровным гулом.

Через сутки печь дала чугун. Эти сутки весь завод провел в напряжении: как воздуходувка? Но воздуходувка работала преотлично. В ранних сумерках мартовского дня обер-мастер ломом пробил отверстие в летке, и хлынул металл.

Андреев стоял рядом с Царицыным. Оба они, не отрываясь, смотрели на огненный поток бегущего по канаве металла.

— Ковши готовы гостя принимать, — сказал вдруг Царицын.

Андреев внимательно посмотрел на инженера. Он уловил особенную нотку в его голосе. Слова Царицына звучали, как стихи.

Да. Это были стихи. Царицын тщательно скрывал, что он пишет стихи. Но он иногда писал их. В его наружности не было ничего поэтического. Это был рыжеволосый, начинающий лысеть инженер, ходивший в стареньком пальто, всегда покрытом ржавой рудничной пылью, и в старой приплюснутой кепке. Хороший начальник цеха, собранный, деловитый и, как полагал Андреев, честолюбивый и самолюбивый. Время от времени Царицына вдруг прорывало — и он писал стихи. Когда Телесов пускал четвертую мартеновскую печь, Царицын «ссудил» его стихами.

«Играли искрами, теплом ласкали», — писал он по поводу первой струи стали, хлынувшей из мартеновской печи. Совершенно очевидно, что в такой день, в день пуска его доменной печи номер два, он не мог молчать. И он написал стихи, посвященные этому торжественному событию. Он писал стихи ночью, сидя в своей конторке и слушая гудение работающей печи. Он поместил их в цеховой газете «Доменщик», а на торжестве пуска прочел вслух.

Царицын сказал, что своею сталью, своим металлом завод помогает фронту. Он напомнил, что в довоенное время доменщики Сталинского завода работали хорошо, — теперь нужно работать еще лучше. Он раскрыл свою записную книжку. Прекрасные цифры, хорошие коэфициенты, о которых можно вспомнить в такой радостный день! Тем же голосом, деловитым и, кажется, чересчур деловитым, как будто он стремился скрыть свое смущение, Царицын прочел:

Жужжит канат, скипы взлетают,
Контроль закончен, можно задувать.
Досрочно домна в строй вступает,
Страну металлом будет пополнять.
Радость, суета, волнение,
Задор к труду, — возвышенный подъем...

На этот раз он не скрывал своего авторства. Стихи написал он, начальник доменного цеха, поднявший печь из руин, железными щетками очищавший металл от ржавчины, вдохнувший жизнь в домну.

Андрееву хотелось остаться одному. Хотя бы на несколько минут. Вот мы и дали чугун! Сначала мы дали сталь, потом прокат. А теперь, когда вступила в строй доменная печь, все пойдет по-другому — чугун, сталь, прокат!

И он пошел на «горячий пост», находившийся у Восточных ворот. Пять месяцев назад, когда он впервые пришел на завод, он увидел его с этого места. Но тогда все вокруг было мертвым и ржавым. Медленно, справа налево, он стал осматривать свое хозяйство.

Да, теперь пейзаж был совсем другой, чем тогда. Еще торчали взорванные колонны в мартеновском, но уже действовала четвертая печь, уже действовал прокатный стан, уже действовала доменная печь. Это начало — начало битвы за сталь. Это еще не прежний довоенный завод. Но это уже завод, и под строительными лесами, которые охватывают его, бьется, созревает новая сила — сила жизни. А там, где жизнь, — там и счастье.

В эту же ночь он написал письмо академику Павлову. Андреев не знал точного адреса академика, но на всякий случай послал письмо на Урал: Михаил Александрович, наверное, там.

«Дорогой Михаил Александрович, — писал Андреев. — Недавно я прочел Вашу книгу «Воспоминания металлурга» и, в частности, страницы ее, посвященные паровой воздуходувной машине «Аллис», которая на Сталинском заводе была известна под названием «Сулинской». Ее историю вы заканчиваете словами «Сейчас машина стоит в резерве». Под свежим впечатлением я решил, что для Вас представляет интерес дальнейшая судьба этой машины.

В период нашего отступления из Донбасса в октябре 1941 года она, наряду с другими воздуходувными машинами, была приговорена нами к смерти, но по какому-то стечению обстоятельств уцелела от окончательного разрушения. Возвратившись на завод после изгнания немцев в сентябре 1943 года, мы нашли ее под грудой обломков старинного юзовского здания, в котором она помещалась. Были приняты немедленные меры к ее освобождению из-под развалин, а затем и к ремонту. Дружными усилиями работников нашего завода машина была восстановлена в короткий срок и накрыта новым зданием с мостовым краном 15 тонн. 30 марта 1944 года мы на воздухе этой машины задули доменную печь № 2 объемом 450 кубических метров.

Работа в течение двух недель показала удовлетворительные результаты. Печь идет очень ровно и дает ежедневно 200 тонн хорошего литейного чугуна. Машина делает сорок оборотов, давая при этом до 650 кубических метров воздуха при давлении 0,5 атмосферы. Мы рассчитываем продержать-

ся на ней до конца мая, когда в помощь ей будет пущен газомотор МАН.

Меня Вы едва ли помните, тем не менее я — один из Ваших многочисленных учеников.

В 1923—24 гг. я слушал и сдавал у Вас курс металлургии чугуна в Московской горной академии. Сейчас работаю директором Сталинского металлургического завода.

Будем очень рады, если Вы посетите нас при первом Вашем выезде в Донбасс».

Ответ пришел вскоре. Академик Павлов писал с Урала:

«Уважаемый Павел Васильевич!

Я очень рад был получить Ваше письмо — знак внимания ко мне. Интересная информация о Сулинской машине и о положении дела в Сталино.

Я видел здесь старика Коробова в день его отъезда отсюда и слышал от него, что в работу вступит первой самая мощная печь Сталинского завода и что для нее достаточно дутья от Сулинской машины. Но мне это казалось лишь его предположением. Вы же сообщаете о факте и действительной работе печи и машины...»

В конце письма академик Павлов писал:

«На Вашем заводе я все же надеюсь побывать, так как чувствую себя хорошо и в скором времени умирать не собираюсь. Но машину свою я увижу, очевидно, опять в резерве» [1].

31 марта ночью, после того, как печь была введена в строй, из Москвы позвонил нарком черной металлургии Тевосян.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он Андреева.

— Дали первый чугун, — сказал Андреев. И, зная, что волнует Тевосяна, добавил: — Самочувствие хорошее, воздуходувка работает прекрасно.

В эту же ночь 31 марта 1944 года, когда оперативные сводки с фронтов Отечественной войны сообщали о том, что наши танки, сработанные из лучшей советской стали, в условиях распутицы, преодолевая грязь и бездорожье, вырвались на оперативный простор, сломили сопротивление немцев и форсировали Прут, когда под Бельцами наши войска продолжали гнать противника, когда на Одесском направлении наши войска заняли Любашевку, когда у Николаева

[1] Воздуходувная машина «Аллис» находится в резерве. Ее заменили новой мощной машиной.

наши войска форсировали Южный Буг, когда весь фронт — от моря и до моря — упорно наступал, направляемый одной рукою, — теплой мартовской ночью техник-диспетчер отвез на телеграф рапорт о вводе домны в строй, сводку о работе завода: чугуна столько-то, стали столько-то, проката столько-то. И в эту же ночь рапорт и сводка, наверное, были положены на рабочий стол человека, с которым наш народ связывает свое счастье, свою жизнь.

Может быть, и даже наверное, эти тонны металла, выплавленного на старейшем заводе Донбасса, были тотчас учтены и весомо и зримо вошли в общий фонд средств ведения войны; может быть, и даже наверное, выплавленный металл лег какой-то частицей на чашу весов великой битвы, которую вел наш народ с гитлеровской Германией.

В первых числах апреля на заводе была получена приветственная телеграмма. Товарищ Сталин поздравлял рабочих, инженеров, техников и служащих Сталинского металлургического завода и Сталинского коксо-химического завода с успешным восстановлением и вводом в действие первой доменной печи и коксовой батареи.

«Самоотверженным трудом по восстановлению старейшего металлургического завода Вы на деле доказываете непоколебимость воли советского народа в короткие сроки возродить металлургию Донбасса».

И в конце телеграммы было тепло и просто сказано:

«Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей работе».

На Зугрэсе

На Зуевскую государственную районную электростанцию я поехал без определенной цели: хотелось взглянуть на реку Крынка, на места, где я впервые побывал осенью сорок третьего года, — в те дни, когда этот кусок донбасской земли еще горел, дымился и кровоточил, когда в машинном зале электростанции, где в былые годы вырабатывалась мощная энергия, росла дикая степная трава и рухнувшие железобетонные опоры и раны взорванных котлов вызывали в душе горечь и сострадание... Таким запечатлелся в моем сознании Зугрэс сорок третьего года. И, повинуясь движению души, я и мои спутники летним вечером сорок шестого года свернули из Харцизска к берегам Крынки, чтобы снова — три года спустя — увидеть Зугрэс, узнать, как живет, как бьется мощное сердце Донбасса.

Зугрэс открылся перед нами в час заката. Отблеск зари сливался с огнями электростанции. Зугрэс вставал над холмами и, казалось, покачивался над водой, как громадный корабль, отражаясь своими огнями в спокойной глади реки. Я смотрел на вечерние огни Зугрэса, полные тепла и жизни, прислушивался к ровному, ритмичному дыханию его машин — и в памяти моей невольно вставали видения недавнего прошлого. Тогда, три года назад, в дни великой битвы за Донбасс, когда Красная Армия прорвала немецкую линию обороны «Миусс-фронт», — взору наших бойцов предстали страшные картины народного бедствия: города и

поселки, заводы и шахты — весь Донецкий бассейн, взорванный и разоренный. Немцы стремились превратить этот непокорный край в пустыню. Ветер свистел в повисших проводах высоковольтных передач и гремел железными листами обрушившихся крыш, пыль и ржавчина покрывали лицо донбасской земли.

История великих восстановительных работ в Донбассе раскрывает перед нами жизненную мощь социалистического строя. Восстановительные работы в Донбассе начались до окончания войны, сразу же, как только враг был изгнан за пределы Донецкого бассейна. Восстановительные операции в ближнем тылу шли параллельно наступательным операциям на фронте. Источник у них был один: творчество масс — та сила, которую Ленин назвал чудесной.

В самом характере восстановительных работ проступает общая черта, свойственная социалистическому строю, — плановое организующее начало. Правительственные решения, связанные с восстановлением шахт и крупнейших заводов Донбасса, имели характер боевого задания. В Мариуполе на заводе Ильича хранится решение Государственного Комитета Обороны, датированное 16 ноября 1943 года.

Восстановление завода, подчеркивает решение ГКО, является важным военно-хозяйственным заданием. Все для фронта, все для победы!

Восстановление Зугрэса, обладавшего до войны огромной мощностью, было одним из первых звеньев общего плана восстановления Донецкого бассейна. В тот день, когда я приехал на Зугрэс, в машинном зале проходила цикл испытаний новая мощная турбина. Взоры всего Донбасса были прикованы к Зугрэсу. С пуском стотысячного турбогенератора значительно увеличивалась энерговооруженность Донбасса. Сто тысяч киловатт, которые рождались сейчас в машинном зале электростанции, и большие энергетические мощности, введенные в строй еще в условиях военного времени, создавали новый энергетический запас, открывали перед Донбассом перспективы нового успешного движения вперед.

Вводом в строй стотысячной турбины завершался определенный и очень значительный этап в жизни Зугрэса. Я попросил инженера Юдина, директора Зугрэса, рассказать о первых днях восстановления электростанции. Юдин долго рылся в ящиках рабочего стола и достал, наконец, свернутый вдвое узкий и длинный лист грубой шероховатой бумаги.

— Вот, — сказал он, протягивая мне эту бумагу, — тут все описано.

Я думал, что это дневник инженера Юдина, в который он заносил свои мысли и наблюдения. Но это была обыкновенная докладная записка, написанная на одном листе. Бумага была грубая и толстая, с синими прожилками. Прочитать докладную записку мне в эту минуту не удалось: Юдина позвали в машинный зал.

Стотысячная турбина вступала в решающую фазу испытаний. В машинном зале была обычная предпусковая рабочая атмосфера. Все были уверены в хороших результатах испытания, но все-таки кое-кто нервничал. Это особенно отражалось на лицах инженеров, создавших турбину. Они отвечали за ее благополучный пуск. Шеф-монтер завода и главный инженер Зугрэса Илья Борисович Копельян слушали работу машины. Я спросил Копельяна, где первая турбина в пятьдесят тысяч киловатт, которую пускали в условиях военного времени. Он указал на машину, стоявшую на одной линии с новой.

— Тогда не было шеф-монтера, — сказал он. — Тогда многого не было... В обычных, нормальных условиях, вот как в нынешних, послевоенных, нужен был бы шеф по монтажу пятидесятитысячной турбины, — он взял бы на себя всю ответственность за пуск, сдавая эксплоатационникам машину в готовом виде, так сказать, «франко-Зугрэс».

Главный инженер, усмехнувшись, повторил: «франко-Зугрэс», словно еще раз представил себе, что было на Зугрэсе в январе сорок четвертого года. Условия работы по тому времени были обычные — условия военного времени...

Сентябрьским утром сорок третьего года на берегу Крынки появился пожилой инженер в полувоенном костюме, с перекинутой через плечо полевой сумкой. В сумке хранился мандат, выданный инженеру Юдину и гласивший, что он является уполномоченным по снабжению электроэнергией освобожденных районов Донбасса. Юдин спросил командира батареи, расположившейся на берегу:

— В чьих руках Зугрэс?

— Условно наш, — весело и бодро сказал молоденький офицер.

Юдин некоторое время раздумывал, что делать, потом решительно двинулся к реке. Как человек штатский, он не вдумался в реальное значение военной формулы «условно наш». Он воспринял только одну часть этой формулы — «наш».

Зугрэс наш! И этого было достаточно, чтобы он пошел на Зугрэс.

Но Зугрэс в эти часы еще не был полностью наш. В этом инженер Юдин убедился, увидев стоявшие за стеной школы немецкие танки. И тут он сразу понял, какие опасности таит в себе это выражение «условно наш». Перейти обратно плотину он не решился: не хотел дважды испытывать судьбу. Пробравшись к нашим передовым цепям, наступавшим с востока, он весь день и всю ночь провел на линии огня. Со стороны Зугрэса раздавались взрывы — они тяжело отзывались в его душе.

Утром, когда Зугрэс полностью уже был очищен от немцев, Юдин с группой инженеров прошел на станцию. По сохранившейся эстакаде он пробрался в машинный зал. Генераторы были взорваны. Котельное хозяйство было взорвано. Плотина была взорвана. Главный щит управления был взорван. Немцы прекрасно понимали значение этой станции. Взрывая Зугрэс, они как бы погружали весь Донбасс во тьму. В течение дня они обстреливали Зугрэс. Под огнем немцев наши саперы обезвредили двадцать семь тонн взрывчатки, которая еще оставалась в недрах Зугрэса.

На другой день к Зугрэсу подъехал открытый виллис. Машина вся была покрыта пылью. И человек в военной шинели, выбравшийся из виллиса, был весь в пыли. Инженер Юдин сразу узнал его — это был секретарь ЦК КП(б)У, член Военного совета фронта Хрущев. Он поздоровался с Юдиным и сразу спросил:

— В каком состоянии Зугрэс?

Они вошли в машинный зал. Взорванные железобетонные глыбы преграждали дорогу. Хрущев спросил у Юдина: может ли он, если не сейчас, то завтра, и не позднее чем завтра, доложить о ближайших перспективах восстановления Зугрэса, и не предположительно, а с наибольшей точностью?

Докладная записка должна быть короткой и ясной: степень разрушения, возможности восстановления — сроки, сроки!

Хрущев сел в виллис и сказал инженеру еще несколько слов. Ему, видимо, хотелось, чтобы Юдин лучше понял, что он должен сделать. Ведь докладные записки пишутся по-разному — с душой и без души. Как большевик, как инженер Юдин должен понять: возрождение этой станции определит возрождение Донбасса и сроки этого возрождения. Вот что он должен учесть, когда будет писать докладную записку.

Юдин снова обошел Зугрэс. Глазами инженера, мыслью большевика-руководителя он оценивал разрушения. Он ходил по поселку, вспоминая те времена, когда он был парторгом этой станции и высаживал на улицах сорок пять тысяч молодых деревьев. Садовником тогда был Иван Афанасьевич Скиба. Молодые деревья привозили в поселок зимой на санях, закрепляли расчалками, чтобы ветер не погубил их, а весной снова окапывали и присыпали свежей землей. Она хорошо привилась, эта древесная молодежь — клен, тополь, ольха... Теперь нужно начинать все сызнова.

Ночью Юдин писал докладную записку о возрождении Зугрэса. Что можно сделать и что нужно сделать. Карандаш у него был, бумаги не было. На складе имелись бумажные мешки для цемента. Он взял один мешок и аккуратно нарезал длинные листы для докладной записки в двух экземплярах. Все в докладной записке было взвешено — чувства и мысли, которые жили в его душе, страстное желание снова увидеть Зугрэс таким, каким он был в мирные годы. Юдин писал так, как говорила ему совесть инженера-большевика. Он учитывал не только свои силы, но и силы тех рабочих, инженеров и мастеров, которые, как и он, хотят, чтобы Зугрэс был восстановлен в наикратчайшие сроки.

«Восстановление энергетического хозяйства Донбасса по результатам предварительного осмотра, — писал он, — осуществимо в пределах первоочередной мощности 200 000 — 250 000 киловатт в срок до полутора лет с вводом первой мощности через три месяца с начала производства работ».

На другой день на Зугрэс снова приехал Хрущев. Никита Сергеевич читал докладную записку и в то же время прислушивался к отдаленному гулу артиллерийской канонады. Он бережно сложил записку, сел в виллис и уехал в западном направлении.

В машинном зале от одной из турбин сохранился только фундамент и часть коммуникаций. По существу нужно было создать, «сложить» новую пятидесятитысячную турбину.

Выхлопной патрубок прислали из Сталиногорска. Крышку цилиндра приспособили старую — ее выслали из Сибири. Ротор генератора доставили из тыла. Заводы «Электросила» и ХЭМЗ оказали большую помощь в восстановлении, а по существу в создании первой пятидесятитысячной турбины. Наибольшую сложность представляли взорванные барабаны котлов.

Ефремов, старый мастер Зугрэса, разработал вместе с ин-

женерами Теплотехнического института целую теорию сварки взорванных барабанов, которую они блестяще осуществили на практике.

В ночь на 1 января 1944 года пятидесятитысячная турбина испытывалась в еще разрушенном машинном зале Зугрэса. Нужно было дать первоначальный толчок турбине, «развернуть» ее. И вот для этого были мобилизованы все энергопоезда Донбасса. Выключив города и поселки, они свою энергию отдали Зугрэсу, где рождалась первая турбина.

Главный инженер Копельян взял слуховую трубку. Он приложил стальной стетоскоп к мощному телу машины, по тональности дыхания определяя точность и слаженность всех ее механизмов. Достаточно было взглянуть на лицо главного инженера, чтобы понять, что́ происходит с машиной. Ровный, ритмичный звук работающего пара обычно говорит о хорошей работе. Но тут что-то тревожило главного инженера. Прослушивая лабиринтовые уплотнения турбины, он уловил какие-то еле слышные хрипы. У машины еще не было свободного дыхания.

Будущие историки, воссоздавая картину битвы за Донбасс, вероятно, не пройдут мимо этого эпизода, когда все энергопередвижки Донбасса трижды отдавали свою энергию Зугрэсу, облегчая рождение первой пятидесятитысячной турбины.

9 января машину включили в сеть, и животворная энергия двинулась по высоковольтным передачам к поднимающимся из руин шахтам, заводам, городам и поселкам Донбасса.

В дни пуска первой турбины на Зугрэсе было получено письмо Степана Ганжи, бойца Южного фронта. До войны Ганжа работал на Зугрэсе газосварщиком, старые кадровики должны его помнить... И вот он, Степан Ганжа, сообщал, что, будучи ранен и направляясь в тыл, он из своего санитарного вагона увидел под Батайском на девятом километре патрубок турбины, на котором стояла марка «Зуевская Грэс».

В Батайск немедленно был командирован один из работников Зугрэса — Гавриил Сущенко. Огромный многотонный патрубок, брошенный немцами при отступлении, почти на треть врос в землю. Его вытягивали с помощью подъемного крана. Он был уложен на специальную платформу и прицеплен к литерному воинскому поезду, который направлялся в Донбасс.

Так открылась возможность восстановления второй турбины.

После того как первая прошла весь цикл испытаний и включилась в сеть, на Зугрэсе была получена приветственная телеграмма от товарища Сталина.

«Выражаю твердую уверенность, — писал товарищ Сталин восстановителям Зугрэса, — что Вы и впредь своим героическим трудом и напряжением всех сил обеспечите быстрое восстановление энергетических мощностей, которые дадут возможность в короткие сроки восстановить наш родной угольно-металлургический Донбасс».

Время войны и первых побед на фронте восстановления запечатлено в этой телеграмме. Читая ее, я вспоминал докладную записку инженера Юдина, написанную в сентябре сорок третьего года, в первые дни освобождения Донбасса. Докладной запиской этой, написанной на шершавом листе, вырезанном из мешка для цемента, открывается книга жизни, которую творят люди Донбасса.

Пуск стотысячной турбины — крупнейшее достижение советской техники. Создавали эту турбину на многих заводах страны. Рабочие Ново-Краматорского завода имени Сталина в Донбассе тоже вложили свой труд в борьбу за эту турбину. С вводом в строй стотысячного турбогенератора Зугрэс стала самой крупной тепловой электростанцией Советского Союза.

Зугрэсовцы вплотную подошли к завершающему этапу восстановительных работ: они поставили перед собой задачу в короткий срок восстановить турбогенератор в 50 тысяч киловатт. Этим самым люди Зугреса выполнят сталинский план восстановления Зугрэса на полную довоенную мощность.

На Зугрэсе в эти дни я встретился со старым мастером Николаем Андреевичем Ефремовым, восстанавливавшим котлы для пятидесятитысячной турбины в условиях военного времени.

В память о первой победе на Зугрэсе высится обелиск с отлитой в бронзе приветственной телеграммой товарища Сталина. Одна из сторон обелиска оставалась незаполненной. Когда я спросил старика, что будет здесь, он не сразу ответил. Он молча посмотрел на загоревшиеся огни электростанции, на эти теплые огни жизни, потом, переведя взгляд на обелиск, с живостью сказал:

— А вдруг получим телеграмму из Москвы...

И добродушно улыбнулся: дескать, все может быть. Он сказал эти слова с твердой убежденностью в том, что в нашей стране самоотверженный труд всегда найдет должную оценку. И он был прав: в ближайшие же дни восстановители Зугрэса получили новую приветственную телеграмму. «Успешное восстановление Зуевской ГРЭС, — писал товарищ Сталин, — является основой для выполнения программы восстановления и дальнейшего развития угольно-металлургического Донбасса, намеченной новым пятилетним планом».

Эта телеграмма как бы подытоживала завоеванное и звала к новым победам на фронте труда.

Утром я уехал с Зугрэса. На берегу Крынки я оглянулся, чтобы еще раз поглядеть на места недавних боев и недавних развалин. Первые лучи солнца горели пожаром в высоких окнах Зугрэса. Новая плотина шла ровной полосой вдоль водоема, она казалась розовой и глянцевитой в торжествующем свете восхода. Нельзя было уже различить в ней тех железобетонных шпал, которые когда-то составляли перекрытия немецких укреплений на «Миусс-фронте», а потом были использованы зугрэсовцами как строительный материал.

Песня о Макаре Мазае

На юге Донбасса, в рабочем поезде, который шел через Сталино, Рутченково, Долю, Волноваху, мимо железных копров шахт и заводских труб, который шел по широкой степи, покрытой нежными майскими травами и цветами, к берегам Азовского моря, я услышал песню о Макаре Мазае — мариупольском сталеваре, замученном в первую осень войны. Песню эту пел старик в вылинявшей косоворотке с бронзовым от степного загара лицом и такими же руками — один из тех бродячих музыкантов, которых всюду приветливо встречают, чьи простые, незамысловатые песни, как бы заносятся ветром на один полустанок и, как ветер, исчезают на другом.

Этот старик, седой, с веселыми карими глазами, появился в дверях нашего вагона, когда поезд остановился на маленькой степной станции Доля. В вагоне было тесно и душно. Старик внимательно оглядел пассажиров — шахтеров, доменщиков, демобилизованных бойцов, крестьян, женщин, уставших от жары и духоты. Быстрым движением он снял с плеча гармонь вишневого цвета и бережно растянул ее меха. И как только послышался первый аккорд, все оживились.

Старый гармонист скорее рассказывал, чем пел, — и низко звучащая гармонь вторила его рассказу. Все было в этой наивной и простодушной песне: молодость Макара Мазая, его талантливая душа, его любовь к огню, его гибель. Вот ведут Макара Мазая по улицам Мариуполя, рассказывал певец, ведут связанного, с залитым кровью лицом; вот нем-

цы подводят его к противотанковому рву, в последний раз говорят ему: «Покорись!» Они истязают Мазая, топчут его ногами. Но даже в эти последние минуты своей жизни Макар Мазай не сдается. «И голова его поднялась навстречу мерзким палачам», — он крикнул на всю степь: «Сталью зальем мы вам глотки, сталью...»

И с тех пор, говорил старик, как только с моря подует ветер низовой, слышится голос замученного сталевара. Он встает из могилы, подолгу смотрит на грозное пламя далеких заводских огней, быстрым легким шагом идет по-над морем и вахту несет у печей.

Песня отзывалась в душе каждого. Слушая певца, рассказывавшего историю жизни и смерти человека с чистой душой, оставившего в народной памяти глубокий след, каждый в эти минуты думал о своем, — прожитом и пережитом. Это видно было по тому, как глубоко вздохнула сидевшая у окна женщина в низко повязанном белом платочке, как порывисто потянулся за кисетом и стал свертывать цыгарку демобилизованный боец, примостившийся на деревянном сундучке, и как пожилой могучий шахтер с медной лампой в сетке вдруг задумчиво проговорил: «Вот она — жизнь-то...»

О, немцы прекрасно понимали силу и значение простого сталевара! Они хотели его именем покорить этот город металлургов — Мариуполь и сказать всему Донбассу:

— Вот ваш Макар Мазай, смотрите, он работает с нами, с немцами!

Тупые и жестокие, они обещали даровать ему жизнь. Да, да, жизнь и положение в германской фирме «Крупп фон Болен», к которой при немцах отошли мертвые заводы — «Азов-1» и «Азов-2». Но они просчитались: им не удалось сломить честную рабочую натуру. И они убили Макара Мазая. В народном сознании он остался жить — самоотверженный сын Донбасса. Он живет в развернувшейся битве за сталь и находит среди сталеваров своих последователей.

Поезд подходил к Мариуполю. Голубая чаша неба как бы расширилась, приподнялась, и внезапно за поворотом дороги открылось залитое солнцем море. Где-то далеко-далеко, у самого горизонта, белым пятном застыл рыбачий парус, воздух над морем был светел и прозрачен, и только над доменной печью «Азовстали» медленно плыло косматое бурое облако рудничной пыли.

Город металлургов и рыбаков — Мариуполь весь утопает в зелени. С какой любовью здесь собирают все, что относится к многовековой истории города. Во дворе музея, среди душистых акаций, стоят свезенные из приазовских степей суровые каменные изваяния — «половецкие бабы». С гордостью говорят здесь о том, что Пушкин, проезжая азовскими берегами близ Мариуполя, вдохновившись шумом воли, написал стихи, что Куинджи, родившийся в этом городе, с детства впитал в себя запахи моря и степи, что сын мариупольского рыбака Георгий Седов отсюда начал свой мучительный и славный путь полярного исследователя.

И вместе с великим прошлым — с пушкинскими стихами, с «Украинской ночью» и «Степью в цветах» Куинджи, с мечтами Георгия Седова — в историю города входит теперь Макар Мазай, его жизнь, его борьба, входит и первый грубый слиток стали, выплавленный после немцев на возрожденном заводе, и первая сваренная труба, и первый прокатанный лист стали... В историю города входит и телеграмма товарища Сталина, которую отлили в бронзе, сохранив для потомков день, час и минуты, когда из Кремля пришли короткие волнующие слова привета и пожелания успехов в деле возрождения завода.

В великом процессе восстановления доменных печей, мартенов, прокатных станов и блюминга заложен процесс воссоздания творческой активности человека. Это очень сложный процесс, особенно для тех, кто жил при немцах, — возвращение к свободному труду. Я видел в музее солидную вывеску: «Крупп фон Болен». Эта фирма завладела заводом. Немцы могли сделать еще тысячи таких вывесок, но растлить душу советских людей им не удалось. И едва немцы были выброшены из Донбасса, как творческие силы, которые жили в народной массе, точно вешние воды, хлынули на поверхность.

Нить творческой жизни немцам не удалось оборвать, — отныне ее ткут наследники Макара Мазая — братья Васильевы, Кучерин, Смотров, Аврамов, Шкарабура... Младший из братьев Васильевых приехал на завод с Урала. Старший — Василий Иванович — вернулся из Красной Армии. Гвардии капитан артиллерии, бывший обер-мастер мартеновского цеха, он был трижды ранен.

Душа сталевара сразу же заговорила в офицере-артиллеристе, как только он вошел в свой девятый мартеновский цех. Он был еще в военной одежде — защитная гим-

настерка, сапоги, старая фронтовая фуражка с черным околышем...

Гул мартеновской печи глубоко взволновал Василия. Это было удивительное чувство грусти и вновь обретенной радости. Точно после долгих мучительных странствий по огромному полю войны он вернулся домой...

На печи работал Михаил Кучерин.

— Отвык? — громко спросил Кучерин и предложил офицеру синее стекло — посмотреть на плавку... Васильев рассеянно улыбнулся. Его бледное, после ранения, лицо порозовело, глаза блестели странным блеском. Одна мысль его мучила все время — кого-то нехватало на этой старой, знакомой площадке перед печью. Но кого именно? Он даже оглянулся вокруг и жадно искал глазами: вот брат, вот Кучерин, вот Шкарабура, вот Махортов — учитель Макара Мазая... Вот кого нехватало: веселого чубатого сталевара Макара Мазая!

Васильев вынул из кармана гимнастерки синее стеклышко. Сталевары удивились: как он сберег это синее стекло в деревянной оправе... Стало быть, он ушел с ним на войну, и оно, синее стекло сталевара, всюду было с ним!

Высокий артиллерист вплотную подошел к печи и привычно посмотрел на бушующее пламя. И стоило ему взглянуть на этот ровный ослепительный свет, как тотчас все его планы об отдыхе, о том, как он некоторое время поживет спокойной жизнью, как он отдохнет от войны, разом развеялись, как дым.

На другой день он вышел на работу, «на линию огня», как он выразился. Он был в своей военной гимнастерке, артиллерийский офицер, снова ставший обер-мастером.

Да, нить жизни не обрывалась ни на одну минуту в этом городе металлургов: через лишения и трудности, в борьбе с ними возрождается творческая мысль. В партийном комитете завода имени Ильича мне показали книгу с отсыревшими страницами. Это была чудом сохранившаяся книга Макара Мазая.

Все годы оккупации она лежала, зарытая в землю, скрытая от немцев. И вот страстное слово новатора в металлургии вдруг ожило. Читая книгу Макара Мазая, его друзья и товарищи словно перелистывали страницы близкого и прекрасного прошлого.

Когда Макар Мазай достиг высокого съема стали — 15,05 тонны стали с квадратного метра пода печи,

Серго Орджоникидзе, чутко улавливавший все новое, что возникало в недрах рабочего класса, писал Мазаю:

«Вы дали невиданный до сих пор рекорд и этим показали осуществимость смелых предложений... Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей».

И эта книга с отсыревшими страницами, книга жизни Макара Мазая, стала организатором и пропагандистом смелых методов работы сталеваров. Она воскрешала круг мыслей Макара Мазая, весь стиль его работы, и, «как живой с живыми говоря», он возникал в воображении своих друзей и последователей.

Наследником Макара Мазая на заводе имени Ильича по праву считается Михаил Кучерин, давший плавку за 6 часов 40 минут и добившийся 11,02 тонны съема стали с квадратного метра пода печи. В ранних сумерках майского вечера я увидел Михаила Кучерина. Он работал в своем садике. Стоя на коленях, Кучерин осторожно срезал сухие, прихваченные утренними заморозками мертвые ветви. Они мешали нормальному росту молодой вишни. Солнце шло на закат. Багряный свет заливал тонкие стволы вишен и нежную зелень листвы. Кучерин поднял лицо, чуть обожженное, как у всех сталеваров, вечным жаром печей. Солнце ударило ему прямо в глаза, он сощурился, улыбаясь доброй улыбкой, гибким движением встал на ноги, — худощавый, в старенькой майке, с коротко остриженной головой.

Позже я увидел его в мартеновском цехе. Он вел плавку на шестнадцатой печи. И это был как будто совсем другой человек — не тот Кучерин-садовник, который задумчиво улыбался, выхаживая заболевшую вишенку, а какой-то иной — Кучерин-сталевар, весь собранный, быстрый в движениях, настороженно слушающий работу печи. Но, видимо, существовала какая-то общая связь между садовником и сталеваром. Обер-мастер Васильев, с которым я разговорился, сказал, что Кучерин — сталевар особый. Он вносит в свою будничную работу элемент поэзии, ту искорку творчества, которая вместе с чугуном, рудой и доломитом входит составным элементом в тонкий и сложный процесс плавки металла.

Это зерно поэзии нельзя учесть на обычных весах. Но оно живет всюду. И в том, как быстро Кучерин загружает печь, и в высоком тепловом режиме, и в долях секунд, ускоряющих плавку, и в смелости решений сталевара, ведущего

печь. Это очень точное определение — вести печь. Как ни совершенна автоматика, как ни точны современные приборы, рисующие поведение печи, — главное остается за человеком. Сталевар, ведущий плавку, должен все время ощущать печь, опытным глазом проникать в существо явлений, в ней происходящих, активно воздействовать на сложный процесс рождения стали.

Кучерин создает в печи высокий тепловой режим, он как бы ведет печь по острому гребню высокой температуры, когда малейшая заминка может погубить плавку. Кучерин говорит: «Печь мучается» или «Печь хорошо дышит». И это не просто слова. Он воспринимает работу печи не как плавку инертной массы металла, а как борьбу, в которой сталевар диктует печи свою волю, формируя характер стали.

Он не замыкается в своем мастерстве. Как наследник творческого метода Макара Мазая он все время расширяет круг своих последователей. На этих днях Кучерин пригласил к себе в цех сталеваров завода. Его печь стала своеобразной школой новаторства. Он повел плавку скоростным методом. Начал с завалки, которая задает тон всему ходу плавки. Он был в эти минуты такой же, как всегда, — весь собранный и целеустремленный. Может быть, чуточку более взволнованный. Ведь десятки глаз внимательно следили за всеми его движениями. Сталевары стояли позади, на рабочей площадке, и тихо переговаривались между собой. Среди них был и учитель Кучерина — Максим Махортов: он когда-то и Макара Мазая учил искусству ведения плавки. Седеющий сталевар с усами, по-казацки спущенными вниз, не погнушался притти и, кто знает, может, и поучиться у своего ученика.

Кучерин первое время чувствовал присутствие сталеваров, и это связывало его. Но постепенно он стал забывать обо всем на свете и думать только о том, чтобы печь хорошо дышала. И среди шума и гула работающей печи он знаками переговаривался с машинистом завалочной машины, с подручными, и его спокойствие и уверенность передавались всем, казалось, и самой печи.

Он вел борьбу за время — за секунды, за доли секунд. Он выигрывал время на всех этапах плавки. Вот он подошел к наиболее критическому моменту в процессе плавки — к полировке и доводке стали в печи. Это вершина мастерства сталевара.

При всей своей точности приборы могут определить температуру только отдельных точек печи. Сам сталевар должен

натренированным глазом определить состояние всей плавки. Вводом железной руды в печь сталевар удаляет из расплавленной массы вредные примеси. Руда, очищающая металл, снижает температуру, а снизив температуру, сталевар лишается возможности выпускать плавку во-время.

Кучерин решил выиграть время и быстро, без пауз, дал в печь две мульды руды. Обер-мастер Васильев так комментировал этот шаг Кучерина: «Тут сказался кучеринский характер». Робкий сталевар, вероятно, повел бы печь потише: боясь бурной реакции от ввода в расплавленный металл руды, он ограничился бы одной мульдой и, обретая душевное спокойствие, тихо и без риска, растягивая плавку, довел бы ее до конца. Кучерин же пошел на риск.

Что лежало в основе риска Кучерина? Смелость и точный расчет. По характеру плавки он определил температуру металла в данный момент и безошибочно предсказал, какая температура будет в печи после ввода двух мульд.

И он выиграл один час.

Прямые солнечные лучи падали сквозь щели в крыше. От печи шел жар, в круглых окнах видно было, как яростно бился рождающийся металл. Я смотрел на этот сверкающий поток стали, излучавший сияние, и в моем воображении вновь ожила песня о Макаре Мазае. Ее творят, эту песню о стали, друзья и наследники Макара Мазая. Она живет в бушующем пламени плавок, в самоотверженном труде простых людей, ведущих мартеновские печи с тем истинным вдохновением, которое одинаково присуще рождению песни и рождению стали.

Новаторские приемы в работе сталевара Кучерина, как все живое и передовое в нашей стране, были подхвачены сталеварами Советского Союза. Михаил Кучерин стал душой социалистического соревнования за скоростные методы выплавки стали. В родном Мариуполе его метод подхватил сталевар мощных мартеновских печей «Азовстали» Аврамов; в Макеевке борьбу за скоростные плавки повел сталевар Иван Долгий, в Магнитогорске — сталевар Зинуров.

Борьба Кучерина за высокие методы скоростной плавки — это не рекорды одного дня. Изо дня в день Кучерин в течение 1946 года набирал темпы и ко дню Сталинской Конституции выполнил годовой план, дав сверх плана 700 тонн стали.

Отец и сын

I

В полдень, замедляя ход, поезд Москва — Сталино подошел к станции Горшечная. Гвардии майор Синчилин увидел низкие строения глухой степной станции. И рощу вдали он увидел: деревья стояли в осеннем убранстве — желтые и багряные.

Кажется, ничего не изменилось. И эта расщепленная обожженная акация, и воронка от бомбы, и втоптанные в землю гильзы, и ржавые осколки — все как будто оставалось таким, каким было три года назад, в дни войны.

К счастью, поезд простоял четверть часа, и Синчилин успел побывать на опушке рощи. Под кленами был погребен его друг, комиссар танкового полка Петр Каргин. На том месте, где он погиб, танкисты насыпали высокий могильный холм и на медной пластинке, сделанной из 152-миллиметровой гильзы, вырезали имя отважного комиссара. Было это в сорок втором году, и Синчилин боялся, что время сравняло одинокую могилу. Но могила сохранилась: кто-то ухаживал за ней, посадил возле нее молодые елочки, выложил могильный холм зелеными ветвями.

Синчилин постоял у могилы и, притихший, весь охваченный воспоминаниями, вернулся в свой вагон.

Всю долгую ночь он простоял у открытого окна вагона. Надвигались и медленно исчезали темные громады терриконов. Высоко на вершинах терриконов иногда загора-

лись зеленые огоньки; временами ночное небо озарялось светлорозовыми всполохами. И чем дальше в глубь Донбасса, тем ярче горели огни новой жизни.

Сколько раз бывало там, на фронте, в минуты затишья, вели задушевные разговоры о волновавшем и тревожившем всех: что будет после войны, как мы будем жить и работать на разоренной земле, как мы будем восстанавливать взорванные копры шахт, машинные залы электростанций, застывшие мартеновские печи, заводские цехи с пробитыми крышами. Но тогда, в дни войны, грядущая жизнь заслонялась быстро текущей напряженной боевой жизнью. И вот оно пришло — это время, о котором так мечталось в окопах, — время мирной жизни, дни восстановления.

Восстановление! Сильное, мощное слово. За время войны он отвык от гражданских или, как он называл их, «тыловых» слов, и для его военного слуха по-новому звучали такие слова, как «скоростная плавка», «метод оживления балок», «поточное промстроительство». Он, как и многие офицеры, отдаленные годами войны от жизни тыла, смутно представлял себе, что́ происходит в тылу, как возрождается изуродованная и измученная родная земля.

Это ведь война — и очень сложная война. Линия фронта проходит на земле и под землей — тут требуются организаторский талант и стойкость не меньшие, а пожалуй, и большие, чем в обычной фронтовой обстановке.

Отец пишет, что шахту «Кочегарка» уже восстанавливают. Четыре миллиона кубометров воды нужно поднять на поверхность. Отец работает начальником участка.

Синчилин вспоминал отца — седого, сутулого шахтера с карими веселыми глазами. Мать, худенькая, рано состарившаяся, почтительно звала его Ильей Ивановичем. И вспомнился майору Синчилину тот далекий теперь день, когда отец в первый раз взял его с собой в шахту. Клеть скользнула вниз вдоль мокрых стен; отец шершавой рукой притянул мальчика к себе. Потом они пошли по путям, прижимаясь к скользкой прохладной стенке, а мимо с бешеным грохотом проносились вагончики с углем, и тормозной отчаянным свистом давал о себе знать. Потом они поползли по лаве в кромешной тьме, едва освещаемой раскачивающейся шахтерской лампой, висевшей на шее отца. Казалось удивительным, с какой ловкостью отец, грузный шахтер, легко и проворно двигался в темном кутке. Мягким светом отсвечивал уголь, или, как отец называл его, «уголек».

«От уголька вся жизнь», — говорил отец. Старый шахтер, он не знал другой жизни, кроме полной опасности и риска жизни забойщика. И дети его познали эту жизнь. Василий Синчилин на той же шахте «Мария» был дверовым, коногоном, держал в молодых сильных руках обушок, а позже работал на отбойном молотке. И, может быть, это шло от отца к сыну — шахтерское упорство, твердость и прямота характера. Всю жизнь отец мечтал о том, чтобы дети его «вышли в люди», — он хотел видеть их учителями, врачами, инженерами. С Василием ему пришлось повозиться: молодой, отчаянный парень чувствовал себя чужим за партой в педагогическом техникуме. И только в танковом училище он ожил.

Первую осень войны Синчилин тревожился: где отец и мать, что с ними, остались ли они в Горловке или успели уйти с Красной Армией? И когда зимой сорок первого года на рубеже Москвы он получил первое письмо от отца из Кузбасса, его охватила сыновняя гордость. Вот какие у меня старики! Все бросили — хату, построенную своими руками, сад и огород, все покинули и ушли, чтобы на новом месте, в далекой Сибири, добывать для Родины уголь.

II

В сентябре 1941 года, когда дороги Донбасса были забиты отходящими частями армии, машинами, повозками и гражданским населением, уходившим на восток, за Волгу, глухой осенней ночью забойщик Илья Иванович Синчилин в последний раз спустился в свою шахту, обошел ее от края и до края, прощаясь с угольными пластами, с штреками и квершлагами, со всей шахтой, в которой прошла его молодость...

И своими натруженными руками, десятилетиями добывавшими в этой шахте уголь, своими старыми, морщинистыми руками в ссадинах, которые крепили кровлю и когда-то показывали сыну, как брать уголек, — этими самыми руками с въевшейся навечно в кожу угольной пылью, старый забойщик в последний раз обурил устье шахты и квершлаги и заложил в бурки взрывчатку. В последний раз он поднялся на-гора. Когда он пришел домой и молча сбросил с себя шахтерку, повесил у дверей лампу, лицо его, припорошенное углем, выражало смертельную муку. Жена все поняла.

Тридцать пять дней эшелон с горловскими шахтерами продвигался в Сибирь. По вечерам в теплушке, в которой ехала семья Синчилиных — отец, мать и дочь, зажигали шахтерскую лампу-коптилку, и молодые голоса пели до боли знакомые песни, от которых вздрагивало сердце.

Когда из Сталинграда пришло письмо, что сын ранен, Илья Иванович дольше обычного пробыл под землей, добывая уголь.

Как ни мощны были угольные пласты в Кузбассе, по сравнению с более трудными в добыче донецкими пластами, душа горловского шахтера тянулась в Донбасс. Он вошел в Горловку вслед за наступающей Красной Армией. Снова увидел он серые, цепью тянувшиеся пирамиды отработанной породы, провисший копер шахты, родную донбасскую землю, которая терпеливо ждала своих хозяев.

И шахту свою он увидел. У людей могли опуститься руки, казалось безнадежным и немыслимым выкачать воду из черных глубин. Слепые яростные силы природы день за днем разрушали шахты. Но люди, вернувшись, взялись восстанавливать их.

III

Когда прошли первые часы встречи отца с сыном и улеглось волнение, Илья Иванович часто ловил на себе внимательный и мягкий взгляд Василия. Сын смотрел на отца украдкой: раскроет коробку папирос, закурит, затянется дымом и вдруг взглянет на отца, на его седую голову, морщинистые руки, лежащие на столе, на сутулые плечи.

Отец стал совсем седым. Василий осторожно притронулся к розовому рубцу на отцовском плече. Илья Иванович смущенно и коротко рассказал ему, как сорвалась клеть при пуске шахты и как он счастливо отделался, пролетев 40 метров в грохочущей клети.

Сын хотел знать, как они жили все эти годы. Но на все вопросы отец отвечал одним словом: «Работал». От матери он узнал историю их жизни. Но мать была шахтерской матерью: привыкшая к трудностям, она не жаловалась, вспоминая былое; ее радовало одно — все тяжелое позади, мы снова в Донбассе. Она, как и отец, больше говорила о восстанавливаемой шахте, связывая с шахтой, с Донбассом свою судьбу, свое счастье.

Молодой Синчилин проснулся на рассвете и долго лежал, закинув за голову руки. Утренний свет просачивался сквозь щели в ставнях. Он слышал, как встал отец, как он, покряхтывая, обувался и, мягко ступая, прошел к двери. Прежде чем уйти, отец заглянул в комнату, где спал сын, или, как он с гордостью называл его, «наш офицер». Василий притворился спящим. Отец постоял с минуту, потом тихонько, стараясь не стучать сапогами, пошел из дому.

Вскоре и Василий встал. В накинутой на плечи шинели он вышел на крыльцо. Тихое, чистое осеннее утро подымалось над садом, над курившимися туманом серыми терриконами.

Майор Синчилин медленно обошел знакомую улицу. Улицу Изотова... Как выросли деревья! Много лет назад их высаживали юные шахтеры. Трудно было поверить, что эти нежные, тонкие акации и клены привьются на каменистой, суровой шахтерской земле. Цветы и уголь... Мечталось, вся Горловка, весь Донбасс будут опоясаны цветами и зеленью деревьев. И эта новая жизнь, ростки которой с каждым годом все смелее и смелее тянулись к солнцу, была грубо повержена в прах во время черных дней немецкой оккупации. Но как ни старались фашисты вытоптать и уничтожить эти ростки, побеги молодой жизни, как ни мучили они людей, обрекая их на голод, унижая человеческое достоинство, как ни пытались они взять за горло Донбасс, — край угля и металла не покорился. И едва вступила в донбасскую степь нога красноармейца, как весь Донбасс, словно богатырь, которого коснулась животворная вода, проснулся, медленно стал поднимать свое усталое могучее тело. В глубоких недрах и на поверхности шахт забили ключи жизни.

Молодой офицер шел по улицам родной Горловки, где многие знали его с детства.

— Васька! — радостно воскликнул старик в выцветшей косоворотке. Окинув быстрым взглядом ордена и медали на груди офицера, он тотчас же поправился: «Василий Ильич!»

Вся Горловка была в строительных лесах. Возводились цехи Кировского завода, строились новые школы — при немцах почти все школы были сожжены, ремонтировались дома, и дети, как в былое время, сажали кустарники и юные деревца. Родной город возникал в строительных лесах, еще иссеченный, еще кровоточащий, но живой и устремленный в будущее. На каждом шагу чувствовалась великая сила созидания. Старый садовник Гречко возился с цветочными клумба-

ми у завода имени Кирова. Решетки вдоль садика были выкрашены голубой краской.

И особенно тронуло молодого офицера, что живые не забывали тех, кто отдал свою жизнь за счастье народа. В садике были две безымянные могилы. По истлевшим шинелям горловские рабочие определили, что погибшие были танкистами. Их похоронили у завода, рядом с Доской почета. И это было, как символ: павшие в бою незримо участвовали в великой созидательной работе.

На выцветшем полотнище у завода было выведено:

«Минуло время горечи и бед — пришла пора восстановленья».

Кто написал эти слова, — может быть, свой заводской поэт. Этот необычный лозунг удивительно точно выражал суть происходящего. Пришла пора восстановления...

В один из вечеров отец пригласил к себе своих старых друзей. Старые шахтеры, гордые, самолюбивые — «шахтерская гвардия», как они себя называли, встретились с молодым офицером. Их деды и отцы закладывали основы Донбасса, родословная каждого из них была связана с первыми шахтами. Они, как и отец, были влюблены в свое шахтерское искусство. Прямодушные, открытые, готовые отдать свою жизнь за Донбасс.

И то, что танкист Василий Синчилин дрался под Сталинградом и был награжден орденом Ленина, только убеждало их в могучей силе шахтерского рода.

Старого забойщика Ивана Борисовича Сатанина, человека простого и чистого в своих побуждениях и делах, знает вся Горловка. Сорок пять лет он проработал на одной шахте. Он помнит степь, поросшую травами, мелкие шахтенки, которые хозяин называл по имени своих дочерей — «Мария», «София», «Валентина». Старый горловский шахтер, водивший дружбу с профессорами горного дела, он как бы представляет собою живую историю Донбасса. Высокий, сухой и жилистый, он чувствует себя под землей, как дома; он знает по памяти все выработки, направление всех пластов. В одном забое с ним когда-то работал отец Василия Синчилина.

И этого человека, воплощающего в себе неукротимую гордую душу донецкого шахтера, немцы хотели сломить, заставить хотя бы для видимости работать. Хатка Сатанина прилепилась под боком шахты. Целыми днями он возился в садике, разросшемся по склону балки. Цветы и деревья были отрадой его жизни в мрачную пору немецкой оккупации. Глу-

хой ночью или в часы рассвета, когда все вокруг еще спало, старик, мучимый бессонницей, выходил из хаты, отпирал калитку и пробирался к взорванной шахте. Он подолгу слушал, как журчит вода в ее темных глубинах. Ему казалось, что покинутая шахта жалуется.

Штейгер немец позвал его и приказал выйти на работу. Старик покачал головой. Его выцветшие глаза смотрели с детской наивностью: дескать, стар я, глух и немощен. Немец велел ему убраться. Старик не спеша повернулся и, медленно переставляя больные ноги, согнувшись, пошел к себе в поселок, который из уважения к заслугам шахтера-ветерана в годы пятилеток был назван его именем — именем Сатанина.

И как же воспрянул духом, расправил свои плечи этот дряхлый на вид старик, полвека проработавший под землей, когда в Горловку пришла Красная Армия! Он обошел всех своих друзей, таких, как и он, старых почетных пенсионеров, честно поработавших на своем веку, он собрал их в своем садочке, усыпанном осенними листьями, и за дощатым столом, врытым в землю, старые забойщики обсудили, как лучше и быстрее приступить к откачке воды, где лучше заложить новые шурфы, а где использовать старые.

Низкими, глухими, но еще сильными голосами старики затянули старую песню. В детстве молодой офицер слышал ее на шахте.

Выпьем за счастье, выпьем за долю...

. . . .

Щоб наша доля нас не цуралась,
Щоб краще в свите жилося.

Молодой офицер затуманенными глазами окинул старую шахтерскую гвардию, людей, которые все вытерпели и теперь вместе со своими сыновьями боролись за лучшую долю. Откуда взялись силы у отца и его друзей, почему все они, без всякого принуждения, с величайшим рвением и страстью отдавали себя делу восстановления Донбасса?

— Это тронуло сердце, — сказал отец, когда они остались вдвоем и, выйдя на крыльцо, смотрели на раскинувшуюся перед ними Горловку. Зеленые огни загорались над вершинами терриконов. А еще выше, над копрами шахт и заводскими трубами, горели первые ночные звезды. Василий Син-

чилин чувствовал теплоту отцовского плеча. «Это тронуло сердце», — отец верно определил чувство народа, который на изуродованной родной земле возрождал свой Донбасс, свою жизнь.

Синчилин вернулся в армию, но не забывал о Горловке. По коротким письмам отца он рисовал себе ход работ на «Кочегарке». Сердце его преисполнилось гордостью, когда он получил от отца письмо, что на полтора месяца раньше срока закончена откачка воды. Отец приводил только одну цифру: на поверхность поднято более 4 миллионов кубометров воды. Но офицер Синчилин, сын шахтера и сам в прошлом шахтер, прекрасно понимал и знал, что эти 4 миллиона кубометров воды, поднятых на поверхность, включали в себя самоотверженный труд горловских шахтеров.

Так рождается новое

Однажды в апреле, в поселке шахты «№ 10-бис», я увидел обычную для Донбасса весеннюю картину: старые и молодые шахтеры старательно копали землю, бережно высаживали юные деревья — клены, тополя и акации. Люди поселка восстанавливали свой парк. Собственно говоря, они создавали его заново.

Я смотрел на эти колеблемые весенним ветром деревца, высаженные руками шахтеров, и думал, что усилия людей, стремящихся украсить свою жизнь, связаны с тем новым, что зародилось на шахте десятая-бис в труде и борьбе.

Проблема скоростной проходки — одна из самых жгучих проблем в борьбе за восстановление Донбасса. Как случилось, что маленькая шахта вдруг прославилась большими делами, что о Лукичеве и Денисенко заговорил весь Донбасс?

Я хочу рассказать не только о Лукичеве, показавшем высокие образцы работы, создавшем «широкий шаг» в скоростной проходке, но и о человеке, который сумел открыть в молодом шахтере с тонкими чертами лица и сильными, огрубевшими руками скрытую силу, блестяще проявившуюся в борьбе за уголь.

Инженера Осипчука, заведующего шахтой, Лукичев называет человеком «моторным». К этому большевику-инженеру тянутся нити новаторства. В 1930 году украинский комсомолец Осипчук в числе многих тысяч комсомольцев был послан на работу в Донбасс. Это была его четвертая комсомольская мобилизация. Каждая такая мобилизация откладывалась в

душе Осипчука, оттачивала его характер — упорный и целеустремленный.

Искусству крепления его обучал старый горный мастер Фетисов Андрей Павлович. Осипчук добывал уголь, руководил подземной комсомольской ячейкой и учился на вечернем рабфаке.

22 июня 1941 года, в первое утро Отечественной войны, он защищал в Сталино дипломный проект, посвященный углублению шахты на новый горизонт.

Он уходил из Донбасса с частями Красной Армии и вернулся в Донбасс в первые дни его освобождения. Десятая-бис, куда он был назначен заведующим шахтой, была взорвана и затоплена. На эту шахту его перевели с другой, более крупной — перевели по болезни сердца.

Произошло это так.

Управляющий трестом, спустившись вместе с Осипчуком в шахту, пробыл там полдня. Облазив забои и уступы, они собирались итти на-гора. Работала только клеть для подъема вагонеток, и горные инженеры пошли людским ходком. Вот тут Осипчук схватился за сердце и шопотом глухо сказал, что дальше не в силах и шагу ступить.

— Сердце пошаливает, — сказал он таким тоном, словно просил извинения за эту слабость.

Управляющий поднял шахтерскую лампу и осветил медленно оседавшего Осипчука. Лицо Осипчука было искажено болью, он широко раскрыл рот, втягивая в себя воздух, и тщетно пытался улыбнуться.

— Надо, дорогой, лечиться, — сказал управляющий.

И Осипчука перевели на шахту десять-бис, где и уклон более приемлемый, и объем работ меньший. Шахта эта жила тихой жизнью: где-то рядом ставились рекорды, славой гремели имена проходчиков и забойщиков, а десятая-бис считалась отсталой.

В тот день, когда радио сообщило, что в Москве на сессии Верховного Совета принят Закон о пятилетнем плане великих работ, Осипчук и парторг шахты Литвинов провели короткий митинг. Вопрос стоял так: как мы ответим на этот принятый избранниками народа Закон о пятилетке?

Старый крепильщик Быков на этом митинге не выступал. Говорили другие, а он молчал. Но именно он, крепильщик Быков, в этот день поставил три рамы, выполнив производ-

ственную программу на 300 процентов. Это было начало борьбы за скоростную проходку.

На другой день к Осипчуку в кабинет вошел крепильщик Денисенко. Он пришел со всем своим рабочим инструментом. Кайло, ломик, лопату, желонгу и даже деревянные смерки, которыми измеряют высоту стоек, Денисенко захватил с собой. Осипчук улыбнулся: не спроста пришел этот опытный крепильщик, который умеет, как говорят, «подойти к породе». Какая-то струнка была задета в нем...

Осипчук вспомнил своего первого учителя — забойщика Фетисова. Взяв из рук Денисенко горняцкий инструмент, инженер Осипчук стал показывать ему, в каком порядке старый забойщик Фетисов держал в забое кайло, желонгу, лопату, шилья, лом... Инструмент у Фетисова всегда был под рукой. Он не суетился, работал со вкусом. Спрашивается: можно ли у нас на шахте работать лучше, есть ли для этого возможности или нужно смириться и покорно итти узким шагом?..

На этом они расстались. Взяв свой горняцкий инструмент, Денисенко пошел в шахту.

Навык и чутье много значат в искусстве крепления. Обычно крепильщик ставит рамы через каждые полметра. Посоветовавшись с Лукичевым, который подготовил ему фронт для работы, Денисенко сломал так называемый «узкий шаг» и стал крепить «широким шагом», ставя рамы через каждые полтора метра. Следом за Денисенко шел крепильщик второй руки и ставил промежуточные рамы.

Слух о широком шаге Денисенко тотчас облетел всю шахту, весь поселок. Денисенко поставил шесть рам! Старые крепильщики решили, что этот рекорд поставлен так только, «для агитации», как они вежливо говорили. Посмотрим, что он завтра скажет, Александр Денисенко! Как он сработает в будний день. Но и завтра, и послезавтра Лукичев и Денисенко шли широким шагом.

Это не могло не взволновать старых шахтеров, самолюбие и гордость которых были задеты. В мартовскую ночь один из стариков, Назар Васильевич Жулай, по поручению всех стариков пошел с Денисенко в шахту и поставил метку в том месте, откуда тот начинал крепить. Они не разговаривали. Старичок терпеливо высидел всю смену, а Денисенко старался не замечать его. Проверяешь, — ну и проверяй себе на здоровье. И только когда Денисенко поставил раму, Жулай окончательно уверился, что тут дело чистое, что широкий шаг существует.

Как ни хорошо работали Лукичев и Денисенко, все-таки это была работа рывками. Нужна была наиболее совершенная организация труда, которая дала бы возможность работать высокопроизводительно не только таким инициативным людям, как Лукичев и Денисенко, но и обыкновенному среднему шахтеру. Осипчук послал в шахту нормировщика. Он дал точный анализ — в минутах и секундах — работы крепильщика, забойщика и уборщика породы. Картина получилась мрачная. Но Осипчук как будто обрадовался.

Изучая данные хронометража в работе крепильщика, он отчетливо понял, какие огромные возможности таятся в широком шаге Денисенко, в правильно организованном труде. Время работы крепильщика — 480 минут — расходовалось варварски, непроизводительно. 290 минут съедались впустую, уходили на подсобные работы.

Осипчук рассказал Лукичеву и Денисенко об анализе работы шахтеров. Слово «анализ» особенно понравилось им. Точное слово! Вот смотрите и слушайте! Только на доставку крепежного леса к месту работы у вас уходит 60 минут — один час! Ясно? На уборку породы — 100 минут. На заготовку деталей крепи — 70 минут. На зачистку места работы 45 минут... Итого 290 минут непроизводительного труда. А если отделить непроизводительный труд от производительного, если сломать этот старый порядок, тогда не только вы, но и любой средний шахтер лучше использует время, данное ему на главные операции.

Да, анализ работы дал возможность Лукичеву и Денисенко увидеть свою работу в новом свете.

А жизнь заставила итти дальше — сломать гнилую организацию труда. Лукичев был первым советчиком инженера Осипчука. Это он подхватил и развил идею организации труда, созданную Осипчуком, дополнив ее рядом усовершенствований. Теперь забойщик был освобожден от откатки, погрузки и перекидки угля. Он только выбирал уголь, и в то время, как бурильщик бурил, он крепил и двигался вперед.

Сила Лукичева заключалась в том, что он, по словам Осипчука, умел перенять новое, хорошее и хоть на сантиметр, но улучшить это новое.

В седьмом часу утра Лукичев спустился в шахту для работы по новому методу. Он сказал: «Буду ставить рекорд». Но Осипчук понимал, что дело не в рекорде, а в генеральной проверке нового метода работы.

Литвинов — парторг шахты — спустился вместе с Лукиче-

вым. Парторг был в своей старенькой фронтовой гимнастерке, поверх которой он надел брезентовую куртку. И как когда-то Дюканов — парторг лавы на шахте «Центральная-Ирмино» — освещал огоньком своей лампы работу Алексея Стаханова, так и теперь, десять лет спустя, парторг шахты десять-бис своей лампой освещал тускло мерцающий уголь и черного от угольной пыли молодого забойщика. Отработав смену, они поднялись на-гора, и Осипчук, увидев их разгоряченные лица, сразу же понял: победил Лукичев, победил новый метод работы, который может и должен стать методом и стилем всей шахты.

То, что сделал в эту смену забойщик Лукичев — он прошел по углю 10 метров, — имело границы. На многих шахтах Донбасса ставились и ставятся рекорды, были и есть свои замечательные забойщики и проходчики. Заслуга же Осипчука, открывшего новаторскую жилку в Лукичеве и Денисенко, состоит в том, что опыт этих новаторов он сделал достоянием всей шахты.

Суть успеха в работе шахты десять-бис заключалась в умелом разделении труда. Два большевика — инженер и парторг шахты — не дали потухнуть искорке, которая вспыхнула в душах передовых людей. Вот так рождалось новое — оно шло от человека к человеку, и счастье, что у истоков борьбы и победы стояли такие люди, как Осипчук и Литвинов. Они развили это новое в стройную систему цикличности. Старый цикл, охватывавший все процессы труда — выемку по углю, уборку породы и крепление забоя, — предусматривал проходку в полтора метра. Новый «широкий шаг» включил в цикл до десяти метров проходки.

И шахта стала местом паломничества инженеров, забойщиков, крепильщиков, съезжавшихся со всех концов Донбасса. Первым приехал знаменитый забойщик Степан Рубан. Это был зрелый, опытный мастер горного дела. Казалось, что мог дать ему молодой забойщик Лукичев, чему Лукичев мог научить зрелого, опытного мастера, имеющего заслуженную славу и доброе имя. Надо думать, что его заставили приехать на шахту десять-бис страсть к новому, творческое беспокойство, одинаково свойственные ученому и забойщику, если в них живет душа новатора.

Из Артемовска приехал крепильщик Терентий Васильевич Шульга, высокий, костлявый старик с пышными усами. Его познакомили с Лукичевым, и он с каким-то недоверием оглядел щуплого на вид паренька. В Денисенко он поверил сра-

зу: сильный и широкий в плечах, Денисенко был именно таким, каким, по мнению Шульги, должен быть крепильщик.

— А ну, сынок, — сказал он Лукичеву, — пошли в шахту, посмотрим твой метод...

И всем им Осипчук, Лукичев и Денисенко открывали свой секрет победы. Были, правда, и такие гости, которые не скрывали своего скептицизма. «Посмотрим, посмотрим, — говорили они, — посмотрим, что у вас тут творится...» Поднявшись из шахты, они утверждали, что ничего нового не заметили. Разделили труд, — вот и все. У нас другие условия работы, к нам ваша мерка не подходит.

Осипчук вежливо расспрашивал инженеров об особенностях работы их шахт и со всею страстью инженера-новатора доказывал, что всюду в Донбассе можно и должно работать методами скоростной проходки. Спокойно, приветливо улыбаясь, он говорил:

— Если хотите знать, товарищи, мы у себя действительно никаких америк не открыли. Если сказать просто, мы разделили труд, создали шахтеру условия для высокопроизводительной работы...

И он детально излагал гостям свою идею разумной организации труда. Это было главное. Да, конечно, можно спорить по поводу частностей, упираться из самолюбия... Но отмахнуться от этой живой жизни, от этого опыта уже нельзя было. И сами же инженеры, приезжавшие на десятую-бис за живой водой, за новым опытом, видели и убеждались, какие запасы творческой силы таятся в новом методе работы.

Искорка нового, блеснувшая на одной из шахт Донбасса, осветила путь к решению большой проблемы. Путь, но не готовый рецепт. Путь борьбы, исканий и смелого творчества.

Я не берусь точно сказать, что послужило толчком к рождению широкого шага, — Лукичев говорит, что в этом ему помог инженер Осипчук. Да, большевик Осипчук сыграл свою роль в творческом поиске молодого шахтера. Но я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что у молодого человека были и другие и, может быть, более глубокие причины для творческих поисков.

Слушая его рассказ о том, как он в годы немецкой оккупации бродил по Донбассу, как ему было тошно глядеть на все то, что немцы творили в Донбассе, я вспомнил другого юношу — из Макеевки. Я увидел его в первый день освобождения Макеевки. Он пришел в штаб дивизии худой, с горя-

щими глазами — у всех в этот день глаза блестели, — пришел с охапкой стихов, написанных им в страшные годы немецкой оккупации. Он читал их нам вслух. Вот строки одного стихотворения:

«Как скучно жить без светлой жизни, без всякой цели впереди...»

Эти стихи ожили в моей памяти в апрельский вечер в поселке шахты десять-бис при встрече с молодым шахтером Николаем Лукичевым. «Как скучно жить без светлой жизни, без всякой цели впереди...»

Немцы стремились убить в советском человеке самое дорогое — творческую активность, силу, вызванную жизнью, революцией, культивируемую в массах нашей партией. Процесс возрождения Донбасса связан с процессом воссоздания человеческой активности, духовного строя мыслей и чувств советских людей.

Новое идет от человека к человеку, увлекая и захватывая в своем движении широкие массы. Когда молодой шахтер Николай Лукичев сломал обычные нормы проходки, он, вероятно, даже не предполагал, какие широкие горизонты открывает перед всем Донбассом его новый метод крепления забоя, который на языке горняков называется «широким шагом».

То, что родилось в шахте десятая-бис — широкий шаг, — стало предметом обсуждения слета шахтеров-новаторов. В день открытия слета вся площадь перед Городским театром в Сталино была запружена грузовыми и легковыми машинами. С рассвета в Сталино съезжались шахтеры из Горловки, Макеевки, Чистяково, Рутченково... Главным, что пронизывало все выступления ораторов на этом слете, была проблема творчества. Творчество можно было ощутить и в докладах начальников угольных комбинатов, рассказывавших о состоянии горноподготовительных работ, в выступлениях забойщиков, крепильщиков, врубмашинистов, инженеров, партийных работников, министра угольной промышленности.

Министр огласил несколько цифр, которые сразу показали, какие огромные задачи стоят перед Донецким бассейном. Шахты Донбасса в 1941 году имели двести восемьдесят пять тысяч метров очистной линии забоя. А к весне 1946 года воссоздано семьдесят три — семьдесят пять тысяч метров забоя.

За четыре года нужно увеличить действующую линию забоев в Донбассе на двести тысяч метров! Это значит, что за

четыре года нужно выполнить объем работ, которые осуществлялись на протяжении многих десятилетий. Понятно, какие огромные возможности таятся в новаторском методе, в широком шаге Лукичева — Денисенко!..

В воскресенье закончился слет новаторов Сталинской области. В понедельник открылся слет новаторов Ворошиловградской области. Из Сталино туда полетел шахтер десятой-бис Лукичев. Не отрываясь, смотрел он на проплывающие под крылом самолета заводы и шахты. Он впервые увидел Донбасс сверху и поразился его величию и мощи. Далеко впереди раскинулась степь; она клубилась сизым дымом, и казалось, что это жил и дышал сам Донбасс.

Далеко от десятой-бис, в другом конце Донбасса, на шахте «Никанор», загорелась новая искорка. Там научились работать ровно, ритмично, добились, как говорят горняки, «высокой цикличности». И, так же как со всего Донбасса ездили к Николаю Лукичеву изучать его опыт, так теперь шахта «Никанор» стала местом паломничества шахтеров, инженеров, профессоров...

Лекцию о цикличности в горном искусстве читает начальник участка инженер Михаил Омельченко. Собственно говоря, он не столько рассказывает, сколько показывает, — и показывает под землей, на том горизонте, где проходит линия его забоев.

Меня потянуло на шахту «Никанор» — повидать людей, которые научились давать в сутки четыре цикла. В сумерках мы проехали станцию Мануйловка, потом лесную посадку, а когда переехали железнодорожное полотно и водитель сказал, что это разъезд Боржековский, я сразу вспомнил эти места, эту лесную посадку, далекие холмы и силуэт шахты «Никанор»... Да ведь тут, в этих местах, весной сорок второго года шли бои!.. В этой лесной посадке — как они выросли, тополя и клены! — стояла тогда разведрота наступавшей дивизии.

— А где тут Вергулевка? — спросил я водителя.

— За шахтой «Никанор», — ответил он.

Тогда, в сорок втором году, бой шел за эту самую Вергулевку, упорный бой за каждый метр земли.

Слушая рассказ горного инженера Омельченко с шахты «Никанор», стремясь сосредоточиться и лучше понять, в чем состоит его метод цикличной работы, я не мог отделаться от воспоминаний о том, что было вчера, только вчера. И, не выдержав, я спросил его:

— Вергулевка сильно побита?

— Сильно, — сказал Омельченко. И пододвинул листок-график, охватывавший все процессы работы за цикл — зарубку, выемку, подготовку лавы к новому циклу.

— Все рассчитано во времени и пространстве, — говорил Омельченко. — В новых условиях мы, собственно говоря, возродили метод знаменитого горного мастера Гвоздыркова.

— С Голубовки? — спросил я.

— Да. С «Голубовки-22», — ответил Омельченко. — Гвоздырек там работал. Фамилия его Гвоздырьков, но на Голубовке все его звали Гвоздырек. Он первый стал на цикл. Хороший был человек — немцы убили его...

И, помолчав некоторое время, он сказал:

— Чем цикл хорош? Он требует от людей железной дисциплины. Все должны работать вот так! — Омельченко сцепил пальцы темных, со следами угольной пыли рук.

Глубоко под землей проходит пласт шахты «Никанор». Он доходит до Голубовки, где погиб замечательный человек — Гвоздырьков. Он идет, этот пласт, дальше, до самого Ирмино, там работал Мирон Дюканов, отдавший жизнь за счастье своей Родины, своего Донбасса. Хорошее никогда не умирает, оно вновь рождается, идет от человека к человеку, живет в труде и борьбе.

Инициатор скоростного метода проходки Николай Лукичев и организатор цикличной работы инженер Омельченко — это люди одной творческой жилки. Их почин был подхвачен многими и многими шахтерами Донбасса.

Лукичев не застыл в своем росте, он продолжает совершенствовать метод скоростной проходки, показывая образцы высокопроизводительного труда. Искра соревнования, зажегшаяся на шахте десять-бис, разгорается все более сильным пламенем. И метод цикличной работы Омельченко на шахте «Никанор» уже дал свои хорошие результаты: шахта досрочно выполнила годовой план добычи угля 1946 года.

Линия огня

Трудной и прекрасной жизнью живет Донбасс. Каждый этап работы в Донецком бассейне имеет свои неповторимые черты. Того, что было вчера, вы сегодня уже не увидите...

Летом сорок третьего года, в дни, предшествовавшие наступлению Красной Армии на Донбасс, инженер Песчаный был вызван в генеральный штаб, где ему показали фотокарту, заснятую нашими авиационными разведчиками над немецкой линией обороны. Его попросили расшифровать и уточнить кое-какие данные аэрофотосъемки.

— Узнаете? — спросили инженера Песчаного, разложив перед ним фотокарту.

Он кивнул головой:

— Да, да, узнаю...

Он сразу узнал свой город, в котором он вырос, свой завод, который он строил и где работал долгие годы. Ведь это же Краматорск! Вот старый город, а через шоссе напротив завода, построен новый, социалистический город, охваченный зеленым массивом.

С бьющимся сердцем, блестящими глазами Песчаный всматривался в этот, до боли знакомый, кусок донбасской земли. Эти деревья, что окружают город, мы высаживали своими руками. Мы хотели, чтобы наш город был самым красивым в Донбассе. И он был таким, город тяжелой индустрии...

На секунду инженеру показалось, что он в проектной мастерской, а не в военном штабе и что перед ним эскиз ге-

нерального плана завода — настолько рельефно и четко выделялись на фотокарте знакомые контуры завода и города.

— Посмотрите, как он прекрасно распланирован! Все самое умное из современной техники было вложено в этот завод заводов, в это детище сталинских пятилеток.

Он узнал цехи завода — высокое здание термического, механические цехи, фасоннолитейные. И только одну полоску, протянувшуюся в центре фотокарты, он не сразу распознал. Песчаный силился вспомнить, что это, и вдруг вскрикнул:

— Да ведь это главная аллея завода! Как они, наверное, разрослись — тополи, акации, клены, посаженные в годы строительства завода...

Он искал по знакомым чертам, рисующим облик завода, по этим чертам, схваченным фотокамерой с огромной высоты в стремительном движении, какие-либо признаки жизни. Искал — и не находил. Чем-то безжизненным веяло от фотокарты: ни дымка, ни единого признака работы завода.

В начале сентября сорок третьего года был взят с боями город Краматорск, а несколько дней спустя в еще горящий город въехал на грузовике инженер Песчаный, директор Ново-Краматорского завода тяжелого машиностроения имени Сталина. И в Москве, когда он смотрел фотокарту, и позже в дороге, когда он ехал в освобожденный Донбасс, Песчаный не строил себе никаких иллюзий. И все-таки ему казалось — хотелось в это верить, что невозможно срыть, взорвать и поджечь такой огромный завод, раскинувшийся на двести двадцать гектаров.

Но завод был взорван, цех за цехом, и новый город был сожжен, дом за домом. Деревья в саду были вырублены, цветы затоптаны. Казалось, не только бетон, железо, вода, свет, но и цветы были врагами немцев, которые методически все подряд уничтожали. И если бы это было в их силах, они бы и донбасское небо, раскинувшееся над этим, когда-то живым и прекрасным заводом, взорвали, подожгли, уничтожили...

Каким-то чудом уцелела главная аллея завода. Высокие деревья были единственным признаком жизни среди страшных разрушений.

На обгоревшей стене сохранилась солидная вывеска, гласившая, что завод отошел в собственность немецкой фирмы Крупп. И фирменный знак сохранился: три железных круга. Это был символ власти стальных магнатов, породивших фа-

шизм и протянувших свои щупальцы из немецкого Рура в советский Донбасс.

Все это отошло в историю, близкую и живую, — крупповские железные круги, приказы, запугивающие русских рабочих, и даже железобетонный дот со щелью для кругового обстрела, выстроенный немцами на шоссе у въезда на завод. Он стоит, этот немецкий дот, и по сей день, напоминая о том, что было вчера, только вчера в нашем Донбассе.

Духом творчества пронизана жизнь Донбасса. Сама обстановка предъявляла высокие требования к человеку, диктовала новый, более смелый подход к решению проблем восстановления. Может быть, на Зугрэсе самым напряженным днем на первом этапе восстановления был день пуска первой турбины, когда главный инженер стальным стетоскопом прослушивал начало жизни машины. и его усталое от бессонных ночей лицо озарилось улыбкой радости, едва только он уловил ее ровное дыхание.

В Краматорске таким творческим испытанием сил была борьба за создание паро-гидравлического пресса-уникума, развивающего чудовищное давление в десять тысяч тонн. Он предназначен для свободной ковки тяжелых стотонных поковок. Он должен дать жизнь гидровалам для турбин Днепрогэса, поковкам блюмингов для заводов Донбасса, коренным валам подъемных машин для шахт, огромным поковкам для большого флота.

В дни отступления из Донбасса пресс вывозили с завода тремя эшелонами. Десятки вагонов, нагруженные тысячами тонн узлов и деталей уникального пресса, уходили на восток под бомбежкой немецких самолетов.

Три года спустя эшелоны с деталями и узлами пресса возвращались с востока в Донбасс.

В борьбе за восстановление пресса проверялась истинная техническая ценность советского инженера. Именно в это бурное время на одном из технических совещаний родился принцип, определявший общую атмосферу жизни на заводе: ориентация на умных и смелых. Это был ключ ко всей первоначальной поре восстановления. Ориентация на передовое и честное, на людей, обладающих чувством нового, умеющих итти наперекор трудностям!

Характер производства — индивидуальное тяжелое машиностроение — сказывался на характере мышления инженера и рабочего. В свое время, когда завод еще только вступал в строй действующих предприятий сталинских пятиле-

ток, Серго Орджоникидзе предложил прикреплять молодых инженеров к сложным уникальным станкам, чтобы они научились управлять сложной техникой. Эту школу жизни, школу управления мощными современными станками, прошли на заводе многие руководящие работники, прошел эту школу и конструктор Виктор Александрович Кузнецов, на чьи плечи возложена была задача — восстановить, смонтировать и пустить мощный пресс.

Свыше пяти тысяч деталей машины, почти вся техническая документация погибли в дни отступления. Сохранились только отдельные обгорелые куски кальки. Кузнецов искал по этим сохранившимся кускам чертежей ответа на мучившие его вопросы. По сопрягающимся деталям он восстанавливал общий облик мощного пресса. Это была кропотливая работа, требовавшая от конструктора, от всех работавших вместе с ним инженеров упорства, терпения и вдохновения.

Кузнецов обладал практичностью. Терпение и упорство жили в душе этого худого, сутулого инженера, с мягкими неторопливыми движениями, терпение и упорство, умножавшие силу вдохновения.

Воссоздавая машину, он корректировал, улучшал ее образ. Чем больше он вникал в существо работы, тем сильнее в нем разгоралось желание улучшить весь пресс. Наитруднейшей проблемой, которую он взялся решить, была проблема рабочего цилиндра машины.

Заказ на рабочий цилиндр, на этот сложнейший узел, был послан в Америку. Две фирмы, «Места» и «Беттлехен», брались за большие деньги изготовить цилиндр, но предложили длинный цикл изготовления — почти год. Это не могло нас устроить.

И вот конструктор Кузнецов, который не мог остановиться на полдороге в решении этой большой проблемы, нашел на заводе семидесятитонную стальную глыбу. Это была довоенная, всеми забытая поковка. Из этой глыбы он взялся сотворить рабочий цилиндр.

Когда Кузнецов в первый раз заговорил с Песчаным о своей идее, когда он подвел его к стальной глыбе и своим ровным, спокойным голосом сказал, что, кажется, нашел искомое, что решение проблемы представляется ему в таком-то и таком-то виде, и открыто изложил все трудности, стоящие на пути, инженер Песчаный, слушая его, невольно подумал, что человек с такой волей, с такой светлой мыслью не может не победить.

Нужно было рассчитать и преодолеть силу сопротивления материала. И не только это. Нужно было преодолеть и ту силу покоя, которая существовала кое у кого из руководителей цеха. Один из руководящих работников цеха всячески оттягивал решение этой задачи. Он открыто не выражал свое неверие в создание рабочего цилиндра, но его ослабленная воля к борьбе передавалась окружающим, парализуя и замедляя и без того трудное дело.

Песчаный вынес вопрос о методах обработки и сроках изготовления цилиндра на обсуждение технической конференции, сделав его достоянием всего коллектива. Как инженер-большевик, как директор завода он психологически уловил, что кроется за всем этим. Тут дело не только в технологии. И на совещании, которое проходило непосредственно в цехе, он обнажил ход мыслей инженера, не верившего в реальность изготовления цилиндра. Добившись определенного рубежа, инженер этот, вероятно, полагает, что достиг желаемого.

А жизнь идет вперед, требует смелого и нового.

Инженер, не желавший помочь Кузнецову, был неплохим работником, он мог в свое время по двое и по трое суток не выходить из цеха, когда этого требовала обстановка, но его, видимо, подавили размах и масштабы задуманного дела. Идея создания своими силами рабочего цилиндра в тяжелых условиях восстанавливающегося завода ломала устоявшееся, привычное. Ограниченный узкими цеховыми рамками, этот инженер из-за леса объективных причин, действительных и надуманных трудностей не увидел того главного, общегосударственного, что жило в проекте Кузнецова.

Конференция началась с вопроса о технологии обработки, об убыстрении темпов обработки. И это само по себе было важно. Но в ходе обсуждения узкие рамки вопроса были раздвинуты, и перед инженерами завода предстала общая, более глубокая проблема. Это был прямой и откровенный разговор по душам о широком и узком взгляде на жизнь, о творческом беспокойстве, о смелости, о риске и об умении итти на риск.

Ориентация на смелое и умное принесла свои плоды. Рабочий цилиндр был создан своими руками на заводе, нужда в американской технической помощи отпала. Это была победа, которую нельзя расценивать в рублях и долларах, — это была победа живой и страстной мысли, открывшей новые рубежи.

Мне довелось увидеть уникальный пресс в работе, когда на его стальном ложе ковался гидровал для турбины Днепрогэ-

са. Медленно поднялась железная завеса нагревательной печи, из огненного жерла выплыла раскаленная стальная поковка. Все притихло в огромном цехе, и вдруг послышалось мощное и грозное дыхание пресса-уникума, который, как бы «играючи», строго рассчитанными ударами ковал могучий стальной гидровал.

Я посмотрел на инженера Кузнецова. Какие новые мысли зреют в душе этого конструктора-большевика, чья страстная мысль двигает и направляет техническую политику завода? Он что-то произнес. Скорей по движению губ и улыбке радости, мелькнувшей на его лице, я почувствовал, что и он, много раз уже видевший работу пресса, захвачен и восхищен титанической силой, заложенной в этой умной могучей машине. Глядя на него, вспоминая историю борьбы за восстановление пресса, я понял: этот инженер ни на что не променяет свою беспокойную жизнь — жизнь на передовой линии, на линии огня.

Люди, подобные конструктору Кузнецову, не ищут в жизни легких, проторенных путей. Они в своих мечтах, в своей работе идут по линии наибольшего сопротивления. И это линия жизни: думать, искать, дерзать.

История борьбы за восстановление уникального пресса отражает общую линию борьбы за восстановление Ново-Краматорского завода. Восстанавливая свои огромные цехи, завод сразу же включился в общую борьбу за восстановление Донбасса. Спустя год после освобождения Донбасса от немцев Ново-Краматорский завод уже дал первые шахтные подъемные машины для Донбасса.

В канун Нового года в машинном зале Днепростроя я увидел продукцию Ново-Краматорского завода. Щиты, аванкамеры, гидростанции будут подняты с помощью подъемных механизмов, сделанных в Ново-Краматорске. И в этом обыденном факте нашей жизни, если глубже вдуматься, видна та сила творчества, которая помогала и помогает нашей стране восстанавливать Донбасс и которая в свою очередь идет от возрождающегося Донбасса на великие стройки нашей страны.

Точка опоры

I

Характер инженера Каминского?.. Я затрудняюсь ответить одним словом. Впрочем, если вы имеете в виду общий облик Каминского, ведущую черту его характера, то они лучше всего проявляются в строительных работах. Да вот возьмите хотя бы его работу на «Азовстали» — подъем четвертой доменной печи...

Петр Алексеевич Мамонтов, старый инженер-строитель, раскрыл свою записную книжку. Карандашом, короткими штрихами, он набросал эскиз разрушенной домны, — какой она была после немцев.

— Вот как она стояла, голубушка, — сказал Мамонтов, — бог знает на чем только она держалась...

И с живостью, столь неожиданной для его грузной фигуры, Петр Алексеевич повернулся к окну, откуда видна была мощная доменная печь, стоявшая прямо, как и ее сосед — третий номер.

— А вот она в натуре... Живая! — И после короткого молчания, как бы продолжая дорисовывать начатый портрет инженера Каминского, Мамонтов сказал: — Тут, знаете, виден характер современного строителя. Это и дорого в Алексее Самойловиче — скромность и отвага.

Позже, когда я более подробно ознакомился с историей подъема и передвижки четвертой доменной печи, разрушенной немцами, — увидел фотографии, эскизы, узнал людей,

принимавших участие в этой технической битве, я лучше понял, что́ имел в виду старый инженер, когда говорил об отваге души.

В октябре сорок третьего года началось великое переселение строителей с Урала в Донбасс. На юг двинулись эшелоны бетонщиков, арматурщиков, такелажников, верхолазов, газорезчиков, техников, инженеров. Эшелоны шли из Чусовой, из Каменск-Уральска, из Сухого Лога, — это возвращался в Донбасс трест «Азовстальстрой», который в годы войны именовался ОСМЧ — Особая строительная монтажная часть. Строители везли с собой проекты, по которым они в годы войны создавали доменные печи, прокатные цехи, мартеновские печи. Они возвращались в Донбасс, везя в теплушках и на платформах лесорамы, бетономешалки, станки для обработки блоков, механические мастерские, деревообделочный завод, такелаж, сварочные аппараты и краны. Они возвращались в Донбасс, имея за плечами опыт военных строек.

В Донбассе инженерам-строителям пришлось столкнуться с целым рядом технических проблем, решение которых нигде, ни в каких учебниках не было и не могло быть записано. Это были проблемы, вызванные самим характером разрушений. В борьбе с этими разрушениями наши инженеры, техники и рабочие открыли в строительной технике новый раздел — науку восстановления.

Еще шли по железнодорожным магистралям грузы в адрес «Азовстали», когда на завод прилетел заместитель главного инженера ОСМЧ Петр Алексеевич Мамонтов. Старый опытный строитель-практик, он принадлежал к тому поколению инженеров, которое прошло великую школу жизни — строительную страду пятилеток. Мамонтов строил доменные печи и мартены на горе Магнитной, строил мосты, прокатные цехи, прокладывал железные дороги. На своем веку он смонтировал столько конструкций, с таким огромным количеством железа имел дело, что в строительном мире его прозвали «железным прорабом». В своих записных книжках — это были своеобразные мемуары Петра Алексеевича — он вел и по сей день ведет летопись строек, в которых принимает участие. Эскизы и короткие, точные записи отображают объем строительных работ, их характер и проекты решений. Но если бы у него и не было этих записных книжек, все равно инженер Мамонтов и так все помнит, являя собою живую строительную энциклопедию.

Цифры и чертежи никогда не заслоняли от него живую

жизнь. В этом старом инженере живет душа романтика-строителя. Вот он сидит передо мною и, чуть отодвинув от себя старую записную книжку, вглядывается поверх очков в эскиз давным-давно построенной комсомольской домны на Магнитке. Он вспоминает все — штурмовые ночи тех лет и то особенное волнение, которое охватывало огромную массу строителей, когда товарищ Сталин звонил из Москвы на Магнитку.

Собственная жизнь представлялась инженеру Мамонтову огромной строительной площадкой. Размеры этой площадки были грандиозными — от горы Магнитной до берегов Азовского моря.

Когда-то, перед самой войной, Мамонтов размечтался о том, как он на старости лет поедет посмотреть родную страну. Это будет прекрасное путешествие! Он возьмет жену, воспитанников-племянников и, не спеша, со вкусом объедет свои стройки. Начнет он со старого Юзовского завода — там он много-много лет тому назад строил мартеновские печи. Потом он посетит Керчь — там он строил наклонный мост к доменной печи. Из Керчи он поедет в Запорожье, затем в Ульяновск — через Волгу переброшен мост, конструкции которого он собирал; из Ульяновска — на Урал, там через реку Илек он строил когда-то мост. И завершит свое путешествие Магниткой — он помнит детство этой великой стройки. А оттуда, с Магнитки, он вернется к себе на «Азовсталь». Какое это счастье — увидеть мартены, домны, мосты, паровые котлы, увидеть поднятые тобой металлоконструкции, в каждой из которых как бы живет частица твоей души!..

Но эти мечты инженера, как и планы миллионов людей, были нарушены войной.

Мамонтов, вернувшись на родной завод, увидел мрачный железный хаос, оставленный немцами. Красавицы-печи, мартеновские и доменные, эти великолепные создания техники, лежали на берегу моря, разбитые и взорванные.

Мамонтов приехал на завод во главе комиссии, чтобы определить размер разрушений и наметить направление восстановительных работ. Воздух на заводе был пропитан запахом гари, шедшим от искореженного, скрюченного железа. Сколько труда, сколько светлой человеческой мысли было вложено в эти мощные печи!.. И старый инженер содрогнулся от боли и горести.

Третья доменная печь была сильно изуродована. Но четвертая печь выглядела особенно страшно. Немцы заложили авиационные бомбы под опорные колонны, заложили бомбы

в самый горн печи. И от взрыва ее качнуло, она вздрогнула до основания, осела на полметра и сдвинулась с проектной оси на полтора метра.

Вид ее был ужасен. Эта печь не была для Мамонтова чужой. Он помнил ее лучшие времена, когда четвертая, объемом в тысячу триста кубометров, жила, работала, действовала и небо над ней озарялось розовыми зарницами. Что-то жалкое и беспомощное было во всем ее искалеченном облике. Та же рука фашиста, которая спокойно и хладнокровно убивала и сбрасывала в могилы за городом тысячи и тысячи людей, молодых, старых и совсем юных, та же рука с дьявольской методичностью закладывала взрывчатку под эти мощные, прекрасные печи, взрывая и уничтожая творческие богатства народа. И тут при виде четвертой печи инженер Мамонтов не выдержал: его лицо задрожало, и он глухо с силой выговорил: «Варвары!» Члены комиссии молча прошли дальше, оставив старого человека одного.

Как председатель комиссии, как человек, который строил завод, инженер Мамонтов глубже других видел размеры бедствия. Но вместе с тем в нем же созревало могучее чувство борьбы — хотелось отвоевать, вырвать из лап смерти родной завод. Он повел войну с последствиями той разрушительной работы, которую немцы совершили на нашей земле.

В основу первоначального наброска плана строительных работ был положен принцип восстановительной хирургии и терапии. Нужно было, как говорил Мамонтов, индивидуализировать каждый отдельный объект разрушения. Что касается четвертой печи, то первый диагноз в отношении ее был короткий и мрачный: вряд ли есть смысл пробовать возвращать ее к жизни. Нужно разобрать этот железный хаос, демонтировать печь и строить заново. И те, кто так говорил или думал, были как будто по-своему правы. Безнадежной казалась мысль о том, что эту мертвую, поникшую массу железа можно восстановить. Да, оставалось как будто одно: разобрать и строить заново. Но, как это ни покажется на первый взгляд странным, это был трудный и дорогостоящий путь, отнимающий массу времени на демонтаж и очистку площадки.

И решили печь не демонтировать, а поднять и передвинуть, сберегая этим самым время и железные конструкции.

Вот тогда-то из Москвы был вызван молодой инженер «Стальконструкции» Алексей Самойлович Каминский, познакомившийся с Мамонтовым на Чусовой, где они скоростным методом строили домну. Каминский, по мнению Петра

Алексеевича, вносил в работу ту истинную творческую страсть, которая заставляет человека думать, искать, дерзать. Мамонтов ценил в своем друге-инженере его творческое бескорыстие. Этот скромный инженер «Стальконструкции» никогда не выпячивал — ни в разговоре, ни в отношениях с людьми — свое «я». Его творческое лицо можно было обнаружить в его проектах. Строя, он, по словам Мамонтова, творил, — и в этом, повидимому, была вся его жизнь.

II

Инженер-проектировщик Алексей Самойлович Каминский впервые узнал о взорванной немцами четвертой доменной печи осенью сорок третьего года. Кто-то из инженеров «Стальконструкции» приехал в Тагил из Донбасса и показал Каминскому фотографию разрушенной печи.

Каминский работал над проектом монтажа третьей доменной печи в Тагиле. До этого он собирал доменную печь вторую-бис на Чусовой. На Чусовую Каминский был послан весной сорок второго года, в один из грозных периодов войны.

Весна сорок второго была бурная. Каминский продрог, осматривая «поле боя» — строительную площадку. Чусовая была в эти дни переполнена приезжими строителями, монтажниками, металлургами. Каминского поселили в наскоро приспособленном под жилье помещении. В комнате, в которой он жил, потолок был разрушен, и сквозь дыры в крыше можно было видеть весенние звезды.

В бараке для инженеров-проектировщиков ему отвели рабочее место — врытый в землю стол. Он обошел со всех сторон стол, потрогал его. Стол оказался устойчивым, и он выложил свое «хозяйство»: рулон ватмана, листы синьки, логарифмическую линейку, циркуль, карандаши и потрепанную книжку, в которой были изложены технические условия проектирования металлоконструкций.

Вторая-бис считалась «приказной» стройкой. Это значит, что решение о быстрейшем вводе доменной печи было вынесено высшими правительственными инстанциями. Сроки строительства были жесткие. Каминский ознакомился с уже существовавшим проектом монтажа металлоконструкций, изучил резюме к этому проекту и пришел к выводу, что при той последовательности работ, которая была принята проектом, уложиться в данные правительством сроки невозможно.

Юг страны был отрезан немцами. Доменные печи, работавшие на востоке с предельной нагрузкой, не в силах были дать необходимое для страны количество металла. Сама обстановка заставляла инженеров-строителей проявлять творческую мысль: бои шли в самом сердце нашей страны, фронт требовал металла, металла, металла — металла для танков, самоходных орудий, самолетов. Оперативные сводки стояли перед глазами инженеров-проектировщиков, грозный отблеск тяжких оборонительных боев, которые вела Красная Армия с германской военной машиной, ложился на белый плотный лист ватмана.

Каминский должен был найти такое решение, которое дало бы возможность смонтировать металлоконструкции в наиболее короткие сроки. Но какие для этого были возможности? Ведь еще только велись земляные работы, к тому же строители столкнулись с сильным водоотливом почвы, и это усложняло работы; предстояло вывести фундамент, и для этого тоже требовалось время. Время нужно было и для того, чтобы дать бетону затвердеть, время нужно было для того, чтобы после всех этих строительных работ установить монтажный механизм для сборки конструкций, и только после этого начать монтажные операции.

Он не имел опыта монтажа доменных печей; до этого он строил и монтировал металлоконструкции мостов. С доменными печами он столкнулся впервые на Чусовой. С одной стороны, — это было его слабое место — отсутствие опыта работы с доменными печами, но в то же время это было и его сильной стороной. Как инженер, строивший мосты, он был свободен от многого, что довлело над инженерами-доменщиками, которые привыкли работать по типовому проекту. Но кто сказал, что мы всегда, в любой обстановке, должны поклоняться этому типовому проекту монтажа металлоконструкций доменной печи... Каминский решительно отверг типовой проект. В нем зародилась мысль — вести работы параллельным курсом: пока возводится фундамент, пока ведутся земляные работы, монтажники собирают в стороне металлоконструкции. И как только фундамент будет возведен, монтажники подведут металлоконструкции к печи, накатают и надвинут их на фундамент. Этим самым сбережется время.

Когда он в первый раз высказал эту мысль инженеру, который имел прямое отношение к принятому типовому проекту монтажа, тот вздохнул и коротко спросил:

— А вы доменные печи давно собираете?

Каминский признался: впервые в своей жизни. После этого его окинули презрительным взглядом, который как бы говорил: «Чего же ты, мостовик, суешься в доменное дело...» По словам Каминского, он основательно поспорил с инженером — автором типового проекта. Горячился автор проекта. Что же касается Каминского, то он очень спокойно и даже ласково объяснял ему все преимущества нового варианта сборки металлоконструкций.

Проект монтажа металлоконструкций, предложенный инженером Каминским, основывался на принципе совмещения работ. Изучив размеры и вес собираемых элементов конструкций, их взаимное сопряжение, он создал совершенно отличный от старого проекта монтажа.

Вариант сборки металлоконструкций параллельно со строительными работами был в глазах инженера Каминского не только произведением технической мысли,— это был глубоко продуманный вариант боя за быстрейший ввод доменной печи в строй.

Каминский решил показать свой проект главному инженеру Лукашкину. Его попробовали отговорить: Лукашкин болен. Но он все-таки пошел. И Лукашкин его принял.

Каминский извинился за причиненное беспокойство, за то, что ворвался к больному человеку. Он развернул перед главным инженером лист ватмана. Вот схема решения! Мы собираем горн вместе с моратором, вместе с холодильником на шлаковых тележках в стороне от доменной печи, затем по мере готовности фундамента мы подкатываем собранные металлоконструкции к печи и на деревянных шпалах надвигаем их на фундамент.

Главный инженер Лукашкин был действительно болен. Но когда Каминский развернул перед ним схему решения, когда он стал излагать ему свою идею, Лукашкин забыл о болезни. Захваченный новой идеей монтажа металлоконструкций, он в тот же вечер собрал техническое совещание строителей и монтажников. На этом совещании Каминский снова изложил свое решение монтажа металлоконструкций и получил полную поддержку. Его вариант, ставший проектом, был принят, и бой за Чусовскую домну был выигран: ее построили и смонтировали в сжатые сроки.

Инженер Каминский вскоре уехал в Тагил. Он не стал дожидаться, когда доменная печь даст первый чугун, он сделал свое дело. Сложив в чемодан свое хозяйство — ватман

с эскизным проектом монтажа второй-бис, логарифмическую линейку, циркуль, карандаши, он поехал в Тагил.

На строительной площадке в Тагиле ему предстояло создать проект монтажа металлоконструкций третьей доменной печи объемом 950 кубометров. Эта печь была ему знакома. Он видел ее в работе, он участвовал в ее демонтаже с Косой горы, в те дни, когда немцы прорывались к Москве. Конструкции этой печи маркировались в последовательности их установки и взаимного сопряжения, лист к листу, болт к болту. На железных листах белилами наносилось положение конструкций по отношению к главной оси доменной печи. Когда он увидел в Тагиле знакомые конструкции доменной печи, он обрадовался, точно друга нашел. И эту третью доменную печь нужно было ввести в строй в короткие сроки, памятуя, что фронту нужен металл.

Работы в Тагиле близились к успешному концу, когда Каминскому показали фотографию четвертой доменной печи, взорванной немцами в Мариуполе на «Азовстали». Он еще не знал, что именно ему придется создать проект восстановления этой печи, но, глядя на фотографию, он поражался дикой злобствующей силе, с какой немцы искалечили домну.

Его вызвали в Москву, а оттуда послали в Донбасс. Судьба снова столкнула двух инженеров — Мамонтова и Каминского — на берегу Азовского моря.

Инженер Каминский появился на строительной площадке «Азовстали» в своем видавшем виды пальтеце, с тощим чемоданом — доктор строительной хирургии и терапии. Он увидел четвертую, пораженную взрывом печь еще издали. Она отчетливо выделялась на фоне светлого, голубого неба. Каминский аккуратно протер стекла очков и, откинув свою черную голову, долго и внимательно смотрел на беспомощно повисшую печь. Издали казалось — чуть тронь ее, и вся эта громада мгновенно развалится. Что удержало ее от окончательного падения, на чем она стояла, за что цеплялась, какие гарантии есть в том, что при первом же движении печь не потеряет свою чудом найденную устойчивость?.. Сама печь как бы нашла в себе силы и цеплялась за жизнь.

К печи трудно было подступиться: ее окружали завалы бесформенного железа. Он стал пробираться по этим железным глыбам внутрь печи. Он осмотрел разрушенную кладку домны, потом выполз наружу и по искореженному лифту поднялся на вершину наклонного моста. Теперь он долго смотрел на нее сверху, со стороны наклонного моста.

Что же держит печь? Он спустился вниз, пробрался на другую сторону и по железной лестнице пылеуловителя полез вверх. Тут он тоже долго стоял и, не отрываясь, смотрел на печь.

Усталый, но возбужденный, он спустился вниз к подножью домны. Он был весь выпачкан в железной ржавой пыли. Очки сползли у него на кончик носа. Когда Мамонтов увидел его, было уже далеко за полдень. Каминский стряхивал с себя ржавую пыль. Мамонтов улыбнулся. Каминский спросил Мамонтова:

— Как вы думаете, Петр Алексеевич, что ее держит?

Мамонтов засмеялся:

— Как вы думаете, Алексей Самойлович, что ее держит?

Этого никто не знал. А знать хотелось... В принципе Каминский был согласен с Мамонтовым и Крупенниковым, главным инженером мариупольского филиала «Стальконструкции»: печь нужно поднять и поставить на место. Вес этой огромной массы его не пугал: наши инженеры научились справляться с любыми по весу железными конструкциями. Но как подойти к решению проблемы?

Вечером он вернулся в город, где ему отвели комнату в доме № 54 по улице Ленина. Хозяйка квартиры была пожилая женщина Дарья Васильевна. Она рассказала ему грустную историю своей жизни: муж убит на войне, дети разбросаны по белу свету, а она только на днях вернулась из эвакуации. Она спросила его, что он собирается делать в Мариуполе. Каминский подумал и сказал: «Поднять кусок жизни». Она не поняла, что он имеет в виду. Тогда он рассказал о взорванной немцами четвертой доменной печи.

Он попросил разрешения у Дарьи Васильевны поработать на кухне — там было теплее, чем в его комнате. Дарья Васильевна разрешила. Она вытерла стол, и, сидя за кухонным столом, Каминский начал работать, хотя устал, лазая по печи. Он набросал на оборотном листе синьки четвертую доменную печь — такой, какой он ее сегодня видел. Глядя на рисунок, он словно хотел понять и уловить, куда она упадет, если убрать окружающие ее металлоконструкции...

На другое утро он снова пошел смотреть печь и снова облазил ее со всех сторон. И не было дня, в течение всего периода работы над проектом, когда бы он не побывал на четвертой доменной печи.

Ему отвели в проектном отделе рабочий стол. Стол этот стоял рядом со столом инженера-проектировщика Галкина.

Галкин работал над проектом восстановления заводской электростанции и над проектом восстановления металлоконструкций мартеновского цеха.

Каминский рисовал печь во всех ее проекциях, изучая характер смещения и геодезию разрушенной домны. Сплошными линиями он наносил на бумагу проектное положение печи и пунктиром — ее положение после разрушения. Что же удержало печь от окончательного падения? Этот и сотни других вопросов возникали при решении проблемы восстановления четвертой доменной печи. Работа над проектом начиналась со сложных расчетов по определению центра тяжести нависшей массы, с поисков идеальных точек опоры, нужных для подъема печи. Центр тяжести домны находился на высоте двадцати девяти метров — это усложняло работы по подъему.

Проблема выбора точек опоры была одной из решающих. Сколько нужно точек опоры, чтобы поднять груз весом в две с лишним тысячи тонн?

Свои поиски идеального решения Каминский начинал с простейшего. Вот стол. Стол на четырех ножках. Троньте его, и он закачается. Почти каждый стол качается. Четыре точки опоры для подъема доменной печи вряд ли подойдут. А если пять точек? А если шесть точек? А если три точки? Он разбирал каждый вариант, добиваясь такого положения, чтобы все точки работали равномерно, чтобы была гарантия устойчивости.

Решить такую задачу с ходу, с маху, конечно, нельзя было. Нужны были долгие, долгие размышления, поиски и расчеты, расчеты, расчеты. И нужно было в самом себе найти творческую точку опоры, силу уверенности в том, что решение в конце концов будет найдено. Он уходил из дому на рассвете, а возвращался поздно ночью.

Он не мог работать в полсердца — он целиком отдавался работе. Мучила его малярия. Он пробовал перебороть приступы малярии, работать. Иногда это ему удавалось, а большею частью малярия сшибала его с ног. Однажды он вышел из дому, уже чувствуя начало приступа. Он надеялся: может быть, в дороге, пока он дойдет до завода, — а итти нужно было пять километров, — признаки болезни рассосутся, малярия от него отвяжется. Он шел и чувствовал, как сердце сжимается, как в глазах темнеет, он качался, словно пьяный. Потом вдруг упал наземь. Он слышал над собою чьи-то голоса. Случайно проходившая женщина, соседка по квартире, узнала его: «Да ведь это наш инженер из дома № 54». Она побежала за

Дарьей Васильевной. Вдвоем они помогли Каминскому подняться и отвели его домой. Он успокоился только тогда, когда Дарья Васильевна показала ему лист чертежа, который он боялся потерять.

Иногда его охватывало чувство бессилия. Ведь вот, кажется, все идет хорошо, решение чуть ли не в руках, еще один шаг, еще одно движение мысли — и все, наконец, станет на свое место. Но сделать этот шаг, казалось, невозможно, мысль словно упиралась в глухую стену. Он бросал карандаш и резким движением вставал из-за стола. Галкин, работавший за соседним столом, поднимал голову и спрашивал Каминского:

— Что, брат, фосфору маловато?

— Маловато, — соглашался Каминский и, поправляя сползавшие очки, покидал проектный зал. Ему было все равно куда итти — хотелось на минуту отвлечься от этой доменной печи, которая засела в голове. Но чаще всего он шел именно на эту четвертую доменную печь. Один лишь вид печи хорошо действовал на него. Он брал с собою на прогулку такелажника Петра Петровича Шкатова, на чьи плечи ложилась операция по подъему домны. Все свои сомнения он обычно разрешал в разговорах со Шкатовым. Он забрасывал Шкатова десятками вопросов: а что, если мы вот так сделаем, вот так расположим домкраты, вот так установим точки опоры...

Каминский умел слушать советы. Он умел проверять свои мысли на других, он умел обогащать будущий проект мыслями инженеров Мамонтова и Крупенникова. Проект не мог быть уделом творчества только одного человека.

III

По утрам в проектный отдел приходил Петр Алексеевич Мамонтов. На правах генерального подрядчика он обходил чертежные столы, за которыми работали проектанты. Мамонтов шел от стола к столу, беседовал с инженерами и, обойдя всех, подходил к столу инженера Каминского.

Проект подъема четвертой доменной печи, над которым работал Каминский, был любимым детищем Петра Алексеевича. Каминский шопотом рассказывал Мамонтову о своих сомнениях, страхах, надеждах. Вот во что он уперся, вот что стоит на его пути, вот что он должен решить. Взяв карандаш, Мамонтов изучал эскизные наброски Каминского, иногда он

рисовал на листке свою мысль. Он не торопил Каминского. Мамонтов прекрасно понимал: нельзя стоять над душой проектировщика, надо дать ему возможность думать, искать, вынашивать идею проекта.

После долгих и сложных расчетов Каминский утвердился в мысли, что конструктивное решение задачи нужно искать в трех точках опоры. Этим будет достигнуто наилучшее равновесие тысячетонной массы металлоконструкций. Нужно было облечь эту мысль в железную логику расчетов. Чем выше степень риска, тем более глубокими и точными должны быть технические расчеты. В проекте не было главных и второстепенных задач. Все было важно: малейший просчет мог повлечь за собою общее поражение проекта. Излишний оптимизм был опасен. Нужно было проявить осторожность, но отнюдь не скептицизм, точность расчетов, но не робость мысли.

Когда Каминский уставал, он прибегал к верному средству: ехал за город на огороды. Инженеры-проектировщики, как и все работники «Азовстали», имели свои индивидуальные огороды. И у Каминского было двадцать сотых гектара. Работая на своем участке, Каминский отдыхал душою и мыслями.

Участок инженера Каминского находился рядом с участком инженера Галкина — они и здесь были соседями. Каминский посадил горох, картофель, фасоль, подсолнух. Он работал до глубокой ночи на огороде и чем больше уставал, тем лучше себя чувствовал. Это была приятная усталость — вдыхая запах напоенной солнцем земли, он на какое-то время забывал о доменной печи.

В работе над проектом он шел от одного этапа к другому — сначала печь нужно будет развернуть, потом передвинуть на проектную ось, потом поднять и поставить на место. Методом приближения он искал наилучшее решение проблемы. И, наконец, решил, что из всех возможных вариантов вариант с тремя точками опоры наиболее верный. Он стал разрабатывать схему решения. Вычертил три точки опоры, расположение домкратов, всю домну. Мамонтов и Крупенников целиком были согласны с этим вариантом решения.

На партийно-технической конференции, проходившей в Сталино и посвященной проблемам борьбы за быстрейшее восстановление Донбасса, Каминский продемонстрировал проект подъема четвертой доменной печи. Сидя за своим рабочим столом в проектном отделе, он видел только свой маленький фронт работ, свою доменную печь. Он видел еще

своего соседа — Галкина, работавшего над проектом подъема металлоконструкций мартеновского цеха. На конференции он впервые увидел грандиозность предстоящих всему Донбассу работ.

Инженеры съезжались в Сталино с проектами восстановления и реконструкции доменных печей, мартенов, прокатных станов, блюмингов, механических цехов. Все будущее Донбасса было в проектах инженеров. Творческие дискуссии, возникавшие на самой конференции, иногда продолжались в вагонах, в которых жили делегаты. Город был разрушен, весь Донбасс, как и вся страна, жил войной, и в это же время среди развалин велись страстные споры о том, как убыстрить темп восстановительных работ.

Инженеры, которые на востоке в первые годы войны строили доменные печи, мартены, теперь взялись восстановить Донбасс. Еще лежали в развалинах взорванные немцами заводы Донбасса, но мысль советских инженеров, страстная творческая мысль, была устремлена в будущее, создавала проекты, по которым заводы Донбасса будут подняты из руин.

Каминский вернулся с конференции бодрый, с хорошей творческой зарядкой.

На «Азовсталь» приехала группа инженеров «Стальконструкции». Они пошли осматривать четвертую доменную печь. Потом, на совещании, один из инженеров, к голосу которого в «Стальконструкции» прислушивались, предложил свой вариант подъема доменной печи.

Каминского почему-то не пригласили на это совещание. Только на другой день он узнал, что, сев за чертежный стол, приезжий инженер набросал на листке свою схему решения подъема доменной печи на четырех точках опоры. Прощаясь, этот инженер сказал: «Быть по сему».

Каминский пришел в проектный отдел, и ему показали новую схему решения и директиву — разработать и создать проект по этой схеме. Медленно разматывая шарф, Каминский молча всматривался в схему, набросанную на белом листке ватмана. Он ничего не сказал. Разрабатывать, так разрабатывать! Только надо посмотреть, на основе чего разрабатывать.

Давно уже ушли проектировщики, давно уже день перешел в сумерки, сумерки в ночь, а он все еще сидел за своим рабочим столом. Мысль, что его обошли, что с ним не посчитались, постепенно исчезла. Суть ведь не в том, что его не

позвали, что его ни о чем не спросили, что с ним не посоветовались. Суть в том, чтобы успешно решить проблему подъема четвертой доменной печи, и тут неважно, кто решит эту проблему — Каминский, Крупенников, Мамонтов или товарищ, приехавший из Москвы и в течение дня создавший новую схему решения. Важно одно: чтобы решение было правильно.

Он с жадным интересом стал изучать новый вариант. Он хотел понять, какими соображениями руководствовался автор решения, предлагая вариант с четырьмя точками опоры. Вероятно, он полагал, что четыре точки опоры создадут более устойчивую базу при подъеме. Для этого он охватывал доменную печь балками с четырех сторон.

Каминский стал мысленно итти от этапа к этапу. Вот печь разворачивают — четыре точки опоры, может быть, дадут возможность выполнить эту операцию. Но вот наступает второй этап — передвижка печи на проектную ось. Как только Каминский подошел к этому этапу работы, он понял, что четыре точки опоры, четыре балки, охватывавшие печь со всех сторон, не дадут возможности подвести колонны под моратор. Они закроют все подступы к печи. Он даже вскрикнул и оглянулся вокруг. Но никого в проектном зале не было. Он был один и снова принялся за расчеты, снова и снова убеждаясь в том, что то решение, которое ему предлагали разрабатывать, не имело под собой здоровой почвы. Смешно думать, что можно с ходу решить большую проблему — «пришел, увидел, победил». Для того, чтобы только подойти к решению, нужно много и много поработать...

Когда на другой день Петр Алексеевич Мамонтов, обойдя все столы проектировщиков, подошел к Каминскому, он удивился выражению лица Алексея Самойловича. Каминский весь светился задором. Мамонтов уже знал о том проекте решения, которое оставил инженер из Москвы, и полагал, что найдет Каминского в тяжелом и мрачном настроении. Но Каминский был очень бодро настроен. Он показал схему решения с четырьмя точками опоры: «Вот, полюбуйтесь!» Он ничего не сказал Мамонтову, ожидая, как тот оценит это решение и найдет ли он, в чем ошибка этого решения.

Мамонтов долго изучал схему. И нашел ошибку. Он усмехнулся. Четыре точки опоры, перехваченные четырьмя балками, закроют все подступы к доменной печи. Можно тысячу раз сказать «быть по сему», но это еще не значит, что так и будет.

Главный инженер филиала «Стальконструкции» на «Азов-

стали» Сергей Сергеевич Крупенников стал на сторону Каминского и Мамонтова. Он позвонил в Москву в трест и объяснил причины, по которым Каминский отверг предложенную ему схему решения.

Каминский получил письмо от жены — она работала в тресте «Стальконструкция». Она сообщала ему домашние новости, потом писала, что в тресте упорно поговаривают о том, что проект Каминского не принят, и просила его не огорчаться, не принимать близко к сердцу все это — пусть он бережет себя, пусть он помнит, что неважно, кто автор проекта, а важен хороший результат работы.

Он тоже так считал — важен результат. И написал ей об этом в своем письме. Да, важен результат. А что победа будет на его стороне, что поднимать печь будут по его проекту, в этом он глубоко убежден. Обычно он редко вдавался в подробности. Но на этот раз, может быть, задетый за живое, он написал ей более подробное письмо, в котором объяснил положение дел. Он даже нарисовал ей свою схему решения. Он писал: каждый, кто пожелает вдумчиво подойти к этому решению, наверняка увидит зерно победы.

Из Москвы приехал крупный специалист — инженер Павел Павлович Велихов. Это был требовательный и взыскательный инженер, к голосу которого все инженеры «Стальконструкции» с уважением прислушивались.

Каминский встретил Велихова и повел его смотреть четвертую доменную печь. Велихов много раз побывал у печи и только потом стал изучать проект, который ему предложил Алексей Самойлович Каминский. Три дня и три ночи он работал над проектом, вносил в него коррективы, а на четвертые сутки, улыбаясь, сказал Каминскому: «Быть по сему».

Проект был принят, утвержден, и Каминский с приехавшими из Москвы инженерами начал изготовление рабочих чертежей.

Вся операция по «оживлению» доменной печи была разбита на пять этапов. Для создания устойчивости печь укрепили, охватили ее железный корпус временными колоннами. Стальные ванты были протянуты от вершины печи до основания. Общий вес железной массы достигал 2 600 тонн. Печь стали освобождать от мертвого, деформированного материала. Решено было взорвать и обрушить внутреннюю кладку печи. Каминский поднялся с подрывником на верхнюю площадку домны. Он не знал, сколько нужно заложить взрывчатки, что-

бы при взрыве печь не покачнулась и не рухнула. И сапер этого не знал. Никто не знал, сколько нужно взрывчатки, чтобы печь устояла. Для начала заложили сто граммов. В момент взрыва инженер и сапер прижались между амбразурами холодильника. Сто граммов были малой дозой. Постепенно количество взрывчатки было доведено до килограмма. Первыми взрывами прорубались вертикальные полосы в огнеупорной кладке печи, и последующими взрывами эти полосы обрушивались.

В основание печи под мораторное кольцо были подведены металлические консоли, опиравшиеся на металлические тумбы. Это были точки опоры. На выступах тумб были установлены батареи гидравлических домкратов (каждый домкрат грузоподъемностью 200 тонн).

И вот настал день битвы, день борьбы за печь. Каминский договорился с метеостанцией о том, что ему каждый день будут давать сводки погоды. С вечера ему позвонили с метеостанции и сказали, что завтра будет дождь и ветер силою в 5 баллов. Решено было начать работу. Утром Каминский записал в журнал технической битвы, который он начал вести, что погода облачная, ветер 5 баллов.

Каждая точка опоры имела своего хозяина — прораба. Командовал подъемом старший прораб Петр Шкатов, потомственный русский такелажник-верхолаз. Он занимал центральный пост. Шкатов коротко бросил:

— Первый консоль, вира!

И тотчас один из прорабов включил первую батарею домкратов. Батареи домкратов, находившиеся на точках опоры, работали синхронно. Медленно текли секунды.

Инженер Каминский стоял в сторонке. Он был без шапки, в рабочей спецовке. Запрокинув обнаженную голову, он, казалось, смотрел поверх печи на краешек неба, на дымчатое облако, будто прилепившееся у самого края железной колосниковой площадки. Он, казалось, ждал «чуда»: вот печь, очертив кривую в голубом небе, примет вертикальное положение. Но ждать нужно было долго: разворот протекал медленно, миллиметр за миллиметром.

Манометры отмечали работу гидравлических домкратов. Важно было, чтобы точки опоры работали равномерно, чтобы не было перекоса, чтобы не было излишней нагрузки у какого-нибудь домкрата. Когда Каминский увидел, что батареи второй точки опоры работают с меньшей нагрузкой, он почувствовал, как учащенно забилось его сердце, и приказал не-

медленно остановить работы. Нужно было проявить величайшую осторожность. Ведь никто не мог сказать, что будет с печью, с этой тысячетонной массой в первоначальный момент разворота: сохранит ли она устойчивость при движении?..

Батареи домкратов были снова проверены и пущены в ход. 39 минут спустя, когда геодезист, следивший за ходом выравнивания печи, определил, что подъем начался, Шкатов отдал команду: включить в действие батарею второй точки опоры. Третья точка опоры оставалась неподвижной, она как бы служила точкой поворота, и ее временами чуть опускали или, как говорил Шкатов, «майнали».

В этот день печь была развернута на 170 миллиметров. Это была первая победа. И день за днем ее поворачивали миллиметр за миллиметром.

Наступил новый этап — передвижка печи на ее проектную ось. Геодезист опустил с центра верхнего опорного кольца печи отвес и стал следить за правильностью движения.

Шкатов отдал команду: отключить вертикальные домкраты, включить горизонтальные.

Техническая битва вступила в свою решающую фазу. Работала третья точка опоры, две точки опоры как бы принимали на себя весь груз, не давали доменной печи уйти в сторону. Момент сдвигания печи был самым сложным. Нужно было плавно оторвать печь. Железная шапка печи, весом в 600 тонн, могла в любое мгновенье перетянуть и рухнуть. Печь должна была совершить свой первый бросок, пусть в несколько миллиметров, но плавно. В эти критические секунды борьбы Каминский почти физически представлял себе огромное напряжение, нараставшее во всей этой массе металла. Он был в эти минуты живой четвертой точкой опоры, как бы испытывавшей на своих плечах страшную нагрузку многотонной железной массы. И когда на девятой минуте печь совершила своеобразный прыжок, который геодезист отметил в 20 миллиметров пути, все находившиеся на площадке облегченно перевели дыхание.

Наступила разрядка. Печь устояла, печь пошла плавно. Спадало огромное напряжение, которое испытывали все участники этой великой технической битвы, решавшей судьбу мощной печи. Инженер Крупенников тихонько засмеялся и тряхнул головой.

— Алексей Самойлович, — сказал он и усмехнулся мелькнувшей в его голове мысли. — Подумайте! Вся работа была проведена... на самой обыкновенной воде!..

И точно не было ни бессонных ночей, ни страха за судьбу печи, ни огромной подготовительной работы, а были только гидравлические домкраты, насосы которых приводились в движение водой.

До Каминского не сразу дошла эта шутка Крупенникова.

— Да, да, вода! — сказал он быстро. И вдруг почувствовал страшную жажду — пересохло в горле, хотелось пить.

Наступил новый этап в борьбе за печь. Горизонтальные домкраты были отключены, и по команде Шкатова включили вертикальные домкраты. Начали поднимать печь на три метра. И снова, как на первых этапах, борьба пошла за миллиметры.

А когда все работы по подъему доменной печи были успешно завершены, Каминский уехал. Собрал свои вещи, простился с товарищами, с Азовским морем и, не дождавшись банкета в честь успешно поднятой печи, покинул «Азовсталь». Его уже ждали другие дела.

Я не знаю, где сейчас инженер Каминский, где и что творит этот скромный и смелый инженер «Стальконструкции». Но пусть он знает, что на «Азовстали» его вспоминают добрым словом.

Когда-то Антон Павлович Чехов устами старого русского инженера, построившего на Руси десятки мостов и оставшегося безвестным, с горечью сказал, что он мог бы указать на множество своих современников, людей замечательных по талантам и трудолюбию, но умерших в неизвестности. «Все эти русские мореплаватели, химики, физики, механики, сельские хозяева — популярны ли они?..»

Да, так было в прошлом. В наше же время все созданное руками народа связано с именами людей, которые вложили свой труд, свою мысль, свою энергию в общенародное дело. Творческий труд инженеров Крупенникова, Каминского, Мамонтова получил высокую оценку — все трое удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

Когда в сентябре сорок шестого года четвертая доменная печь «Азовстали» выдала первый чугун, строители и доменщики получили приветственную телеграмму от товарища Сталина. В этой телеграмме товарищ Сталин писал, что восстановление доменной печи № 4 является серьезным успехом передовой советской строительной техники и большим вкладом в дело возрождения южной металлургии. Иосиф Виссарионович пожелал коллективу «Азовстали» новых успе-

хов в работе и поставил перед ним ближайшую задачу — восстановить завод на довоенную мощность, заново построить блюминг и рельсобалочный стан.

«Азовсталь» по плану пятилетки будет одним из самых мощных металлургических заводов. Уже работают третья и четвертая доменные печи, уже плавят сталь две мощные мартеновские печи.

Смелость решений технических задач можно ощутить на многих объектах строительства «Азовстали». Мамонтов, показывая мне строительные объекты, называл не только объем работ и характер проекта, но и имена тех людей, чьею мыслью, чьими руками все это создано. Он говорил о бетонщиках, верхолазах, инженерах, техниках. Советская страна сберегает имена строителей, самоотверженных людей четвертой сталинской пятилетки.

— Сильная штука, — сказал инженер Мамонтов, когда мы подошли к огромному прокатному цеху, металлоконструкции которого недавно расширены.

И по всему видно было, что ему, старому строителю, приятно и радостно видеть этот индустриальный пейзаж, эти ростки новой созидательной жизни, думать о том, что есть у нас инженеры, которые умеют дерзать и которые обладают точкой опоры — могучей творческой силой своей страны, своего народа.

Донбасс наступает

В день Победы, 9 мая 1946 года, на улицах города Сталино можно было видеть высокого плечистого военного — старшего сержанта. Он обошел из конца в конец главную улицу, подолгу останавливаясь у отдельных домов, охваченных строительными лесами, как бы запоминая этот новый облик возрождающегося города.

Это был Тимофей Никанорович Цаплин, делегат стрелкового полка, — того полка, который в сентябре 1943 года ворвался в пылающий, подожженный немцами город шахтеров и металлургов. Я встретил старшего сержанта на Макеевском шоссе близ Сталино. Он искал свой старый боевой рубеж, искал подбитую им в те дни немецкую самоходку. Он подбил самоходку из своего 45-миллиметрового орудия. Хорошее орудие, — он дошел с ним до крепостных стен Кенигсберга.

Тимофей Никанорович хорошо помнит утро боя на донбасском рубеже. Вместе с наводчиком Левинским он выкатил орудие к самой дороге и с короткой дистанции ударил по немецкой самоходке. Охваченная огнем, самоходка медленно развернулась и осела кормой в придорожной канаве.

В 1945 году, когда старший сержант приезжал в Донбасс с делегацией Сталинской дивизии, он еще видел свой трофей — немецкую самоходку, но в этом году Цаплин уже не застал ее на старом рубеже: ее, говорят, отправили на переплавку

в город, на металлургический завод. Да и самый рубеж — то место, где когда-то протекал бой, зарос травой...

Делегат полка, старший сержант артиллерии, неторопливо зашагал по шоссе — оно было когда-то дорогой войны, — потом он пошел по оживленной улице города, прекрасного донбасского города, который с сентября 1943 года стал и его родным городом. Стремясь охватить виденное, он как бы отталкивался от своего старого боевого рубежа. Старый рубеж служил исходной точкой его наблюдений, мыслей и чувств. Все виденное глубоко западало ему в душу. Улицы, молодые деревья, школы, детские ясли, завод, доменная печь, быстро текущая река металла, огромные ковши с пламенеющей сталью... Его глаза видели весь этот мир новой созидательной жизни. От старого рубежа наступления он мысленно протягивал линии к новым рубежам восстановления.

Его простая душа, душа солдата, преисполнилась гордостью при виде происшедших перемен. Он шел и думал: «Ведь это наша дивизия сражалась на этом боевом рубеже, наш полк с боем продвигался по этой дороге войны, мое орудие шло в первых рядах пехоты, расчищая и прокладывая ей путь; ведь это наши люди, простые советские люди, подняли из руин этот город, вдохнули жизнь в доменные печи, в коксовые батареи, в шахты, отдали и отдают свой ум, свой талант, свою энергию делу восстановления Донбасса».

Донбасс имеет свои яркие, глубокие рубежи наступления, по которым можно проследить историю борьбы за этот чудесный край угля и металла.

Читая доклад товарища Жданова «29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», я вновь вспомнил эти рубежи борьбы, которыми так богата жизнь Донбасса. Товарищ Жданов говорил о том, что первые результаты восстановления нашего народного хозяйства уже налицо. Оживает израненная врагом земля, из руин поднимаются возрожденные заводы, фабрики, шахты, колхозы, вузы и научно-исследовательские учреждения. Товарищ Жданов говорил:

«Донбасс, совершенно разрушенный немцами, уверенно идет по пути восстановления довоенного уровня добычи угля. Возрождение этих предприятий приветствует народ, почти как воскрешение из мертвых, так как знает, до каких пределов разрушения они были доведены фашистскими извергами и каких трудов стоило советским людям, чтобы славные имена этих предприятий вновь засверкали в блистательном списке

увенчанных трудовыми подвигами действующих фабрик и заводов Советского Союза».

1946 год Донбасс завершил новыми производственными успехами.

31 декабря Донбасс выполнил годовой план добычи угля. В первом году новой сталинской пятилетки добыча возросла по сравнению с 1945 годом на 29,6 процента. Перевыполнен и план подготовительных работ. В 1946 году основных подземных выработок пройдено больше, чем в 1945 году, на 143 километра.

1946 год был плодотворным годом для Донбасса. В строй входили крупные механизированные шахты, доменные печи, мартены. Высокая механизация всех процессов труда, насыщенность шахт и заводов мощными механизмами помогли Донбассу одержать производственную победу.

Трудным был этот первый послевоенный год, но люди Донбасса преодолели все и всяческие трудности. Донбасс превысил половину довоенного уровня добычи угля.

На Зугрэсе скоро будет пущена 50-тысячная турбина, и тогда возрожденная Зугрэс достигнет своего довоенного рубежа. На Кураховской ГРЭС вошла в строй первая турбина. В Макеевке пущен мощный блюминг. В канун Нового года по команде инженера Жукова, начальника блюминга, из нагревательных колодцев стальные болванки были поданы на мощный обжимной прокатный стан.

Вместе с новыми механизированными шахтами, вместе с восстановленными доменными и мартеновскими печами в строй вошли институты, техникумы, дворцы культуры, школы, библиотеки, театры, музеи.

История возрождающегося Донбасса — это история его людей. Когда-нибудь экономисты точно подведут итоги сделанному, скажут нам, каким был Донбасс к концу войны, сколько труда было вложено, чтобы оживить шахты и заводы, во что обошлась победа на фронте угля и металла. Но так же, как в военной операции, нельзя расценивать успех только по количеству боевой техники и людей, так и в наступившую эпоху восстановления главным мерилом является творческая сила народа. Эта сила живет всюду и везде.

До войны Донбасс воспитал славных зачинателей стахановского движения в угольной, металлургической промышленности и в сельском хозяйстве. В новой послевоенной сталинской пятилетке во главе социалистического соревнования идут замечательные люди Донбасса. Среди них есть старые

бойцы стахановских методов работы — макеевский доменщик Иван Григорьевич Коробов, Паша Ангелина из Старобешевской МТС. К ним присоединились новаторы высокопроизводительной работы — Николай Лукичев, Герасим Запорожец, Михаил Кучерин и сотни и тысячи их последователей. Все они, показывающие образцы повседневного героизма, увлекают за собою широкие массы трудящихся. Одна из колоритнейших фигур Донбасса 1946 года — врубмашинист Герасим Запорожец с шахты № 27 треста «Снежнянантрацит». Он добился высокой производительности труда — 14 тысяч тонн угля в месяц. Пример Запорожца вдохновил врубмашиниста Цигуру из Рутченково, который дал 9 тысяч тонн угля на врубовку, врубмашиниста Матвеева, давшего 8 тысяч тонн на врубовку. Творческий почин врубмашиниста Запорожца открывает огромные перспективы роста добычи угля в Донбассе.

И в этом же 1946 году на одной из шахт Донбасса — в Ново-Мушкетово произошло событие, которое имеет большое значение в борьбе за уголь. Инженер Малевана, работавшая в тресте «Буденновуголь», стала работать начальником участка шахты. Ее участок теперь выполняет план добычи угля. Инициатива этого инженера, перешедшего на производственную работу, стала предметом обсуждения обкома партии. У Малеваны появились последователи.

Донбасс вступил в новый год своей жизни. Он в пути. Он успешно наступает, повседневно ощущая помощь всей страны, помощь партии, руководящей восстановлением Донбасса.

Приветственные телеграммы товарища Сталина сопутствуют Донбассу в его борьбе и труде. Само время живет в коротких, глубоко содержательных сталинских словах — время войны и первых побед на фронте восстановления. В ночь под новый, сорок четвертый, год, когда на Зугрэсе испытывалась первая машина, металлурги Енакиево получили первую телеграмму от товарища Сталина. В Енакиево выплавили первый чугун на возрожденной доменной печи. Спустя несколько дней телеграмму получили зугрэсовцы. Через несколько недель рабочие Красногоровского завода получили приветственную телеграмму от товарища Сталина — они восстановили завод динасовых кирпичей. Вот выплавлен металл на старом Юзовском заводе, вот ожили цехи завода имени Ильича в Мариуполе, вот поднялась из руин Краматорка, вот восстановлена самая мощная на Юге доменная печь «Азовстали», — и все эти заводы Донбасса постоянно чув-

ствовали заботу государства, сталинскую направляющую руку. В телеграммах товарища Сталина, проникнутых верой в силу народа, звучит один призыв — вперед к новым успехам!

Донбасс живет напряженной творческой жизнью. По ночам небо Донбасса в зарницах. Чистым светом горят огни заводов. И, глядя на огни Донбасса, вспыхнувшие ярким светом на земле, вчера еще дышавшей войной, вновь вспоминаешь вечно живые сталинские слова, которые сейчас после битвы звучат с особой силой:

«Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты».

Редактор *Н. Каданер.* Техн. редактор *З. Малек.*

А09549. Сдано в набор 1/XII-46 г. Подписано к печати 17/XII-46 г.
Формат бумаги 60×84/16. Объем $7^1/_2$ п. л. Зн. в печ. л. 36 400.
Уч.-изд. 6,8 л. Тираж 25 000. Заказ 2290.

Типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

Цена 3 руб.